

22 Января 1917 года. Печатать разрешается.

И. об. Ректора Академіи инспекторъ проф. С. Заринъ.

Православное русское бѣлое духовенство по его положенію и значенію въ исторіи.

Рѣчь, сказанная въ воскресенье 30 октября 1916 года въ собраніи учредителей «Всероссійскаго Общества попеченія мірянъ о нуждахъ священнослужителей Православной Церкви и ихъ семей» *).

Есть вещи, явленія и вліянія, которыя настолько необходимы для бытія, что совершенно не замѣчаются, такъ какъ послѣднее безъ нихъ невозможно и немислимо. Къ сожалѣнію, подобные жизненные факторы слишкомъ часто забываются и попираются. Къ этой категоріи въ полной и горькой мѣрѣ принадлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ и наше православное духовенство, одинаково великое и своими службами и своими нуждами. Его миссія въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ задачами самой Церкви и неотдѣлима отъ нея, ибо христіанское преобразование всего нашего существа и строя посредствуется въ мірѣ обязательнымъ участіемъ богоустановленнаго священства. При такомъ необъятномъ расширеніи даннаго вопроса мы по необходимости должны ограничить свою рѣчь лишь принципиальными сторонами и главнѣйшими пунктами.

Христіанство, возрождая человѣка, благодатно соединяетъ насъ до нерасторжимости съ Господомъ Искупителемъ и чрезъ Него, какъ единороднаго Сына Божія, усыновляетъ Богу

*) Это Общество учреждается въ Петроградѣ, но распространяетъ свою дѣятельность на всѣ губерніи и области государства Россійскаго. Оно имѣетъ цѣлю оказаніе помощи нуждающимся священнослужителямъ Православной Русской Церкви и ихъ семьямъ. Для достиженія своей цѣли Общество: а) устраиваетъ убѣжища, для помѣщенія въ нихъ, съ полнымъ содержаніемъ, наиболее нуждающихся, по многосемейности, престарѣлости, дряхлости или болѣзненному состоянію, священнослужителей и семей ихъ; б) устраиваетъ для больныхъ санаторіи; в) выдаетъ постоянныя или единовременныя, а также вещевыя пособія; г) учреждаетъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ стипендіи для сиротъ духовенства; д) выдаетъ многосемейнымъ пособія на обученіе и воспитаніе дѣтей; е) оказываетъ помощи нуждающимся и разными другими зависящими отъ него способами.

Отцу, а потому върующіе, будучи чадами Божіими по благодати, оказываются фактически и братьями между собою. Тут личное благодатствованіе бывает безусловно неразлучнымъ отъ тѣснѣйшаго братскаго общенія всѣхъ оправданныхъ по ихъ всецѣлому равенству во Христѣ Исусѣ.

По этимъ двумъ линіямъ—личнаго и общаго—и дѣйствовала всегда на Руси православная Церковь черезъ духовенство отъ начала до нашихъ дней.

Ея ближайшимъ поприщемъ была человѣческая совѣсть, гдѣ она водружала свѣтильникъ Христова сіянія и помогала видѣть и побѣждать всякій мракъ внутри и вовнѣ. Этотъ таинственный процессъ сокровеннаго благодатнаго обновленія всякой души христіанской уже на первыхъ порахъ больше всего способствовалъ на Руси духовному возобладанію и надъ языческою суетностію и надъ человѣческою низменностію съ идеалами земного благополучія и деспотическаго господства по произволу грубой силы. И вотъ среди этихъ мрачныхъ условій русской примитивности Церковь—по красочному выраженію проф. В. О. Ключевскаго—самую смерть дѣлала строительницею человѣколюбиваго людскаго общежитія и нотаріальную контору превращала въ притворъ храма Божія.

А достигалось это тѣмъ, что христіански претворялись и возвышались отдѣльныя личности. Для древнѣйшаго періода нашей исторіи отмѣтимъ лишь одну конкретную сторону. Церковь застала и приняла Русскихъ, когда они—по древнѣйшему лѣтописцу—«звѣринымъ обычаемъ жывяху» и еще въ XII вѣкѣ далеко не вполне избавились отъ сего, судя по вопрошанію Кирика. Въ пищѣ господствовала совершенная неразборчивость, и—какъ свидѣтельствуемъ одинъ памятникъ съ именемъ св. І. Златоуста (у † проф. А. И. Пономарева, Памятники III, стр. 239)—люди «кумирскую жертву ядятъ, и кровь и удушенію, и звѣремъ уядено, и птицами угнѣтоно». Церковь сразу повела рѣшительную борьбу противъ этихъ «звѣриныхъ» пристрастій и устами архіеп. Новгородскаго Іліи призывала къ апостольско-соборному требованію (Дѣян. XV, 29) храниться «отъ кровояденія и отъ мертвѣчины и отъ давленныя и отъ блуда», запрещая въ своихъ эпитимійныхъ предписаніяхъ всякое сквернояденіе—въверечины или въ(е)кишны,

удавленины, молозива (перваго молока послѣ родовъ), медвѣдины, бобровины и т. п. Все убѣждаетъ, что къ XIII—XIV столѣтію былъ постепенно упроченъ въ этой области существенный успѣхъ, а едва ли можно сомнѣваться въ его важности, разъ этимъ путемъ лѣсной дикарь съ «звѣринными» привычками превращался въ исполнителя церковныхъ уставовъ, соблюдающаго заповѣди Господни, и фактически становился человѣкомъ христіанской жизни во всѣхъ своихъ влеченіяхъ, настроеніяхъ и отправленіяхъ.

Это была великая побѣда устроенія народнаго быта на каноническихъ завѣтахъ, но—подъ покровомъ Церкви православної—она достигалась въ особенности трудами простого духовенства чрезъ христіанское преобразование каждаго изъ всѣхъ вѣрующихъ людей. Естественно тогда, что дальше оказываются возможными между ними и чисто христіанскіе союзы. Въ этомъ направленіи Церковь, сокрушая на Руси родовой строй обособленія и враждебности, завязываетъ новыя связи человѣческихъ отношеній въ интимной области брака, утверждаетъ и освящаетъ семейную жизнь на новыхъ основахъ христіанскаго общенія, гдѣ всѣ ви́шнія разности поглощаются взаимнымъ сліаніемъ душъ. Понятно, что съ облагороженіемъ семейной сферы, являющейся истиннымъ призваніемъ и славнымъ царствомъ женщины, обезпечивается внутреннее достоинство въ свѣтлыхъ образахъ жены и матери, которыя—по сужденію Ключевскаго же—обязаны преимущественно Церкви, ея проповѣди, ея законодательству во всемъ, чѣмъ онѣ дороги намъ и дорожать сами. И это постигнѣ такъ, потому что на Руси искони господствовалъ и упорно держался уничижительный взглядъ на женщину, которая крѣпче была привязана къ языческому суевѣрію и труднѣе покидала его. Правда, подѣ византійскими отраженіями здѣсь иногда слишкомъ выдвигались аскетическіе взгляды, но послѣдними питалось и поддерживалось чувство идеальной семейной чистоты въ самыхъ влеченіяхъ плоти, которыя должны въ своихъ функціяхъ служить цѣлямъ царства Божія на землѣ въ умноженіи чадъ Божіихъ. И наряду съ этимъ, именно бѣлое духовенство было хранителемъ незыблемыхъ семейныхъ началъ и носителемъ единобрачной святости, не рѣдко

съ самыми трагическими испытаніями, какъ оно соблюло намъ и наиболѣе чистую русскую кровь.

Черезъ семью Церковь сразу пошла противъ всякаго обособленія и устремилась къ водворенію единства во всемъ. Въ гражданско-соціальной области она подавляла холопскую неволю христіанскимъ признаніемъ, что «всѣ Божіи и царевы государевы люди», и изъ обломковъ разнородныхъ жизненныхъ крушеній устроила новые внѣсловные союзы ради религіозно-нравственныхъ цѣлей и по мотивамъ состраданія и милосердія, принявъ на себя отвѣтственный трудъ «установить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа», по выраженію митр. Иларіона. Такъ открывается здѣсь великая государственная миссія Церкви по созиданію Русскаго царства. Еще препод. Несторъ Лѣтописецъ удостовѣрялъ фактъ сліянія разныхъ племенъ древней Руси въ «единъ языкъ, крестившійся во единого Христа»,—и, утверждаясь на немъ, Церковь достигала того, что уже нашъ первый паломникъ, благочестивый игумень Даниль (въ началѣ XII вѣка) имѣлъ утѣшеніе возглаголють при гробѣ Гробѣ Господнемъ «лампаду съ елеемъ отъ всей земли Русской». Въ удѣльно-вѣчевой періодъ раздоровъ и усобицъ Церковь могущественно ослабляла неудержимую центробѣжность миромъ Христовымъ и на этомъ фундаментѣ закладывала прочныя основы широкаго внѣшняго объединенія. Нельзя отрицать тутъ сопричастія многихъ политическихъ и иныхъ историческихъ факторовъ, но если гражданское «собираніе» Руси увѣнчалось благословеннымъ успѣхомъ, то случилось это—главнѣе всего—потому, что собранное находило для себя живительную почву въ духовномъ единствѣ, проникавшемъ cadaго уже единеніемъ церковно-славянскаго языка, національно сплавивающаго и родниващаго всѣхъ подъ покровомъ единой и святой матери—Церкви. Лишь при этомъ условіи внѣшній конгломератъ слагался въ стройное зданіе живого, одухотвореннаго политическаго организма. Но—по самому существу своему—последній немислимъ безъ средоточнаго и заправляющаго главенства, почему естественно и безспорно, что Церковь указала и осватила единодержавіе, создавшее великое и славное, во вѣки непобѣдимое Русское государство. крѣпкое силою Божіей. И въ недавніе печальные дни

внутренней смуты счастливому умиротворенію много помогли христіанскія воздѣйствія пастырскихъ наставленій, усмиряя буйныя порывы взволнованныхъ массъ и подавляя тенденціи тогдашнихъ и деологовъ и фанатиковъ Вавилонскаго столпотворенія...

Во всѣхъ этихъ достойныхъ подвигахъ духовенство наше не выдвигается впередъ, поглощаясь вліяніемъ Церкви и всецѣло раздѣляя ея судьбу, но это и свидѣтельствуетъ больше всего о томъ, что оно всегда дѣйствовало не своими ограниченными человѣческими средствами и съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ водилось божественною мощію, которая совершалась даже въ самомъ униженіи его. И коль скоро «у Русскихъ — по наблюденію одного проникновеннаго иностранца (Леруа Болье) — невозможно отдѣлять понятіе Церкви отъ понятія отечества», — этимъ мы особенно обязаны нашему простому духовенству, внѣдрившему такія начала въ плоть и кровь русскаго народа. Въ немъ государственность взлелѣяна Церковію, а Церковь оплодотворяла черезъ духовенство. Натурально, что значеніе ихъ обоихъ ярче выдѣляется въ критическіе моменты государственнаго бытія. При татарщинѣ вся русская независимость сосредоточивалась собственно въ правахъ Церкви, оберегавшей и питавшей ростки государственнаго возрожденія и крестившей его для лучшей жизни на Куликовомъ полѣ. Порабощенный русскій народъ какъ бы пересталъ существовать въ качествѣ самостоятельной націи — съ опасностію совсѣмъ потерять надежду на самую возможность своего государственнаго воскресенія; однако продолжалъ сохраняться своею несокрушимою самобытностію въ нѣдрахъ православной Церкви, воспитывавшей къ обновленному торжеству. Недаромъ же незабвенный Н. М. Карамзинъ сказалъ, что «въ два столѣтія, ознаменованныхъ духомъ рабства, вѣра (христіанская) удержала насъ на степени людей, гражданъ, не дала окаменѣть сердца, ни умолкнуть совѣсти; въ униженіи имени *русскаго* мы возвышали себя именемъ *христіанъ* и любили отечество, какъ *страну православія*».

А въ періодъ гибельныхъ смуть еще болѣе опаснаго лихолѣтя Русь не разсыпалась совершенно и не была поглощена иноземщиной исключительно потому, что вмѣстѣ со Смоленцами не забывала спасительнаго исповѣданія: «братія еси

и сродницы, понже отъ купели святаго и крещеніемъ породихомся и обѣщавшася въровати во Святую и Единосущную Троицу, Богу живу и истинну». И это памятованіе и его пробужденіе справедливо усвоить духовенству, въ которомъ тогда—по замѣчанію Карамзина—«особенно сіяла доблесть». Конечно, это отличіе простиралось на высшую епархію и на иночество во главѣ съ древнѣйшимъ храмомъ свободы въ Сергіевой Лаврѣ, но участіе благаго духовенства несомнѣнно даже въ отдѣльныхъ выдающихся личностяхъ, если по поводу извѣстныхъ призывныхъ патріотическихъ грамотъ говорится о препод. Діонисіи и попѣ Насѣдкѣ, что «и всяка ночь день имъ бѣше». А народныя массы, отстаивавшія русскую государственность наряду съ Ляпуновыми, Миниными и Пожарскими, имѣли для себя единственныхъ вдохновителей въ своихъ народныхъ же, сельскихъ пастыряхъ. И Н. И. Костомаровъ внушительно заявляетъ, что въ эту жестокою пору Русской исторіи «духовенство главнымъ образомъ боролось съ врагами вѣры и отечества, что ему главнымъ образомъ и принадлежитъ та заслуга, что—съ одной стороны—православіе Русскихъ въ это время осталось цѣлымъ, а съ другой—и государство Русское осталось навсегда независимымъ, самостоятельнымъ».

Въ свою очередь Отечественная война разрѣшилась для Россіи ко всемірной славѣ и пользѣ въ силу того, что при пораженіи самаго сердца ея съ утратою столицы не была потеряна вѣра. Именно она (—по словамъ Высочайшаго манифеста 25 декабря 1812 г.—) сплотила всѣхъ въ «единую душу,—душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью къ отечеству, колико и любовью къ Богу», но такія «побѣдительныя» силы патріотическаго героизма почерпались въ православно-религіозныхъ источникахъ народнаго духа, воспитаннаго народнымъ пастырствомъ. Посему и въ изданной,—по изгнаніи непріятеля,—4 августа 1813 г. благодарственной окружной грамотѣ Св. Синодъ «изволеніемъ Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Александра Павловича восписуетъ и свидѣтельствууетъ всему Православному Духовенству Россійскому благоволеніе и честь и благодареніе».

То же видимъ и нынѣ среди кроваваго сумрака бранныхъ потрясеній и испытаній. Когда гордый своею показною цивили-

лизаціей врагъ нашъ быстро превратился въ жестокаго первобытнаго тевтона и выдвинулъ демонически изощренныя средства культурнаго дикаря, — нашъ воинъ противопоставилъ этому варварству лишь несокрушимую силу духа, великаго на землѣ и подь небомъ, на морѣ и подь водою — по своей христіанской самопреданности ради поруганной родины и во имя господства правды Божіей во всемъ мірѣ. Отъ его лица непрходимыя горы таютъ, какъ воскъ, и неприступныя твердыни разсѣваются точно туманъ. Кто дастъ этому смиренію такую чудодѣйственную мощь — кромѣ православной вѣры Христовой, насаждаемой и укрѣпляемой по Святой Руси достойными пастырями нашими? Кто простого поселянина дивно преображаетъ въ неодолимаго героя, какъ не сельскій батюшка, воспитавшій въ немъ крѣпость Христова самопожертвованія и славнаго торжества? Въ громахъ побѣдъ нашего несравнимаго воинства намъ слышится тихое, но истинно зиждательное вѣяніе и побѣждающаго съ нимъ скромнаго духовенства нашего, искони бывшаго животворящею силой русскаго народа. И мы знаемъ, что военные священники сами ходатайствовали, чтобы — для наилучшаго пастырскаго воздѣйствія и собственнаго соучастія — ихъ заблаговременно предупреждали о предстоящихъ бояхъ, наступленіяхъ и другихъ важныхъ моментахъ военныхъ операцій, о результатахъ же этой духовной работы — изъ устъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта (въ засѣданіи 22 іюня 1916 г.) мы слышали, что наши сказочные витязи были еще «увлекаемы примѣромъ своего безстрашнаго духовенства», не рѣдко жертвовавшего своею жизнію съ истиннымъ героизмомъ воиновъ Христовыхъ.

Настоящее служить яркою печатію для всего прошлаго и своею неотразимою очевидностію дѣлаетъ излишними дальнѣйшія рѣчи о неосцѣненныхъ заслугахъ православнаго пастырства нашего. Въ послѣднемъ, конечно, должна быть особо упомянута правящая іерархія, на первыхъ порахъ Русской исторіи всецѣло доминировавшая, однако и не безусловно успѣшная именно потому, что она не была тогда народною. Вообще же нужно признать, что всѣ внѣшнія церковныя предначертанія бываютъ жизненными факторами и распространяются до самыхъ краевъ и глубинъ Россійскаго океана собственно чрезъ бѣлое духовенство, всюду вносящее свѣтъ Христовъ въ его

непосредственно живительномъ примѣненіи. Безъ него церковное руководство могло бы оставаться лишь высокою проповѣдію, между тѣмъ христіанство есть жизнь благодатнаго оживотворенія каждой человѣческой личности. Не забываемъ мы и о нашемъ иночествѣ, подвижнически водворявшемъ у насъ христіанскую культуру, но оно является хранителемъ христіанской энергіи, а воплощеніе ея въ средѣ всего русскаго народа доселѣ совершается спасительными трудами простого блага духовенства, истинно святаго въ своемъ служеніи, хотя и обойденнаго во святыхъ. Съ этой стороны ему по преимуществу принадлежитъ великая честь воспитанія яснаго даже иностранцамъ (Леруа Болье) внутренняго сродства между Евангелиемъ и русскою душою чрезъ приобщеніе и внѣдреніе православія, въ которомъ еще Лѣтописецъ привѣтствовалъ «свѣтлую зарю счастья Россіи». Русскій народъ внутренне сочетался съ православною Церковію и чрезъ нее «принялъ въ свою суть Христа и Его ученіе», какъ свидѣтельствуешь нашъ гениальный писатель Ф. М. Достоевскій, но здѣсь наибольшее вліяніе принадлежало нашему бѣлому духовенству. Именно оно всегда стояло ближе всѣхъ къ совѣсти народной и прививало къ ней христіанскія начала истины, любви и вѣры, живя неразрывно отъ народа, почему способствовало всѣмъ его гражданскимъ успѣхамъ, какъ понынѣ имъ же часто спасалась и наша національная самостоятельность среди жестокихъ испытаній. Во время польскаго мятежа наше духовенство много помогало успѣху Русскаго торжества и неизмѣнно оставалось хранителемъ правъ неразрывнаго съ нимъ русскаго народа, а при освобожденіи крестьянъ, сопровождавшемся немалыми осложнениями, было истиннымъ миротворцемъ, счастливо оберегавшимъ зарожденіе и насажденіе русской народной свободы. Даже въ томъ, что особенно порицается въ немъ человѣческимъ осужденіемъ, — безспорны огромныя заслуги нашего духовенства. По его инициативѣ возникла организованная борьба съ тяжкимъ недугомъ пьянства и по его благотворному участію стала распространяться трезвость. Духовенство подняло свой голосъ противъ этого губительнаго зла еще при господствѣ всесильныхъ откуповъ и не умолкало со своимъ оживляющимъ протестомъ, не смотря на рѣшительныя предупрежденія Оберъ-Прокурору свыше,

что «совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простаго народа религиозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо»...

Не безъ дефектовъ протекаетъ и исполняется это отвѣтственное служеніе духовенства русскаго, а мы слишкомъ склонны преувеличивать грѣхи, недостатки и немощи, не различая вольныхъ отъ невольныхъ, падающихъ на самихъ обличителей. Не будемъ ни отрицать, ни полемизировать и напомнимъ только торжественное удостовѣреніе одного авторитетнаго русскаго мірянина. На празднествѣ 900-лѣтія крещенія Руси К. П. Побѣдоносцевъ говорилъ: «Кто знаетъ тяжкія условія быта, въ коихъ живетъ и дѣйствуетъ наше духовенство, особливо сельское,—у того слово суда, готовое для недостойныхъ, умолкнетъ предъ величіемъ подвига, совершаемаго многими, безвѣстно труждающимися посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи въ великой нуждѣ, въ холодѣ, въ голодѣ, въ нищетѣ и не рѣдко въ обидѣ. Легіоны этихъ тружениковъ стоятъ уже молитвенниками предъ Богомъ,—и на ихъ костяхъ стоитъ наша Церковь. Но и нынѣ сколько живущихъ, подобно имъ, безвѣстно трудятся надъ ея созиданіемъ! Слава и честь духовенству нашему, и да умножить ему благодать Божія и крѣпкую силу вѣры, и чувство любви и жалости для учительства словомъ и дѣломъ!»

Такова неліцемерная истина. Но наряду съ этими святыми пожеланіями и свѣтлыми упованіями необходимы убѣжденное призваніе и активное вниманіе. Безпристрастный въ этомъ слухавъ свѣтскій авторъ (Н. В. Елагинъ) заявлялъ, что «наше духовенство есть самое лучшее во всемъ мірѣ», а одинъ иностранецъ (англиканскій епископъ Лесли въ «Новомъ Времени» № 14485 за 4 іюля 1916 г.) еще недавно спрашивалъ всѣхъ русскихъ людей: «цѣните ли вы достаточно ваше несравненное духовенство?» И по всей совѣсти приходится отвѣчать, что его фактическое положеніе совершенно не соотвѣтствуетъ этому неотъемлемому достоинству. Заслуги духовенства легко забываются и прямо отрицаются, и оно само чаще принижалось до уровня обиженнаго и оскорбленнаго. вмѣстѣ со свѣтомъ Христовымъ духовенство было и насадителемъ всякаго знанія, которое началось, развилось и утвердилось у насъ именно благодаря ему. Приснопамятный святитель Фила-

реть, митрополитъ Московскій, свидѣтельствовалъ, что «со времени принятія христіанства и до настоящаго времени русскій народъ не имѣлъ другихъ учителей, кромѣ духовенства, т. е. служителей православной Церкви, устами которой они и учили. Духовный отецъ, испытующій своихъ прихожанъ, поучающій ихъ въ храмѣ, освящающій ихъ таинствами, молящійся съ ними во всѣхъ важнѣйшихъ торжественныхъ случаяхъ жизни, принимающій самое близкое участіе въ ихъ скорбяхъ и радостяхъ, былъ и есть самый естественный учитель и начальникъ сельскаго училища. И что духовенство (или въ лицѣ его православная Церковь) оправдало призваніе наставленіемъ народа,—тому доказательствомъ служить вся русская исторія: онъ перенесъ трудныя времена княжескихъ междоусобій, татарскаго ига, самозванцевъ и борьбы съ поляками, а потомъ съ французами; онъ великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII вѣка и заслужилъ удивленіе сдержанностію своею послѣ объявленія ему Положенія 19 февраля 1861 года. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ теченіе 900 лѣтъ, онъ имѣлъ для всей своей массы одно училище—Церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ—духовенствомъ». Всякое образованіе и вся наука произошли у насъ изъ этого первоисточника, которымъ много питаются понынѣ до самыхъ глухихъ уголковъ нашего отечества,— и тѣмъ не менѣе даже самыя права этого рода у него оспариваются рѣшительно или отвергаются оскорбительно, а духовная школа сверху и до низу держится въ стѣснительномъ загонѣ и слишкомъ достаточной приниженности, во всѣхъ отношеніяхъ. Возвышеніемъ христіанской личности каждаго и облагороженіемъ нравовъ духовенство наиболѣе способствовало огражденію всеобщаго достоинства всѣхъ классовъ на Руси, ему же самому выпала «печальная доля смиренія и уничиженія», какъ съ убѣжденною грустію констатируетъ знатокъ и историкъ этого предмета проф. П. В. Знаменскій. Даже по сравненію съ монашествомъ, бывшимъ въ теченіи всей древней исторіи классомъ почитаемымъ, привилегированнымъ и обезпеченнымъ,—приходское духовенство оставалось тяглымъ сословіемъ, безправнымъ, угнетеннымъ нуждою и вообще многострадальнымъ. По Уложенію 1649 г. повелѣвалось подвергать нещадному правѣжу

всѣхъ членовъ блага духовенства паравнѣ съ мірянами, но безчестіе духовныхъ лицъ оцѣнивалось пятью рублями, какъ въ XVII вѣкѣ взыскивали за безчестіе черемиса или мордвина и за убійство хозяйской собаки, почему въ челобитной 1658 г. Алексію Михайловичу говорилось, что тогда «похвальнымъ словомъ у небоящихся Бога дворянъ и боярскихъ дѣтей стало: бей попа, чѣд собаку, да кинь пять рублей». Гражданская подавленность духовенства была столь привычною и признавалось до того нормальною, что даже при Екатеринѣ II приходилось защищать духовное сословіе отъ причисленія къ мѣщанству — безъ всякихъ мѣщанскихъ выгодъ, — хотя и потомъ долго-долго выходило изъ него былъ открытъ лишь въ податное состояніе, да въ солдаты. Только при Александрѣ I (по указу 22 мая 1801 г. и подтвержденію 1808 г.) священнослужители и ихъ семейства выдѣлялись изъ массы «подлога народа», но еще митр. Платонъ больно чувствовалъ и горько оплакивалъ жалкую долю духовенства, громко заявляя: «мы на землѣ бесполезное бремя... даже вредное бремя». Изъ устъ великаго преобразователя Россіи раздалось жестокое слово, что «многому злу корень старцы и попы», — и этотъ обидный укоръ тяготеетъ до сего дне, если современные іереи чувствуютъ себя такъ, «будто за ними значитъ какое-то древнее преступленіе предъ народомъ, за которое и совершается имъ [мщеніе изъ рода въ родъ]» (Свящ. А. К. *Рождественскій*, Тягостное положеніе православнаго духовенства и отношеніе къ нему Государственной Думы, Ярославль 1913, стр. 4). Литература ничуть не способствовала измѣненію этихъ настроеній. Властитель думъ своей эпохи, — извѣстный критикъ В. Г. Бѣлинскій относился къ духовенству съ крайнимъ пессимизмомъ, а когда Н. В. Гоголь открыто выразилъ къ нему свои симпатіи, провозгласивъ, что православная «Церковь... какъ бы спесена прямо съ неба для русскаго народа», — этого гениальнаго художника нашего объявили не только утратившимъ талантъ, но и лишившимся здраваго разума. Даже нынѣ господствуетъ тенденціозное пристрастіе изображать духовенство непременно съ призвуками пренебреженія или ироніи, а не рѣдко и въ тощѣ още болѣе обиднаго спсехожденія и соботѣзнованія. Въ обществѣ меркнетъ идеаль истиннаго пастыря, авторитетнаго

руководителя и просвѣщеннаго совѣтника въ вопросахъ ума и совѣсти. И теперь многіе категорически отвергаютъ научность и культуру для пастырства нашего, безпечально вздыхая и усердно стараясь о томъ, чтобы батюшки были поспѣше и попроще, хотя именно здѣсь простота хуже всякаго воровства, ибо граничить съ высшею степенью святотатства и поруганія святыхъ. Матеріальное обезпеченіе духовенства всегда было случайно и убого,—и въ этомъ отношеніи горестно правъ проф. П. В. Знаменскій, что оно «далеко не избаловано благодареніями и заботливостію о его участи». Если по правилу «служащіе олтарю, со олтаремъ дѣлятся» св. Апостоль Павелъ спрашивалъ Коринтянъ (1 Кор. IX, 13, 11): «аще мы духовная съяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ?»—то его преемники у насъ по градамъ и весямъ принуждены были повторять совѣмъ иное апостольское изреченіе (1 Тим. VI, 8): «имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ», а иногда приходилось сохранять второе, не располагая даже первымъ. И. Т. Посошковъ (въ началѣ XVIII вѣка) утверждалъ, что священство есть «дѣло святое... и возвышено вышши облакъ, подѣ небесемъ сущихъ», но—по его же свидѣтельству—оно испытывало всякія «пакости» въ лицѣ русскихъ пастырей, которые «ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны: мужикъ за соху—и попъ за соху, мужикъ за косу—и попъ за косу», такъ что въ концѣ XVII столѣтія Псковскій митрополитъ Маркеллъ жаловался (въ 1685 году Ивану и Петру Алексѣевичамъ), что «церквями архіереи не владѣютъ, а владѣютъ мужики, а священники бѣдные и причетники у нихъ ничего не смѣютъ». Не смотря на все это, русскій писатель съ нѣмецкою фамиліей Фонъ-Визина потомъ сочинилъ и пустилъ въ ходъ злую клевету, не чуждую и нашему времени, будто на таинствахъ «пастыри карманы набиваютъ», между тѣмъ Самъ Христосъ сказалъ (Мѡ. X, 10), что «достойнъ есть дѣлатель мзды своя», а по Апостолу (1 Кор. IX, 14) «и Господь повелѣлъ проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити». По безупречному сужденію святителя Филарета,—чтобы «разрядъ людей», назначенныхъ «для служенія религіи, для освященія народа общественною молитвою и священнодѣйствіями, для распространенія и непрерывнаго поддержанія въ народѣ уче-

нiя религiи и сообразныхъ съ нею правилъ жизни,—чтобы сей разрядъ полибе и безпрепятственнѣ преданъ былъ своему назначенiю, надобно, чтобы онъ обезпеченъ былъ въ потребностяхъ жизни»; однако и сейчасъ слышится такой горестный вопль (о. С. Подмаеукаго, Какъ понимается авторитетъ православнаго священника, Кiевъ 1911, стр. 43): «когда св. апостоль поставлялъ на видъ первоначальнымъ христiанамъ свою самоотверженность въ заботѣ о своемъ кускѣ хлѣба,—то священнику ли (русскому) не указать на ту же самоотверженность, которую несетъ онъ цѣлые вѣка.—и при томъ несетъ оклеветанный, униженный?» Страшно вспоминать ужасающiе примѣры, какъ въ наши дни псаломщикъ грѣховно покончилъ съ жизнью, оставивъ лаконически потрясающую записку, что ему «надоѣло голодать» (см. у о. А. К. Рождественскаго на стр. 7).

Да, сурова участь и тяжела доля приходскаго русскаго духовенства,—и едва ли все это скоро и существенно улучшится созданиемъ прихожанской подневольности и чиновнической подотчетности, гдѣ будутъ повѣрять у него каждый грошь. Призванный быть свѣтильникомъ въ своемъ округѣ,—всякiй пастырь долженъ держать и себя и всю семью на приличномъ уровнѣ во всѣхъ отношенiяхъ, терпя великiя самоограниченiя и непрестанныя лишения, но ихъ чаще всего не хотятъ видѣть, а только всегда требуютъ, чтобы онъ стоялъ на высотѣ своего званiя и вмѣстѣ съ прямымъ церковнымъ служенiемъ безмездно и регулярно исполнялъ огромную массу чисто-гражданскихъ повинностей по государственнымъ потребностямъ. Еще болѣе горестна судьба духовнаго сиротства,—и по личному неизгладимому опыту, слишкомъ хорошо чувствую доселѣ, какъ здѣсь каждый шагъ впередъ совершается съ кровавыми ранами и душевными муками, которыя далеко не у всѣхъ сопровождаютъ даже самымъ скромнымъ успѣхомъ. Безотрадно положенiе и запятнаго духовенства, безпризорнаго и беспомощнаго, когда оно—съ оставленiемъ мѣста—не рѣдко лишается всякаго крова, не имѣя обезпеченныхъ прiютовъ для скромнаго покоя и сосредоточенной молитвы. А вѣдь каждый изъ насъ живетъ духовно-христiански лишь черезъ пастырство. Оно встрѣчаетъ наше земное бытiе, воцерковляетъ и прiобщаетъ къ благодатному царству Христову, освящаетъ всѣ важнѣйшiе

моменты небесными благословеніями, растворяетъ всѣ наши скорби и радости божественными утѣшеніями и высшими упованіями и всякаго провожаетъ въ «путь всея земли» свѣтлыми обѣтованіями вѣчной блаженной жизни. Получая отъ духовенства столь многія и великія блага, мы—міряне—обязаны,— по Апостолу (2 Кор. VI, 13),—распространиться въ равное возмездіе. И вотъ теперь полагается починить этому святому дѣлу среди ужасовъ страшнаго кровопролитія не только по ожиданію множества жертвъ въ рядахъ духовенства, но—еще болѣе того—по сердечному христіанскому вѣрованію, что какъ Церковь возросла на крови мучениковъ, такъ и это начинаніе въ пользу служителей Церкви оживотворится священной искупительною кровію поборающей за правду Христову Россіи, а пастыри и члены клира приобрѣтутъ особую бодрость отъ сознанія, что—при возможныхъ жизненныхъ превратностяхъ—имъ гарантируется свобода духа для усердной и безраздѣльной молитвы о всѣхъ и за вся, о мирѣ всего міра, о всякой душѣ христіанской, скорбящей же и озлобленной, милости Божіей и помощи требующей. Это вовсе не погашеніе неоплатнаго долга нашего не по одной взаимной несоизмѣримости, а главнымъ образомъ потому, что—даже при самой искренней готовности къ исполненію—все должное совершается не столько съ радостію, сколько воздыхающе (Евр. XIII, 17), между тѣмъ христіанская взаимопомощь осуществляется «не отъ скорби, ни отъ нужды: доброхотна бо дателя любить Богъ» (2 Кор. IX, 7). Не по теоретическому расчету и не по формальнымъ мотивамъ возникаетъ настоящее учрежденіе, являющееся чистою жертвой христіанскаго благодаренія. Оно есть плодъ духовнаго порыва и возвышеннаго вдохновенія съ глубокою вѣрой въ божественную зиждательность для него по всей Руси великой. Посему и при освященіи самаго начала позвольте именовъ всѣхъ участниковъ провозгласить святыя слова всецѣлой преданности и живого упованія:

вѣрою и любобію пристѣпимъ!

Профессоръ Николай Глубоковскій.

Петроградъ 1916, IV, 9—Великая суббота.

1916, IV, 12—Свѣтлый вторникъ.

6561

Къ вопросу объ отношеніи Талмуда къ христіанамъ.

(Докладъ, читанный въ Засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, 27 Октября 1916 г.)

Среди многихъ интересныхъ находокъ въ книгохранилищѣ Каирской Синагоги за послѣднія двадцать лѣтъ особое вниманіе гебраистовъ-богослововъ обратилъ на себя между прочимъ текстъ еврейской молитвы 18-ти благословеній («шемоце—эсре»), опубликованный Шехтеромъ въ июльской книжкѣ *The Jewish Quarterly Review* за 1898 г. (pp. 655—658). По мнѣнію Шехтера, пергаментная рукопись, заключающая этотъ текстъ, представляетъ часть кодекса, предназначеннаго для частныхъ моленій. Въ текстѣ молитвы 18-ти благословеній, написанномъ въ этой рукописи, какъ онъ опубликованъ Шехтеромъ, встрѣчается нѣсколько особенностей, сравнительно съ текстомъ ея въ молитвенникахъ позднѣйшихъ евреевъ, въ частности—современныхъ, часть каковыхъ (особенностей) отмѣчена Шехтеромъ. Наибольше существенной изъ нихъ является присутствіе здѣсь и особая формулировка т. н. «благословенія» (точнѣе—«проклятія») противъ «минеевъ» («биркат-гаммининъ»), въ которомъ здѣсь рядомъ съ словомъ «вегамминимъ»—«и миней» и прежде его стоитъ слово изъ семиеврейскихъ буквъ: «вавь, ге, нун, цаде, решъ, йодъ, мемъ,» которое можно читать, какъ дѣйствительно многіе и читаютъ והצרים «веганноцримъ» «и христіане».

Такъ какъ благословіе противъ минеевъ было составлено и внесено въ молитву 18-ти благословіій въ періодъ «таннъ»¹⁾, первыхъ и главныхъ созидателей Мишны, основной части Талмуда, то возникаетъ вопросъ: насколько такая формулировка этого благословія, какую оно имѣетъ въ опубликованномъ Шехтеромъ текстѣ этой молитвы.²⁾ соотвѣтствовала взглядамъ «таннъ», первыхъ созидателей Талмуда, или Талмуда вообще—на христіанъ. Это обстоятельство послужило поводомъ для гебраистовъ-богослововъ вновь пересмотрѣть тѣ текстуальныя и историческія данныя, на основаніи которыхъ такъ или иначе рѣшается, можно сказать, вѣковой вопросъ объ отношеніи Талмуда къ христіанамъ. Оно же послужило ближайшимъ побужденіемъ и для настоящаго доклада.

Прежде, чѣмъ такъ или иначе опредѣлять отношеніе Талмуда къ христіанамъ, слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ: есть ли въ Талмудѣ положенія, относящія непосредственно къ христіанамъ? Касавшіеся этого вопроса гебраисты отвѣчали на него неодинаково: одни готовы были почти совершенно отрицать существованіе въ Талмудѣ такихъ положеній, другіе наоборотъ съ рѣшительностью указывали ихъ и иногда въ большомъ количествѣ. Выразителемъ перваго взгляда изъ отечественныхъ гебраистовъ является проф. Д. А. Хвольсонъ, который относительно Мишны, основной части Талмуда, говоритъ, что въ ней не встрѣчается ни малѣйшаго указанія на христіанъ и только (упоминается о минеехъ.³⁾ Да и относительно всего Талмуда, т. е. Мишны и Гемары, онъ также находилъ возможнымъ утверждать, что и въ немъ, также какъ и въ Мишнѣ, не встрѣчается ни одного закона, положенія или правила, ко-

¹⁾ Берахотъ, f. 28, б—29, а. Мегилла, f. 17, б. Ср. Bacher W., Die Agada der Tannaiten, 1 B., (1903), SS. 83—85. Friedländer M., Patristische und Talmudische Studien, (1878), II Abschn. Judentum und Christentum, SS. 78—79, Note 12.

²⁾ והנצרים המינים כרגע יאברו ימהו מספר החיים ועם צריקים אל יכתבו («Веганноцримъ вегамминимъ берега йобеду, иммаху миссэферь гахайнимъ венимъ паддикимъ алъ иккатебу») = «а христіане и минеи мгновенно да погибнуть, да изгладятся изъ книги живыхъ и съ праведными да не напишутся». The Jewish Quarterly Review, 1898, july, Genizah specimens, Liturgy, p. 657.

³⁾ Хвольсонъ Д. А. проф., «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ». С.-Петербургъ, 1880 г. Стр. 59—60.

торое было бы вызвано прямо христианствомъ. ¹⁾ Выразителемъ другого взгляда является ученикъ проф. Д. А. Хвольсона по Императорской Петроградской римско-католической академіи и бывший профессоръ этой академіи, о. І. Правайтисъ, который въ особой книгѣ, написанной имъ по данному вопросу: «*Christianus in Talmude judaeorum, sive rabbinicae doctrinae de christianis secreta.* (Petropoli, 1892), вторая часть которой въ 1911 г. была издана въ русскомъ переводѣ ²⁾, довольно пространно говорить о положеніи христіанъ по Талмуду.

Для того, чтобы разобраться въ этомъ разнорѣчии и вмѣстѣ съ тѣмъ установить болѣе или менѣе прочную позицію для рѣшенія самого вопроса, слѣдуетъ точно опредѣлить объемъ понятія «Талмудъ» и, восторыхъ—указать специфическое названіе въ Талмудѣ понятія «христіанинъ». Разногласіе по данному вопросу, повидимому, главнымъ образомъ оттого и возникаетъ, что въ рѣчи о «Талмудѣ» иногда выходятъ за предѣлы объема понятія «Талмудъ», включая сюда также произведенія, отличныя отъ Талмуда, и съ другой стороны—къ подлинно талмудическимъ свидѣтельствамъ о христіанахъ, въ которыхъ (свидѣтельствахъ) они (христіане) называются по ихъ специфическому названію или которыя на основаніи контекста рѣчи дѣйствительно относятся къ христіанамъ, относятъ и такія, въ которыхъ нѣтъ специфическаго названія христіанъ и которыя по самому контексту рѣчи къ нимъ не относятся.

Что касается понятія «Талмудъ», то въ обычномъ научномъ употребленіи въ немъ разумѣется соединеніе Мишны, основной части, и Гемары, дополнительной части Талмуда, но въ объемъ его не включаются ни книга Зогаръ и вообще ми-драши, ни тѣмъ болѣе Шулханъ-арухъ и другія произведенія раввинской письменности.

Изъ встрѣчающихся въ Талмудѣ и относимыхъ къ христіанамъ названій только о названіи «ноцри» можно съ увѣренностью сказать, что оно есть специфическое названіе

¹⁾ Хвольсонъ Д. А. проф., *op. c.*, стр. 62. Ср. его же *Über das Datum im Evangelium Matthäi XXVI, 17: τῆ δὲ πρώτῃ τῶν ἄζυμων*, 1908 г., SS. 99—112.

²⁾ «Христіанинъ въ Талмудѣ еврейскомъ или тайны раввинскаго ученія о христіанахъ», разоблачилъ І. Б. Правайтисъ, Ташкентъ, 1911 г.

христіанъ какъ лицъ извѣстнаго, отличнаго отъ іудейскаго, вѣроисповѣданія, такъ какъ происходитъ непосредственно отъ названія «ноцри» или «нацорай» = *Ναζωραῖος*, примѣненнаго къ Иисусу Христу предавшими Его Пилату іудеями (Іоан. XVIII, 5, 7), соотвѣтственно чему была изготовлена надпись на крестѣ (Іоан. XIX, 19), въ которой Иисусъ Христосъ былъ названъ Иисусомъ Назореемъ, почему и вѣрующіе въ Него у іудеевъ назывались «назореями» («нацорайе—ноцримъ» ср. Дѣян. ап. XXIV, 5) ¹⁾. По мнѣнію Галеви, это названіе сперва было общимъ названіемъ христіанъ иъ семитовъ, но впослѣдствіи, когда христіанство распространилось среди грековъ, оно было замѣнено названіемъ «христіанинъ» (*Χριστιανός*), начало чему было положено въ Антиохіи (ср. Дѣян. XI, 19—26) ²⁾. Въ Талмудѣ же осталось прежнее названіе христіанъ, которое потомъ перешло и въ Коранъ, гдѣ христіане называются «ан-насаръ». Именемъ существительнымъ, отъ котораго происходитъ прилагательное «ноцри», служить не «Нацаретъ» (= «Назаретъ») ³⁾, отъ котораго, какъ вполнѣ правильно предполагаетъ Галеви, прилагательное было бы «нацарти» (ср. отъ «Пелешетъ» — «пелишти» = филистимлянинъ), а не «ноцри», но—существительное «нацеръ» (= «отпрыскъ», «цвѣтъ»), какъ въ пророчествѣ Ис. XI, 1 называется Мессія («нацеръ мишпорашайвъ ифре=и вѣтвь произрастетъ отъ корней его») ⁴⁾, соотвѣтственно чему смысловое значеніе

¹⁾ Въ Талмудѣ, гдѣ нѣсколько разъ упоминается объ Иисусѣ Христѣ. Онъ также называется «*Иешу ганноцри*», ср. Сангедринъ, f. 43, а (мюх. рук.), f. 103, а; Абода Зара, f. 16, б—f. 17, а.

²⁾ *Revue sémitique*, 1903, Notes évangéliques: *Ναζωραῖος*, pp. 232—239. R. sémit. 1908, Encore *Ναζωραῖος*, pp. 430—433, par I. Halévy.

³⁾ Ср. Buxtorffii *Joh.*, *Lexicon chaldaicum, talmudicum et rabbinicum*, v. «Ноцри», и Levy J., *Neuhebräisches und Chaldaisches Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim*, v. «Ноцри»; о. Праваятисъ, op. c., p. 26.

⁴⁾ Ср. Moulton W. F., *A. Concordance to the Greek Testament*, Edinburgh, 1899, p. 660, v. *Ναζωραῖος* = «Ноцри». Въ Церковномъ Словарѣ, составленномъ протопресвитеромъ П. Алексѣевымъ и въ 1-мъ изд. рассмотрѣнномъ митрополитомъ Плагономъ, о словѣ «Назорей», прилагаемомъ къ Иисусу Христу, сказано: «Назорей» съ еврейскаго значить: «лѣторасль, вѣтвь и цвѣтъ. Мф. II, 23. Здѣсь Духъ Святый взираетъ на тѣ пророчества, въ конхъ Иисусъ Христосъ именуется «цвѣтъ» Ис. XI, 1. Іерем. XXIII, 5. Въ такой же силѣ «Назорей» взято Дѣян. IV, 10 и «назорянннъ» Мк. X, 47. См. Церк. Словарь протопресвитера П. Алексѣева, изд. 4, 1818 г., ч. 3, стр. 65—66.

«ноцри» будетъ въ смыслѣ физическомъ «отпрыскъ, вѣтвь, цвѣтъ», а въ смыслѣ нравственномъ — «поборникъ» (*ὁ πέρμαχος*)¹⁾.

Что касается прочихъ названій, относимыхъ иногда также къ христіанамъ, какъ-то: «гой», «акумъ», «миней», «амъ-гаарецъ» и «эдомъ», то справедливость требуетъ сказать, что обозначаемаыя этими названіями понятія, въ отношеніи содержащихся въ нихъ признаковъ, не могутъ быть подведены подъ одну категорію съ понятіемъ «ноцри». Такъ, часто употребляемое въ Талмудѣ названіе «гой» выражаетъ идею о лицѣ не-іудейскаго происхожденія, къ какой бы національности или вѣроисповѣданію это лицо ни принадлежало. Это названіе перешло въ Талмудъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, гдѣ оно встрѣчается много разъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ съ названіемъ «гой» соединяется идея о «племені» въ чисто-біологическомъ смыслѣ, какъ о толпѣ людей (иногда даже животныхъ), связанныхъ между собою единствомъ крови и чисто-животныхъ потребностей, отрѣшенно отъ какихъ-либо религіозныхъ, соціально-политическихъ или культурныхъ условій, и составляющихъ какъ бы одно тѣло («кеэн-гевійа-ахатъ»=*Körperschaft*, ср. Mandelkern)²⁾, въ отличіе отъ названія «амъ», съ которымъ соединяется идея о религіозномъ и общественномъ устройствѣ. Здѣсь это названіе употреблялось сперва, какъ названіе «народа» вообще, но впослѣдствіи, особенно въ формѣ множ. ч. «гоимъ», стало употребляться для обозначенія лицъ или народностей неизраильскаго происхожденія³⁾. Съ такимъ значеніемъ оно перешло и въ Талмудъ⁴⁾. Впрочемъ, талмудистамъ, усвоив-

¹⁾ Ср. И. Т., «Происхожденіе и значеніе прилагаемаго въ евангеліяхъ и книгѣ Дѣяній апостольскихъ къ имени Господа Иисуса Христа названія «Назорей» и «Назорянинъ», Церкви. Вѣстн., 1891 г., № 11, стр. 163—166. Но Галеви *«נצוריים»* = арам. «напорайа», соответственно значенію глагола «нецаръ» въ сиро-халд. яз. «пророчествовать», понималось въ смыслѣ «пророкъ». Іудейское же «ноцри», прилагаемое къ І. Христу и христіанамъ, было подражательной гебраизаціей арам. «нацора», при чемъ арам. корню «нецаръ» было присвоено свр. значеніе «сторожить», повровительствовать» (Rev. Sem., 1908, oct., p. 430—432, op. c.).

²⁾ Mandelkern Sol., *Veteris Testamenti Concordantiae hebraicae et chaldaicae*, Lipsiae, v. «гой».

³⁾ Ср. Gesenii, *Thesaurus philologicus criticus linguae hebraeae et Chaldaeae Vet. Testamenti*, Lipsiae, 1835, v. «гой».

⁴⁾ Buxtorfii Joh., I. c., v. «гой»—gens: homo gentilis. Sic Judaei quemvis vocant, qui non est de populo Israël, maxime tamen christianis hoc nomen

шимъ названіе «гой» въ смыслѣ названія лицъ неіудейскаго происхожденія, не была чуждою мысль о возможности примѣненія его къ іудеямъ. Такъ, въ Абода Зара, f. 36,а—36,б р. Ада б. Агаба, доказывая мысль, что извѣстное опредѣленіе іудейской общины можетъ имѣть силу лишь въ томъ случаѣ, когда оно принято всѣмъ народомъ, и цитируя при этомъ слова Малахія (III, 9), употребляетъ относительно іудейской общины слово «гой»¹⁾. Такимъ образомъ съ названіемъ «гой» въ сознаниі талмудиста не связывалось непременно представленія о какой-либо опредѣленной религіи называемаго лица или народа, а только—о его непринадлежности къ теократической іудейской общинѣ, вслѣдствіе животно-чувственного направленія воли. Въ крови «гоевъ», по вѣрованію талмудистовъ, остается тотъ ядь, который былъ впущенъ обольстителемъ-змѣемъ въ прародительницу Еву и который вышелъ изъ израильтянъ, стоявшихъ у горы Синая во время законодательства (Абода Зара, f. 22, б)²⁾. Повидимому въ виду такого біологическаго отличія «гоевъ», р. Симонъ б. Јохай находилъ возможнымъ относить названіе «человѣкъ» («адамъ») только къ израильтянамъ, а не къ «народамъ міра» (Баба меція, f. 114,б)³⁾. Но вопросъ о религіи «гоя», въ частности христіанской, этимъ названіемъ не предрѣшался. Для того, чтобы относить какое-либо положеніе Талмуда о «гоѣ» именно къ христіанину изъ «гоевъ»,

dedere.—Femin. «гойа»—gentilis mulier, femina christiana.—«Гойутъ»—gentilismus, paganismus. Ср. Gesenii, l. c., v. «гой»... apud judaeos recentiores: etiam singulariter «гой—гойа—de gentilibus et christianis.—Levy J., l. c., v. «гой—гойа»—Nichtjude,—Nichtjüdin, ethnicus, ethnica.

¹⁾ «Сказалъ р. Ада б. Агаба: «какой стихъ Писанія указываетъ на это?»—«Проклятіемъ вы прокляты, потому что вы—весь народъ (=«гой кулло») —обрадовываете Меня (ср. Малах. III, 9 по свр. м. т.)».—«Если присутствуетъ весь народъ (=«гой кулло»), то—да, если—нѣтъ (т. е. не весь), то—нѣтъ», т. е. опредѣленіе общины не обязательно. Въ словахъ «гой кулло» (=«весь народъ»), очевидно, разумѣется іудейская община.

²⁾ Сказалъ р. Јохананъ: «въ тотъ часъ, когда змій вошелъ на Еву, овъ впустилъ въ нее ядь».—«Ужели это такъ и относительно Израіля?»—«У израильтянъ, стоявшихъ у горы Синая, ихъ ядь вышелъ. У гоевъ, которые не стояли у горы Синая, ихъ ядь не вышелъ». Въ поясненіе этихъ словъ р. Јоханана слѣдуетъ имѣть въ виду, что, по вѣрованіямъ талмудистовъ, змій-обольститель совершилъ насиліе надъ Евой.

³⁾ По словамъ р. Симона, «народы міра не называются людьми («адамъ»), но животными» («бегема»).

слѣдуетъ имѣть какія-либо другія основанія, а не одно названіе «гой».

Названіе «акумъ» —искусственнаго образованія и представляетъ соединеніе начальныхъ буквъ еврейскихъ словъ «абодать кокабимъ умаззалоть» = «служеніе звѣздамъ и знакамъ зодіака», или = «Обѣдъ кокабимъ умаззалоть» = служащій звѣздамъ и знакамъ зодіака, т. е. звѣздопоклонникъ или идолопоклонникъ¹). Это названіе въ Талмудѣ примѣняется къ «гоямъ», какъ къ идолопоклонникамъ.

Ниоткуда не видно, чтобы оно здѣсь примѣнялось и къ христіанамъ. Приводимыя въ книгахъ о. Пранайтиса мѣста, гдѣ называются «акумами» и «служителями идоловъ», повидимому, христіане, заимствованы изъ Шуланъ—Аруха, а не изъ Талмуда²).

Названіе «миней» или «минъ» до послѣдняго времени не имѣетъ общепринятаго объясненія. Г. Штракъ производитъ его отъ употребляемаго въ Быт. 1 гл. еврейскаго слова «минъ» (γένος, genus) = «родъ», примѣняемаго къ индивидууму («jemand von anderer Art»³). Бахеръ В., на основаніи написанія слова «минъ» съ вставочнымъ «алефъ» въ Сифра (ср. Исх. IX, 2 и Иерем. XIII, 10 по евр. м. т.), понимаетъ слово «минимъ» въ смыслѣ «невѣрующіе»⁴). Иные, наоборотъ, видѣли въ этомъ словѣ сокращеніе слова «мааминимъ» = πιστοί = вѣрующіе, какъ въ древнехристіанской церкви назывались христіане (ср. Ефес. I, 1; Кол. 1, 2 и др.), или искусственное образованіе изъ начальныхъ согласныхъ словъ: «Маамине Иешу Ноцри» («вѣрующіе въ Иисуса Назорея»). Нѣкоторые производили его отъ иностранныхъ словъ: или отъ имени еретика Манеса, или отъ греческаго слова μνῶτωρ — доносчикъ, измѣнникъ, или —

¹) Ср. Levý J., l. c., v. «акумъ». Buxtorffii Joh., l. c., v. «акумъ»... cultores stellarum et planetarum. Sic olim gentiles, omni veri Dei cognitione destitutos, vocarunt, nunc etiam eodem christianos intelligunt, non ut stellarum, sed idolorum cultores.

²) Пранайтисъ I., op. c., p. 49—50.

³) Realencyklopädie für protest. Theologie und Kirche, von A. Hauck, XIX^s, 333. Ср. Gesenti W., Hebr. u. Chald. H. Wörterbuch, 13-te Aulg., v. «минъ» S. 442).

⁴) Revue des études juives, 1899, 45. Bacher, «Le mot minim» dans le talmude designe-t-il quel quefois des chrétiens?»—

отъ арабскаго «мана» — «лгать». Но всѣ эти филологическія объясненія слова «минимъ» остаются необщепризнанными у гебраистовъ. На основаніи контекста, въ какомъ встрѣчается названіе «миней», его относятъ то къ уклонившимся отъ іудейской вѣры или къ невѣрующимъ вообще ¹⁾, то — къ гностикамъ изъ іудеевъ (антиномистамъ) ²⁾, то къ іудействующимъ христіанамъ ³⁾, то къ христіанамъ изъ іудеевъ вообще ⁴⁾. Имѣя въ виду различные случаи контекстуальнаго употребленія слова «миней», въ которыхъ общимъ признакомъ минеевъ является отступленіе отъ іудейской вѣры, его можно передать словомъ «отщепенецъ, еретикъ» ⁵⁾, хотя въ тоже время, вмѣстѣ съ Краусомъ С. Бахеромъ, друг. ⁶⁾ нельзя не признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ минеями въ Талмудѣ разумѣются несомѣнно христіане, особенно изъ евреевъ.

¹⁾ Hamburger J. в Realencyklopädie für Bibel und Talmud, III, supplement. I, 112 f. Krauss H., Begriff und Form der Häresie nach Talmud und Midrasch, 1896 г. 17 f. Schürer E., Geschichte des jüdischen Volkes, II, 445.—Wünsche A. в Vierteljahrsschrift für Bibelkunde. Talmudische und patristische Studien, 1904—1905, 437.

²⁾ Friedländer M., Der vorchristliche jüdische Gnosticismus, 1899.

³⁾ Хвольсонъ Д. А. проф., оп. с., стр. 56—58 и Über das Datum etc., S. 109 et sequ. Hoennicke Gust: Das Judenchristenthum im ersten und zweiten Jahrhundert, 1908, SS. 381—400: Der Minäismus.

⁴⁾ Krauss S. Dr., Das Leben Jesu nach jüdischen Quellen, Berlin, 1902. Указывая на встрѣчающееся въ венеціанскомъ изданіи вавил. Талмуда, въ тр. Баба батра. f. 25, а. выраженіе «*миней Іесуъ*» («*минай Іешу*») и на обсуждаемое въ тр. Берахотъ. f. 28, б—f. 29, а. «благословеніе противъ минеевъ» («биркатъ гамминия»), установленіе котораго, какъ видно изъ сочиненія «Галахотъ гедолотъ» (р. 27), связано съ распространеніемъ среди іудеевъ христіанства и къ которому, по мнѣнію Краусса С., относятся свидѣтельства нѣкоторыхъ церковныхъ писателей о проклятіи іудеями въ синагогахъ христіанъ, Крауссъ С. съ рѣшительностью говоритъ, что подъ минеями въ Талмудѣ слѣдуетъ видѣть христіанъ. Ср. оп. с., SS. 253—255, 283—284. Ср. также Bacher'a оп. с. въ Rev. sem. 1899, t. 38, pp. 38—45.

⁵⁾ Buxtortii Joh., I. с., v. «минъ, минай»: haereticus, qui vel sine lege Dei vivit, vel specialiter eam ergonee intelligit et docet. Интересно, что въ Сангедриѣ, (f. 38, б) отъ имени Раба первый человѣкъ (Адамъ) называется минеемъ: «и сказалъ р. Іуда: по словамъ Раба, первый человѣкъ (Адамъ) былъ миней».

⁶⁾ Krauss S., оп. с.; Bacher, оп. с. Ср. Levy J., I. с., мина—минай»—Minäer, Häretiker; «минуть—Minäertum, Christenthum, Häresie». Goldschmidt въ 129 прим. къ тр. Сангедриѣ, f. 37, а, пишетъ: «Unter «минимъ» im T. sind überall Häretiker, Ketzler (cf. Schorr, Гехалуцъ, Bd. VII, p. 80 ff), besonders die Judenchristen zu verstehen (Goldschm., оп. с., B. VII, S. 148).

Что касается названія «амъ-гаарець», то оно заимствовано Талмудомъ изъ Ветхаго Завѣта (Ездр. X, 2), буквально значить «народъ земли», и выражасть идею о людяхъ съ низменными интересами, умственно неразвитыхъ, вчастности—невѣжественныхъ въ законѣ (ср. Іоан. VII, 49), которые съ точки зрѣнія Талмуда не могутъ быть и благочестивыми ¹⁾. Само по себѣ это названіе не содержитъ въ себѣ указанія на христіанъ.

Наконецъ названіе «Эдомъ», будучи именемъ собственнымъ, въ Талмудѣ иногда употребляется въ иносказательномъ смыслѣ относительно Рима (ср. Гиттинъ, f 59, а—б), можетъ быть, вслѣдствіе вѣрованія, что нѣкоторые изъ римскихъ императоровъ; какъ напр. Титъ и Антонинъ Северъ, были потомками Эдома (Исава). ²⁾ Но не видно чтобы Талмудъ относилъ названіе «Эдомъ» и къ христіанамъ, которые во время образованія Талмуда сами терпѣли гоненія отъ римскихъ императоровъ. Такое употребленіе названія «Эдомъ» было дѣломъ уже позднѣйшихъ поколѣній, когда христіанство было объявлено въ Римѣ государственной религіей ³⁾.

Держась такого критерія въ опредѣленіи объема понятія «Талмудъ» и подлиннаго смысла относимыхъ къ христіанамъ названій, нельзя не видѣть, что въ Талмудѣ есть положенія, касающіяся христіанъ, но они очень малочисленны.

Относящихся къ христіанамъ, талмудическихъ положеній, въ которыхъ они называются по ихъ специфическому названію «ноцри», извѣстно три: въ Абода Зара, f. 6, а; f. 7, б (по мюнхейск. код). и Таанить, f. 27, б. Кромѣ этихъ, есть также нѣсколько положеній, въ которыхъ о христіанахъ го-

¹⁾ По словамъ Гиллела, глупецъ (боръ) не боится грѣха и невѣжда въ законѣ (амъ гаарець) не можетъ быть благочестивымъ (Пирке аботъ, f. 2, 6).

²⁾ Въ тр. Гиттинъ, f. 56, б императоръ Титъ называется внукомъ Исава: «и вышелъ голосъ, и сказалъ ему, нечестивцу, сыну нечестивца, внуку Исава». Точно также въ Абода Зара, f. 10, б, римскій императоръ Антонинъ Северъ считается потомкомъ Эдома. Ср. Levy J., l. c., S. 29, v. «Эдомъ»: Edom, Idumaea. Uebertr.: Rom, das Römische Reich, Römer.

³⁾ Возможно, что названіе «Эдомъ» съ римлянъ было перенесено сперва на римскихъ христіанъ, а потомъ вообще на христіанъ, хотя Levy J., цитируя слова Абенъ-Эзры на Быт. XXVII, 40. предполагаетъ обратное (ср. Levy J., l. c., I, S. 29).

ворится подь именемъ «минеевъ» и которыя, на основаніи контекста рѣчи, относятся несомнѣнно къ христіанамъ. Это— въ Шаббатъ, f. 116, а—б, Абода Зара f. 16, б—f. 17, а; f. 27, б и въ параллельныхъ къ нимъ мѣстахъ. Сюда же многіе относятъ Берахоть, f. 28, б—f. 29, а, гдѣ говорится о благо- словеніи противъ «минеевъ».

Какимъ же по этимъ свидѣтельствамъ представляется отношеніе Талмуда къ христіанамъ? Относящееся къ христіанамъ положеніе въ Абода зара, f. 6, а, въ венеціанскомъ изданіи вавил. Талмуда читается такъ: «*יום הנוצרי לדיברי רבבי אימאיל לעולם אסור*»—«день христіанскій, по словамъ рабби Измаила, вѣкъ заповѣдь». Эти же слова повторяются и въ Абода Зара f. 7, б по нѣкоторымъ изданіямъ вавил. Талмуда. Но въ мюнхенскомъ кодексѣ вавил. Талмуда эти слова читаются безъ «יום» = «день» въ началѣ, т. е.: «*נוצרי לדיברי רבבי אימאיל לעולם אסור*»¹⁾—христіанинъ (или христіанскій) по словамъ р. Измаила вѣкъ заповѣдь». Такъ какъ вверху, слѣва, послѣ слова «נוצרי» въ названной рукописи стоитъ точка, то Гольдмишдтъ предполагаетъ здѣсь сокращеніе полнаго слова «נוצרימъ»-христіане», и потому переводитъ: «*es nach R. Ismaël mit den Christen immer verboten sei*»=по р. Измаилу (общеніе въ дѣлахъ) съ христіанами всегда запрещено»²⁾. Смыслъ этого положенія становится понятнымъ изъ контекста рѣчи въ данномъ мѣстѣ трактата Абода Зара. Здѣсь въ началѣ идетъ рѣчь о запретѣ іудеямъ имѣть дѣловыя сношенія съ иновѣрцами («обеде абода зара»³⁾) передъ ихъ праздниками, прекращая эти сношенія за три дня до праздниковъ, но возстановляя ихъ послѣ праздниковъ. Въ послѣдовательной связи съ основной темой рѣчи и приводятся слова р. Измаила. Если его слова читать согласно чтенію въ венеціанскомъ изданіи вавилон. Талмуда, то ими строго запрещается іудеямъ какъ-

¹⁾ Der Babylonische Talmud nach der einzigen vollständigen Handschrift München Codex hebraicus 95, mittelst Facsimile-Lichtdruckes vervielfältigt, mit Inhaltsangaben für jede Seite und einer Einlistung versehen von Hermann Strack, Leiden, 1912.

²⁾ Goldschmidt., Der Bab. T., VII-ter B., Aboda zarah, f. 6, а (S. 813).

³⁾ Маймонидъ это положеніе Абода Зара относительно общенія съ иновѣрцами простираетъ и на христіанъ, вѣчности—на воскресный день. Ср. у о. Правайтиса, ор. с., р. 82.

либо выражать почтеніе къ «христіанскому» дню, подь которымъ какъ Раши, такъ и Маймонида разумѣли воскресный день¹⁾, или—вообще къ христіанскому празднику, прекращая до этого дня дѣловыя сношенія съ христіанами. А если эти слова читать по чтенію въ мюнхенскомъ кодексѣ, какъ читаетъ Гольдшмидтъ, то ими вообще запрещаются іудеямъ дѣловыя сношенія съ христіанами, не только передъ праздниками и въ самые праздники, но и послѣ праздниковъ. Впрочемъ, какъ при томъ, такъ и при другомъ чтеніи, въ словахъ р. Исмаила выражается отрицательное, почти нетерпимое отношеніе къ христіанамъ.

Нѣсколько иной взглядъ на христіанъ отражается въ словахъ р. Іоханана, въ Таанить, f. 27, б. Здѣсь идетъ разсужденіе о томъ, почему нѣкоторые благочестивые евреи (т. н. «ашпе маамадь-мужи стоянія») постящіеся во 2-й, въ 3-й, въ 4-й и въ 5-й день седмицы, не постятся въ 1-й день—въ воскресный день. На это р. Іохананъ отвѣчаетъ: «изъ-за христіанъ» («*минпене-ганноуримъ*»), хотя другіе равви,—Самуиль б. Нахмани и Решъ Лакишъ, указываютъ другое основаніе: одинъ—то, что этотъ день есть третій день творенія, т. е. человѣка³⁾, а другой—то, что въ этотъ день въ Адама была вложена другая душа, взамѣнъ вынутой изъ него въ субботу вечеромъ (Таанить, f. 27, б). Понятія буквально сти слова р. Іоханана, повидимому, имѣютъ тотъ смыслъ, что еврейскіе благочестивые мужи, не постящіеся въ 1-й день седмицы, т. е. въ воскресеніе, дѣлаютъ это изъ уваженія къ христіанамъ, празднующимъ воскресный день. Хотя р. Іохананъ, современникъ р. Решъ-Лакиша и р. Самуила б. Нахмани, жилъ нѣсколько позднѣе періода «таннъ», тѣмъ неменѣе въ его словахъ нельзя не видѣть отраженія взгляда нѣкоторыхъ раньше его жившихъ еврейскихъ ученыхъ, въ данномъ случаѣ «таннъ», такъ какъ въ вопросахъ галахическаго характера, къ какимъ относится вопросъ о постѣ, раввины обыкновенно опирались на преданіе или авторитетъ предшественниковъ.

¹⁾ Празднованіе воскреснаго дня было уже во время апостоловъ (Дѣян. XX, 7; 1 Кор. XI, 20; XIV, 26), а потому могло быть извѣстно «таннамъ».

²⁾ Ср. Goldschmidt., Der Bab. T., B. III, S. 513: «weil er der Schöpfung (des Menschen) dritter Tag ist».

Какъ ясно изъ приведенныхъ талмудическихъ свидѣтельствъ о христіанахъ, въ которыхъ они (христіане) называются по ихъ специфическому названію, у талмудистовъ первыхъ двухъ вѣковъ христіанства по вопросу объ отношеніи іудеевъ къ христіанамъ, повидимому, было два взгляда: одинъ, отразившійся въ позднѣйшихъ словахъ р. Іоханана—списходительный и т. ск. терпимый, и другой, выразителемъ котораго является р. Измаиль,—суровый и нетерпимый. Раздѣлявшіе первый взглядъ довольно свободно смотрѣли на христіанъ и ихъ религіозные обычаи, и даже готовы были рѣзко не различаться отъ нихъ, по крайней мѣрѣ относительно образа жизни въ воскресный день, а раздѣлявшіе другой взглядъ—запрещали всякое общеніе съ христіанами по случаю праздниковъ, вчастности—въ воскресный день. О контретныхъ фактахъ, свидѣтельствующихъ о примѣненіи того и другого взгляда, говорится въ другихъ мѣстахъ Талмуда, гдѣ также упоминается о христіанахъ, но уже не подъ именемъ «ноцри», а подъ именемъ «минеевъ».

Такъ, въ Шаббатъ, f. 116, а-б, объ Иммѣ Соломіи, хозяйкѣ р. Елизера и сестрѣ р. Гамаліила 2-го, разсказывается, что она имѣла въ сосѣдствѣ одного философа, ¹⁾ о которомъ была молва, что онъ не беретъ взятокъ, и искали случая надъ нимъ посмѣяться. Имма принесла ему золотой свѣтильникъ, поставила передъ нимъ и сказала: «я бы желала, чтобы мнѣ выдали часть изъ домашняго имущества». Тотъ сказалъ: «такъ вы по-дѣлите его». Но (Гамаліиль) возразилъ: «у насъ написано: «дочь не наследуетъ тамъ, гдѣ есть сынъ» (ср. Числ. XXVII). Философъ отвѣтилъ: «съ того времени, какъ вы изгнаны изъ своей земли, законъ Моисеевъ отмѣненъ, а дано евангеліе ²⁾, въ которомъ написано: «сынъ и дочь наследуютъ вмѣстѣ ³⁾. На слѣдующій день (Рабби) привелъ ему ливійскаго осла. Фило-

¹⁾ Подъ «философомъ» Levy J. разумѣетъ здѣсь христіанскаго судью (Levy J., l. c., sub v.). Генникке, на основаніи написанія этого слова въ мюнхен. к. Талмуда, предполагаетъ здѣсь чтеніе «епископа» (=ἐπίσκοπος). Ноенпике, op. c., S. 393.

²⁾ Слово «евангеліе» здѣсь передано «авонъ-гильонъ» (=грѣховный свитокъ).

³⁾ Такого выраженія ни въ Евангеліи, ни во всемъ Новомъ Заветѣ нѣтъ.

софъ сказалъ ему: «я обратилъ вниманіе на конецъ евангелія ¹⁾, гдѣ написано: «я, евангеліе ¹⁾, пришелъ не отвратить отъ закона Моисеева, но пришелъ прибавить къ закону Моисееву» ²⁾. А въ законѣ написано: «гдѣ есть сынъ, тамъ не наслѣдуетъ дочь». Тогда (Имма) сказала ему: «да сіяетъ свѣтъ твой, какъ свѣтильникъ!»— А р. Гамалииль сказалъ: «пришелъ оселъ и опрокинулъ свѣтильникъ».

Изъ этого разсказа нельзя не видѣть, что такой авторитетный «танна», какъ р. Гамалииль 2-й, не считалъ предосудительнымъ ни для своей сестры, ни для самого себя имѣть общеніе съ христіаниномъ судьей, а м. б., и учителемъ церкви. Онъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, повидимому, довольно терпимо относился къ христіанамъ и въ этомъ отношеніи сперва какъ бы слѣдовалъ р. Гамалиилу старшему, учителю апостола Павла (Дѣян. XXII, 3), явившемуся защитникомъ апостоловъ въ Сиведрионѣ (*ibid.* v, 34—40).

Совсѣмъ иначе смотрѣли на общеніе съ христіанами такіе танны, какъ р. Акиба, который въ данномъ вопросѣ, повидимому, вполне раздѣлялъ взглядъ р. Измаила. Такъ, въ Абода Зара, f. 16,б—f. 17, а передается разсказъ о томъ, какъ р. Еліезеръ (б. Гирканъ, зять р. Гамалиила 2-го), послѣ освобожденія изъ-подъ ареста за мнимую принадлежность къ христіанству (=«минуть»), на вопросъ р. Акибы, что, м. б., къ нему приходилъ какой-либо «миней» и понравился ему и изъ-за него онъ былъ арестованъ, разсказываетъ, какъ дѣйствительно, гуляя однажды по улицамъ Сепфориса, онъ встрѣтилъ одного изъ учениковъ Іисуса Назорея, по имени Іакова изъ Кефаръ-Секаньи, вступилъ съ нимъ въ разговоръ по поводу словъ Втор. XXIII, 19: «не приноси (въ домъ Господень), даровъ блудницы», при чемъ ему понравилась рѣчь Іакова, передававшаго слова Іисуса Назорея, и заканчиваетъ свой разсказъ такими словами: «а посему я былъ арестованъ за ересь, такъ какъ преступилъ написанное въ законѣ: «удаляй отъ нея путь свой» (Притч. V, 8). Какъ ясно изъ этого разсказа, сопри-

¹⁾ 1. Въ текстѣ «авонъ-гильонъ». Ср. примѣчаніе выше.

²⁾ См. Мѡ. V, 17. Евангеліе отъ Маттея, какъ написанное на арамейскомъ языкѣ, могло быть извѣстно еврейскимъ «таннамъ» очень рано.

косновеніе съ христіаниномъ, на что несомѣнно здѣсь указываетъ слово «миней»,—для р. Еліезера и р. Акибы представляется какъ бы нарушеніемъ закона.

Еще болѣе характерный разговоръ передается въ Абода Зара, f. 27, б. (ср. Иерус. Шаббатъ, л. 14, 4 внизу) о нѣкомъ Бенъ-Дама, племянникѣ р. Измаила. Его укусила змѣя, и пришелъ Іаковъ изъ Кефаръ-Секаньи, чтобы лѣчить его. Но р. Измаиль не дозволилъ ему. Тотъ сказалъ р. Измаилу: «братъ мой, дозвожь ему, и я буду лѣчиться у него. Съ своей стороны я приведу стихъ изъ закона, что это дозволено». Но не успѣлъ онъ окончить этой рѣчи, какъ душа его вышла изъ него, и онъ умеръ. Тогда р. Измаиль воскликнулъ надъ нимъ: «блаженъ ты, Бенъ-Дама, что тѣло твое чисто и душа твоя вышла въ чистотѣ, и ты не преступилъ словъ своихъ товарищей, говорившихъ: «а разрушающаго ограду укуситъ змѣя» (Еккл. X, 8). Нѣчто иное—ересь—(«минуть»), которая увлекаетъ, такъ что можно увлечься вслѣдъ ея». Изъ этого разсказа ясно, что р. Измаилу казалось лучшимъ, чтобы его племянникъ Бенъ-Дама умеръ, только бы не лѣчился у христіанина ²⁾.

Суровый взглядъ р. Измаила на послѣдствія отъ общенія съ христіанами, повидимому, одержалъ верхъ надъ снисходительнымъ взглядомъ, отразившимся въ приведенныхъ словахъ Іоханана. Подъ его вліяніемъ былъ созданъ рядъ положеній,

¹⁾ Въ Иерус. Шаббатъ, л. 14, 4 добавляется: «и пришелъ Іаковъ изъ Кефаръ Сема, чтобы излѣчить его именемъ Іисуса Пандеры».

²⁾ Такой взглядъ рр. Акибы, Еліезера и Измаила на христіанъ вытекалъ изъ ихъ взгляда на Лико Іисуса Христа, котораго Акиба называлъ «мамзеръ» и «бенъ-нидда» (Гиттинъ, f. 90, а; Галла, f. 18, б), а Улла, сынъ Измаила, —«месить» (Саведринъ, f. 43, а, ср. Мѡ. XXVII, 63). Ихъ богохульный взглядъ на Лико Іисуса Христа потомъ сталъ господствующимъ въ Талмудѣ, почему въ Гиттинъ (f. 57, а) говорится, что Іисусъ (Іешу) находится въ аду. О взглядѣ талмудистовъ на Лико и проповѣдь Іисуса Христа см. у Laible H., *Jesus Christus im Thalmud*, в частности — Anhang: Die thalmudischen Texte, mitgeteilt von Lic. Dr. Gustaf H. Dalman, SS. 5—19. Правнйтись, op. c., p. 28—42. Krauss S., op. c. *Revue des etudes Juives*, 1910, avr.: Notes sur Jesus dans les sources juives, par Kamenetzky. На русскомъ языкѣ—Троицкаго Ив. проф. «О Талмудѣ»—изданіе Об—ва ревнит. вѣры и милосердія, 1901 г., стр. 37—44, ср. Христ. Чт. 1901 г., іюль и августъ: «О Талмудѣ».

направленныхъ какъ противъ минеевъ вообще, такъ и противъ христіанъ въ частности.

Такъ, было запрещено спасать отъ огня во время пожара свитки и книги «минеевъ», къ числу которыхъ въ данномъ случаѣ относятся и христіане изъ іудеевъ (Шаббатъ, f. 116,а) ¹). Р. Измаиль, отличавшійся особой ненавистью къ минеямъ и примѣнявшій къ нимъ 21-й ст. Ис. СXXXIX-го: «вѣдь ненавидящихъ Тебя, Господи, я ненавижу и возстающими противъ Тебя гнушаюсь, полною ненавистью ненавижу ихъ; враги они мнѣ», — запрещалъ спасать (отъ огня во время пожара) не только книги минеевъ, но и ихъ самихъ во время угрожающей опасности (Шаббатъ, f. 116,а). Но наиболѣе радикальною мѣрою, направленною противъ общенія съ христіанами, было введеніе въ молитву 18-ти благословеній, читавшуюся ежедневно, особаго «благословенія противъ минеевъ» («биркатъ гаммининъ», ср. Берахотъ, f. 28,б—f. 29,а) ²). Установленіе этого «благословенія» въ сочиненіи «Галахотъ Гедолотъ» ставится въ связь съ умноженіемъ послѣдователей Иисуса Пандеры, какъ называется въ Талмудѣ Иисусъ Христосъ ³). Въ одномъ изъ кодексовъ, видѣнныхъ Де-Росси, «благословеніе противъ минеевъ» относится къ ученикамъ Иисуса Назорея («ал—талмиде-Іешу ганноцри») ⁴). Если въ своей общей фор-

¹ Въ этомъ мѣстѣ тр. Шаббатъ (f. 116, а—б) передается приведенный выше рассказъ объ Имѣ Соломин и христіанскомъ «философѣ», цитирующемъ слова Мѣ. V, 17, такъ что подъ «минееями» здѣсь несомнѣнно разумѣются христіане изъ іудеевъ (Ср. Bacher W., op. c., 39 и д. въ R. E.J. 1899 г. Hoennicke Gust., op. c., SS. 396—397). Подъ «свитками» (=«тагиль-онинъ») Гольдшмидтъ Л. разумѣетъ евангелія Goldschm., Bab. T., B. 1, S. 598, Bem. 2). Проф. Д. А. Хвольсонъ переводитъ это слово также словомъ «Evangelien» (Chwols., Das letzte Passamahl etc., S. 110), но видитъ въ немъ указаніе на евангеліе эвонитовъ и назореевъ (ср. его «О нѣк. средне-вѣк. и пр., стр. 56—58). Но приводимое мѣсто евангелія находится въ каноническомъ евангеліи Матѣея (V, 17).

² Въ Берахотъ, f. 28, б—f. 29, а говорится: «Раввины передаютъ: Симонъ Пакули (по Гольдшмидту—«льноторговецъ») въ Ямни предъ раб. Гамалиломъ установилъ дѣйствующій порядокъ 18-ти благословеній. Раб. Гамалиль спросилъ мудрецовъ: «есть ли человекъ, знающій поставить благословеніе противъ минеевъ (=«биркатъ гаммининъ»)»?—Тогда всталъ Самуилъ Младшій и поставилъ его». Ср. Bacher W., Die Agada d. Tannaiten, 1-ter B., SS. 83—85.

³ Halachot gedoloth, Berlin, 1888 г., S. 27.

⁴ De-Rossi, Bibliotheca judaica antichristiana, p. 60. Ср. Krauss S. op. c., S. 254.

мулировка данное благословение могло относиться къ минеямъ вообще, какъ къ отступникамъ отъ іудейской вѣры, то въ формулировкѣ, какую оно имѣло съ прибавленіемъ слова «веганноцримъ»¹⁾ (=«и христіане»), какъ это находится въ текстѣ молитвы 18-ти благословеній, опубликованномъ Шехтеромъ, оно прежде всего направлялось противъ христіанъ²⁾. Въ данномъ случаѣ открытіе Шехтера имѣетъ особенно важное научно-историческое значеніе. Оно документально подтверждаетъ достовѣрность свидѣтельства нѣкоторыхъ церковныхъ писателей, знакомыхъ съ богослуженіемъ современныхъ имъ іудеевъ, о существованіи у нихъ особаго проклятія противъ христіанъ подъ именемъ назореевъ или назарянъ. Такія свидѣтельства находятся у св. Іустина мученика, въ его разговорѣ съ Трифономъ³⁾, у св. Епифанія Кипрскаго, въ его Пана-

¹⁾ Проф. Д. А. Хвольсонъ, имѣя въ виду написаніе здѣсь въ еврейскомъ текстѣ слова «ноцримъ» безъ покоющагося «вавъ», какъ это слово обычно пишется въ Талмудѣ, видѣлъ здѣсь названіе «назарянъ» (Chwolson, Die Blutanklage d. Juden, S. 56, Anmerk. 3, и S. 57 и д., ср. Hoennicke, op. c., S. 389). Но слово «ноцри» (христіанинъ), происходящее по Галеви отъ «нацеръ», подобно слову «нокри» (=чужой), происходящему отъ «накаръ», можетъ писаться и безъ покоющагося «вавъ». См. у Buxtorfii Joh., I. c., p. 698 и Krauss S., op. c., еврейскіе тексты «Сэферъ Толдотъ Іешу».

²⁾ Въ русскомъ переводѣ благословеніе противъ минеевъ («биркать гаммининъ») въ опубликованномъ Шехтеромъ текстѣ читается такъ: «отпавшимъ (=«замешомедимъ») да не будетъ упованія и царство гордыни скоро искорени — въ наши дни, а христіане и минеи (=«веганноцримъ вегамминимъ») мгновенно да погибнуть, да изгладятся изъ книги живыхъ и съ праведными да ненапшутся. Благословенъ Ты, Іегова, смиряющій гордыхъ». Ср. The Jew. Quarterly Review, 1898, July, pp. 656 — 658. По мнѣнію Шехтера, данный текстъ молитвы 18-ти благословеній употреблялся у древне-палестинскихъ іудеевъ въ Новый годъ. Что касается современныхъ іудеевъ, то на мѣстѣ этого благословенія въ ихъ молитвенникахъ читаются слѣдующія слова: «и клеветникамъ» (=«веламмалшинимъ») да не будетъ упованія, и всѣ творящіе нечестіе мгновенно да погибнуть, и всѣ они скоро да искоренятся. И гордыхъ скоро искорени и сокруши и истреби и смири вскорѣ — въ наши дни. Благословенъ Ты, Іегова, Сокрушающій враговъ и смиряющій гордыхъ. Ср. Еврейскій молитвословъ, Варшава, 1869, стр. 68—69. Ereḳ hatephiloth ou Rituel de toutes grandes fêtes a l'usage du rite allemand, traduit en français par E. Durlacher, 2-me edit, Paris, 1865. Premier jour de Rosch Hachanah, t. 1, p. 10—11. Подъ «клеветникамъ» (=«малшинимъ») въ еврейскихъ комментированныхъ молитвенникахъ разумѣются «саддукеи». Ср. «Сиддуръ гиттайойъ лебъ», изд. Эдельманъ Гиршъ, 1845 г., тефилатъ Шахаритъ, стр. 60—62, примѣчанія.

³⁾ Καταφωροί ἐν ταῖς συναγωγαῖς βίβη τοῖς κητερόντας ἐπὶ τοῦ Χριστοῦ.

рионъ¹⁾, и у блаж. Иеронима, въ его Комментаріи на книгу прор. Исаи²⁾, изъ которыхъ первые два были уроженцами Палестины, а третій жилъ здѣсь очень долгое время, такъ что всѣ трое были знакомы съ богослужебною практикою палестинскихъ іудеевъ, отъ которыхъ, вѣроятно, и происходитъ опубликованный Шехтеромъ еврейскій текстъ молитвы «Шемоне-Эсре».

Практическое примѣненіе взгляда р. Измаила имѣло своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіемъ полный запретъ для іудеевъ посѣщенія домовъ, а особенно мѣстъ религиозныхъ собраній христіанъ. По словамъ р. Тарфона, тотъ, за кѣмъ кто-либо гонится съ цѣлю убить его или за кѣмъ бѣжить змѣя, чтобы ужалить его, пусть лучше заходить въ домъ иновѣрца (— «обедезара»), но не въ домъ минеевъ, такъ какъ эти знаютъ и отрицаютъ, а тѣ не знаютъ и отрицаютъ (Шаббать, f. 116. а). Конечно, отдѣльные случаи посѣщенія іудейскими учеными христіанъ и этими—іудейскихъ ученыхъ были и послѣ того,— и даже о самомъ р. Іудѣ святомъ, редакторъ Мишны, находятъ возможнымъ утверждать, что онъ принималъ въ гости христіанина-іудея (миней, ср. Хуллинъ, f. 87, а)³⁾, но все же

(*Διάλογος*, 16). Іудея Трифона, выставяемаго въ *Διάλογῳ* св. Іустина муч., Генникке находятъ возможнымъ («es hat grosse Wahrscheinlichkeit») отождествить съ р. Тарфономъ, отличавшимся особой ненавистью къ минеямъ, которымъ онъ предпочиталъ идолопоклонниковъ (Шаббать, f. 116, а), ср. Hoenicke, *op. c.*, S. 397. Но Фридлэндеръ не признаетъ возможнымъ такое отождествленіе (Friedländer M., *op. c.*, S. 136 и Note 28).

¹⁾ Οὐ μόνον γὰρ οἱ τῶν Ἰουδαίων παῖδες πρὸς τοὺτους κέκρυται μίσος, ἀλλὰ καὶ ἀνίσταμενοι ἕωθεν καὶ μέσης ἡμέρας καὶ περὶ τὴν ἑσπέραν, τρίς τῆς ἡμέρας, ὅτε εὐκας ἐπιτελοῦσιν ἑαυτοῖς ἐν ταῖς συναγωγαῖς, ἐπαρώνται αὐτοῖς, καὶ ἀναθεματίζουσι: τρίς τῆς ἡμέρας φάσκοντες ὅτι ἐπικαταράσαι ὁ θεὸς τοὺς Ναζωραίους (Παπυρ., 29, 9).

²⁾ Comment. in l. Jes. V, 18 и д. (judaei) usque hodie perseverant in blasphemis et ter per singulos dies in omnibus synagogis sub nomine Nazarenorum anathematizant vocabulum Christianum.—Comment. in c. XLIX. 7: (judaei Christo) ter singulos dies sub nomine Nazarenorum maledicunt in synagogis suis.—Comment. in c. LII, 4 и д.: (judaei) diebus ac noctibus blasphemant Salvatorem et sub nomine, ut saepe dixi, Nazarenorum ter in die in Christianos congerunt maledicta. (Ср. Krauss S., *op. c.*, S. 254 и 283—284).

³⁾ Хотя въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Хуллинъ (f. 87, а) здѣсь называется не «миней», а «саддукей», но проф. Д. А. Хвольсонъ на основаніи извѣстныхъ ему развѣтвѣній, а также—снесенія съ другими произведеніями раввинской литературы, находитъ болѣе правдоподобнымъ здѣсь чтеніе «миней» (Chwols., *Über d. Datum etc.*, S. 104—105).

общій взглядъ на сношеніе съ христіанами былъ отрицательный. Относительно Раба въ Талмудѣ говорится, что онъ не посѣщалъ дома Абидана, ни тѣмъ болѣе дома «Ницрефи», подъ которымъ (д. Ницрефи) многіе видятъ здѣсь названіе мѣста религіозныхъ собраній христіанъ¹⁾. Такъ какъ Рабъ былъ однимъ изъ авторитетнѣйшихъ амора и первымъ ректоромъ, основанной имъ въ Сурѣ (въ Месопотаміи), академіи, то его примѣру послѣдовали и другіе талмудисты, и т. о. произошелъ полный разрывъ между представителями іудейской и христіанской богословской науки.

Это обстоятельство имѣло огромное значеніе для послѣдующей исторіи Талмуда въ его отношеніи къ христіанамъ. Замкнувшись въ самого себя и порвавъ всякую связь съ христіанскимъ міромъ, Талмудъ теперь какъ бы забываетъ о христіанахъ и ихъ богословской наукѣ, и ведетъ іудейство внѣ общеисторическаго русла, указаннаго христіанствомъ.

Все вышеизложенное объ отношеніи Талмуда къ христіанамъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

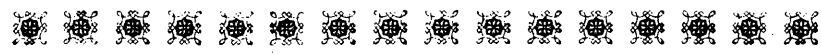
а) въ Талмудѣ есть положенія, относящіяся къ христіанамъ, но они очень малочисленны;

б) у талмудистовъ въ началѣ былъ двоякій взглядъ на христіанъ—снисходительный и нетерпимый, изъ которыхъ послѣдній потомъ получилъ преобладающее значеніе;

в) подъ вліяніемъ нетерпимаго взгляда на христіанъ, въ палестинскихъ синагогахъ въ древности въ молитвѣ 18-ти благословеній проносилось особое «благословеніе» (=проклятіе) противъ христіанъ, замѣненное потомъ другимъ благословеніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ произошелъ полный разрывъ талмудистовъ съ представителями христіанской богословской науки.

Ив. Троицкій.

¹⁾ Ср. Goldschmidt, D. Bab. Talm., I, S. 598. Krauss S., вмѣсто «ницрефи» или «нидрофи», читаетъ «нацрани», въ чемъ видитъ гречес. Ναζαρηνοὶ (=Ναζωραῖοι), какъ назывались христіане. Krauss S., op. c., S. 255. Мнѣніе Гольдшмидта, что «домомъ Ницрефи» называется мѣсто религіозныхъ собраній христіанъ, находитъ подтвержденіе въ контекстѣ рѣчи, такъ какъ здѣсь вездѣ за приведеннымъ свидѣтельствомъ о Рабѣ упоминается о томъ, что р. Меиръ называлъ (евангеліе) «авень тильонъ» (=пустой свитокъ), а р. Іохананъ—«авонъ тильонъ» (=грѣховный свитокъ, Шаббатъ, f. 116, а), т. о., очевидно, идетъ рѣчь о христіанскихъ собраніяхъ.

Въпросъ о приходской реформѣ въ царствованіе имп. Александра II.

(Докладъ, читанный въ обществѣ взаимопомощи бывшихъ питомцевъ
Импер. Петрогр. Дух. Академіи 4 ноября 1916 г.).

Преобразование православнаго прихода на началахъ самоуправленія, какъ извѣстно, является злободневнымъ церковнымъ вопросомъ нашихъ дней. Проектъ этого преобразованія уже находится на разсмотрѣніи законодательныхъ учреждений. Въ настоящемъ чтеніи я не имѣю въ виду касаться этого вопроса во всей широтѣ его современной постановки, а имѣю намѣреніе лишь дать нѣкоторое историческое освѣщеніе тѣмъ основнымъ тезисамъ, на которыхъ базируется предполагаемая приходская реформа.

Мысль о необходимости приходскаго преобразованія была выдвинута почти въ самомъ началѣ царствов. имп. Александра II вмѣстѣ со многими другими серьезными проблемами русской государственной и общественной жизни. Но выдвинута она была не самостоятельно, а въ неразрывной связи съ вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Подъ вліяніемъ печати и начавшагося движенія среди самого духовнаго сословія, улучшение быта его было признано насущной необходимостью государственнаго значенія. Однако, первые же шаги показали, что улучшить бытъ духовенства немислимо безъ ближайшаго участія прихожанъ. Государственное казначейство сразу и рѣшительно отказалось отъ непосильной для него задачи взять на казенное содержаніе многотысячный кадръ священнослужителей. И тогда-то сама собою выдвинулась идея: возбудить

приходскую самодѣятельность, чтобы воспользоваться ею въ цѣляхъ улучшенія быта приходскаго духовенства. Къ общественнымъ приходскимъ силамъ обратились, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ матеріальной нужды. Это обстоятельство неизбежно отразилось и на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла: хозяйственная, матеріальная сторона занимаетъ главное мѣсто во всѣхъ тогдашнихъ проектахъ приходскаго устройства.

Первый опытъ приходскаго преобразованія, относящійся къ «эпохѣ реформъ», принадлежалъ почину двухъ замѣчательныхъ дѣятелей того времени—графа Муравьева-Амурскаго и «апостола» Сибири архіепископа камчатскаго Иннокентія, впослѣдствіи митрополита московскаго. Устраивая Приамурскій край, Муравьевъ столкнулся съ вопросомъ объ обезпеченіи тамошняго духовенства безобиднымъ содержаніемъ, особенно необходимымъ на окраинѣ, куда звать людей было очень трудно. По соглашенію съ камчатскимъ архіепископомъ Иннокентіемъ, здѣсь и рѣшено было впервые обратиться къ приходской самодѣятельности, чтобы найти нужныя средства. Въ 1858 году были составлены правила о новомъ порядкѣ обезпеченія и устройства духовенства въ Приамурскомъ краѣ. Правила эти устанавливали опредѣленные источники содержанія причтовъ, изъ которыхъ самымъ существеннымъ представлялось пособіе отъ прихода, сверхъ жалованья отъ казны. Пособіе должно было собираться путемъ раскладки на прихожанъ, деньгами и хлѣбомъ, а священнослужители въ свою очередь должны были бесплатно исполнять всѣ требы, кромѣ молебновъ и панихидъ. Для попеченія же объ удовлетвореніи нуждъ церквей и причтовъ, даже и до введенія приходскаго сбора, который предполагалось ввести не сразу, учреждались приходскіе совѣты. Совѣты должны были состоять изъ священнослужителей мѣстной церкви, церковнаго старосты, почетнаго попечителя и представителей отъ прихожанъ: въ городахъ—по одному отъ cadaго сословія, а въ селахъ—отъ окрестныхъ селеній, приписанныхъ къ приходамъ (въ селахъ входили въ составъ совѣтовъ и мѣстные сельскіе начальники). Представители отъ прихожанъ избирались прихожанами на извѣстный срокъ. Предсѣдатели совѣтовъ въ городахъ избирались самими совѣтами, а въ селахъ предсѣдательство усваивалось приходскому священнику. Совѣтамъ

предоставлялось «*вѣдѣніе и распоряженіе*» церковными доходами и расходами, не исключая свѣчной и кружечный сборы, причемъ на ихъ обязанности лежало попеченіе о матеріальныхъ нуждахъ церкви и причта, а также о призрѣніи бѣдныхъ прихода, погребеніи неимущихъ умершихъ, устройствѣ безпріютныхъ сиротъ, распространеніе грамотности и религіознаго образованія между прихожанами, устройство кладбищъ, примирительное разбирательство всѣхъ тѣхъ, кто обратится къ суду приходскаго совѣта, и разсмотрѣніе жалобъ на нарушеніе правила о безмездномъ исполненіи клиромъ требъ, съ доведеніемъ, если нужно, до свѣдѣнія епархіальнаго начальства. Въ правилахъ не говорилось, на какія средства приходскіе совѣты могутъ развивать благотворительную и просвѣтительную дѣятельность и имѣютъ ли они право обращать на эти цѣли церковныя суммы. Но по смыслу правилъ отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдовалъ утвердительный: по правиламъ, существовала одна церковно-приходская касса, коей вѣдалъ и распоряжался для достиженія поставленныхъ ему задачъ приходскій совѣтъ.

Такимъ образомъ оказывается, что еще въ 1858 году на отдаленной восточной окраинѣ Россіи зарождалось приходское самоуправленіе на самыхъ широкихъ началахъ. Амурскія правила были кратки и не входили въ подробности; но въ нихъ даны были почти всѣ основные элементы приходской реформы, какъ ее разумѣютъ въ наше время. Прихожане допускались здѣсь очень близко къ церковному хозяйству, даже ближе, чѣмъ то предполагало, на примѣръ, предсоборное присутствіе 1906 г. Правда, исходная цѣль «правиль» была гораздо уже ихъ осуществленія (обезпеченіе причтовъ); но ея развитіе не оставляло желать почти ничего большаго въ смыслѣ приходской самостоятельности. Здѣсь не было, положимъ, совсѣмъ рѣчи объ участіи прихожанъ въ избраніи клириковъ. Но можно думать, что данный вопросъ не затрагивался просто потому, что въ немъ не было нужды по мѣстнымъ обстоятельствамъ, дѣлавшимъ приходскіе выборы чрезвычайно затруднительными. По крайней мѣрѣ митр. Иннокентій, при участіи коего правила составлялись, въ принципѣ ничего не имѣлъ, какъ мы увидимъ, противъ выборнаго начала.

Въ 1859 году амурскія правила, чрезъ Сибирскій Коми-

теть, были представлены на благовоззрѣніе Св. Синода. Будучи крупнымъ нововведеніемъ, это новое мѣропріятіе, конечно, должно было обратить на себя вниманіе высшей церковной власти. Ихъ мѣстное значеніе, безъ сомнѣнія, пріобрѣтало общій интересъ въ связи съ проведенными въ нихъ принципами. Если бы таковые принципы заключали въ себѣ несоотвѣтствіе церковнымъ постановленіямъ и церковной пользѣ, то, конечно, въ Синодѣ наложили бы veto на амурское предпріятіе. На самомъ дѣлѣ мы видимъ нѣчто совсѣмъ другое. Ознакомившись съ амурскимъ дѣломъ, Св. Синодъ, постановленіемъ отъ 17 іюля—7 августа 1859 г., нашель амурскій проектъ «столь основательнымъ и соотвѣтствующимъ цѣли, въ самомъ проектѣ выраженной», что рѣшилъ, по воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія на приведеніе положенія сего въ дѣйствіе, «всеподданнѣйше ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ, чтобы Св. Синоду было дозволено войти въ соглашеніе съ подлежащими министерствами о примѣненіи главныхъ началъ означеннаго, проекта... къ прочимъ губерніямъ и областямъ Россіи».

Подъ синодскимъ протоколомъ значились подписи: митропол. Григорія, еп. тверского Филоея, Дмитрія, еп. херсонскаго, Елпидифора, еп. вятскаго и протопресвитеровъ Бажанова и Кутневича. 23-го дек. 1859 г. состоялась на журналѣ Сибирскаго Комитета и Высочайшая резолюція о введеніи въ дѣйствіе амурскаго проекта: «исполнить».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ преобразованіи приходовъ Амурской области главное вниманіе высшей власти обратила на себя матеріальная сторона дѣла: возможность обезпечить духовенство на приходскій счетъ. Но изъ-за этой стороны нельзя было не видѣть и вопросовъ внутренняго приходскаго устройства. Очевидно, слѣдовательно, принципы приходскаго самоуправления, проведенные въ амурскихъ правилахъ, не находили возраженій въ тогдашнемъ Синодѣ и правительствѣ и были санкціонированы не только какъ приемлемые, но и желательные для общаго примѣненія.

Среди іерарховъ, давшихъ благословеніе на амурскія правила, не было авторитетнѣйшаго святителя той эпохи—митрополита Филарета. Но голосъ его настолько уважался, что синодаль-

ный оберъ-прокуроръ гр. А. П. Толстой, а потомъ его преемникъ Ахматовъ, запросили тогда же отзыва, по вопросу о распространении амурскихъ правилъ на другія мѣстности, московскаго митрополита. Въ 1862 году м. Филаретъ прислалъ записку по сему поводу, напечатанную въ «Собраніи» его мнѣній и отзывовъ. Записка имѣла критическій характеръ, московскій святитель дѣлалъ возраженія. Но замѣчательно, что эти возраженія носили частный, детальный характеръ, и не касались принциповъ приходскаго устройства. Относительно приходскихъ совѣтовъ, митр. Филаретъ дѣлалъ только такія замѣчанія. Онъ полагалъ болѣе приличнымъ предоставить председательство въ совѣтахъ вездѣ, а не только въ селахъ, священнику; находилъ неудобнымъ передавать совѣту разбирательство жалобъ на нарушеніе правилъ о безмездномъ исполненіи требъ. По самому же главному пункту, завѣдыванія церковными суммами, митрополитъ дѣлалъ лишь одно, нѣсколько странное замѣчаніе. «Статья 29 ввѣряетъ приходскому совѣту вѣдѣніе свѣчнаго и кошельковаго сбора и отчетность. Посему понадобится совѣту канцелярія и, можетъ быть, бухгалтерія. Надобно оставить церковное хозяйственное письмоводство въ рукахъ причта и церковнаго старосты, какъ вездѣ. Совѣтъ провѣряетъ это ежемѣсячно и въ концѣ года». Странность замѣчанія въ томъ, что оно какъ будто не видитъ въ вопросѣ ничего, кромѣ письмоводства. Митрополитъ говоритъ лишь о внѣшней техникѣ, при чемъ его можно понять и такъ, что распорядительство церковными доходами онъ довѣряетъ совѣту, а лишь письмоводство оставляетъ въ рукахъ причта. Но какъ бы ни понимать митр. Филарета, ясно, что у него и мысли не было объ антиканоничности или опасности амурскаго порядка: онъ просто находилъ въ немъ нѣкоторыя практическія неудобства. Точно такъ же и общее заключеніе митр. Филарета о приходскихъ совѣтахъ было въ ихъ пользу. Митрополитъ сомнѣвался, чтобы приходскіе совѣты могли повсюду устроиться «съ надлежащею силою и дѣйствиемъ», но исключительно по косности самихъ прихожанъ: владыка думалъ, что прихожане не проявятъ интереса къ дѣлу и даже не соберутся для избранія членовъ совѣта. Впрочемъ, мысль о совѣтахъ митрополитъ все же находилъ «полезнымъ сѣменемъ» и рекомендовалъ сдѣлать

опытъ примѣненія амурскихъ правилъ въ епархіяхъ, располагая черезъ духовенство прихожанъ къ убѣжденію въ пользу новаго порядка.

Итакъ, и московскій іерархъ, авторитетъ не только своего времени, не видѣлъ ничего непріемлемаго въ приходскомъ самоуправленіи по амурскому типу и сомнѣвался въ успѣхѣ мѣры для всей Россіи, но исключительно изъ-за приходской инертности, а не изъ какихъ-либо опасеній для церковнаго блага и порядка.

Взглядъ высшей церковной власти складывался, такимъ образомъ, въ началѣ 60-хъ годовъ вполне благопріятно для приходскаго устройства на началахъ самодѣятельности. По почину амурскаго проекта обѣщалось устроиться приходское преобразование по всей Россіи. Правда, Св. Синодъ не дѣлалъ пока никакихъ шаговъ въ смыслѣ исполненія своего намѣренія, выраженнаго въ постановленіи по поводу амурскаго проекта. Но учрежденный въ то время при Синодѣ Комитетъ по обезпеченію духовенства Западнаго края принялъ уже къ руководству амурскія правила и въ составленномъ здѣсь въ 1861 году проектѣ положенія объ обезпеченіи духовенства 9 западныхъ губерній мы находимъ почти буквальное воспроизведеніе амурскихъ приходскихъ совѣтовъ. Приходскіе совѣты, по проекту Комитета, должны были учредиться при всѣхъ церквяхъ по тому самому образцу, какой введенъ въ восточной Сибири. Амурскія правила въ существенныхъ своихъ чертахъ были цѣликомъ взяты Комитетомъ: разница была въ деталяхъ, несколько не измѣняющихъ положенныхъ въ основу принциповъ. Такъ какъ Комитетъ состоялъ при Синодѣ, то, надо полагать, онъ дѣйствовалъ съ синодскаго вѣдѣнія и отражалъ существовавшую въ Синодѣ точку зрѣнія.

Разъ такова была точка зрѣнія высшаго церковнаго правительства, не удивительно, что ее начали примѣнять по своей инициативѣ и нѣкоторые гражданскія начальства. Именно, такую инициативу проявили удѣльное вѣдомство и министерство землед. и гос. им. Въ завѣдованіи этихъ учреждений тогда находились округа бывшихъ пахотныхъ крестьянъ и южныхъ поселеній. Въ 1860 году въ округахъ бывшихъ пахотныхъ крестьянъ были по почину мѣстнаго начальства учреждены приходскіе

совѣты; а въ 1861 году такіе же совѣты были заведены въ округахъ южныхъ поселеній. Организациа совѣтовъ по существу была та же, что въ приамурскомъ краѣ. Совѣты состояли изъ мѣстнаго священника, церковнаго старосты, волостного головы (гдѣ онъ есть) и 4—10 выборныхъ представителей отъ прихода, смотря по количеству душъ. Отличіе въ составѣ совѣтовъ отъ амурскаго было только въ томъ, что по амурскимъ правиламъ въ совѣтъ входили всѣ священнослужители, а по правиламъ удѣльнаго вѣдомства—одинъ, священникъ-настоятель. Въ обязанностяхъ же и правахъ совѣтовъ отличій почти не было: вѣдѣнію, распоряженію и попеченію совѣтовъ подлежало все церковное хозяйство, а равно благотворительныя и просвѣтительныя приходскія нужды. Не упоминалось въ въ удѣльныхъ правилахъ лишь о заботахъ объ умершихъ, кладбищахъ, разбирательствѣ споровъ и жалобъ. Въ общемъ, слѣдовательно, кругъ дѣятельности совѣтовъ здѣсь очерчивался нѣсколько уже, но за-то регламентировался болѣе подробно.

Разъ Св. Синодъ намѣревался примѣнить амурское положеніе ко всей Имперіи, то собственно для него не было ничего страшнаго въ учрежденіи приходскихъ совѣтовъ по округамъ пахотныхъ крестьянъ и въ южныхъ поселеніяхъ. Но учрежденіе это состоялось помимо духовной власти, безъ сношенія даже и съ епархіальными начальствами, и это обстоятельство, видимо, сильно обезпокоило іерархическую среду. Узнавъ изъ частнаго источника объ этихъ приходскихъ совѣтахъ, Св. Синодъ въ первой половинѣ 1862 года постановилъ затребовать свѣдѣнія о самовольно учрежденныхъ совѣтахъ, какъ отъ подлежащихъ гражданскихъ начальствъ такъ и отъ мѣстныхъ архіереевъ.. Управляющій департаментомъ Удѣловъ и предсѣдатель времен. распоряд. Комитета по устройству южныхъ поселеній отвѣтили, что приходскіе совѣты устроены въ замѣнъ прежнихъ ктиторовъ, которые существовали при военномъ управленіи, при чемъ гражданскія начальства заявляли, что новыя учрежденія уже принесли существенную пользу. Прихожане приняли ихъ съ признательностью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже замѣтно увеличились церковные (кошельковый, свѣчной) сборы; однако, начальникъ Харьковскаго поселенія замѣчалъ, что «духовенство, не привыкшее къ конторлю

въ своихъ дѣйствіяхъ, не раздѣляетъ этого мнѣнія». Мнѣнія же іерархическихъ инстанцій по поводу этого запроса обнаруживали уже нѣкоторый поворотъ іерархическихъ мыслей по приходскому вопросу.

Запрошены были митрополитъ московской (въ качествѣ авторитета), митрополитъ кіевскій и преосвященные херсонскій и харьковскій, въ епархіяхъ коихъ были новыя приходскіе совѣты. Не входя въ детали замѣчаній, можно отмѣтить ихъ возраженія по существеннымъ пунктамъ новаго приходскаго устройства. Они находили, напримѣръ, нежелательнымъ рѣзкое преобладаніе мірскаго элемента въ совѣтахъ и потому предлагали, во-первыхъ, ввести въ совѣтъ всѣхъ священнослужителей (что, прочемъ, согласно съ амурскими правилами), во-вторыхъ, ограничить число выборныхъ представителей отъ прихожанъ. Они признавали несообразнымъ подчиненіе совѣтовъ свѣтскимъ начальствамъ (чего опять не было въ амурскомъ положеніи). Но главное: они находили теперь нужнымъ ограничить имущественно—распорядительныя права совѣтовъ, противъ чего не возражалъ Синодъ въ 1859 году. Архіеп. херсонскій-Димитрій, самъ подписывавшій протоколъ объ амурскомъ положеніи, теперь протестовалъ противъ того, что духовное начальство устраняется отъ распоряженія церковными доходами, что мірскимъ людямъ ввѣряется храненіе церковныхъ принадлежностей, что измѣняется назначеніе церковныхъ суммъ употребленіемъ ихъ на устройство приходскихъ училищъ, на бѣдныхъ, престарѣлыхъ и сиротъ, вопреки существующимъ узаконеніямъ. О нарушеніи «правъ духовнаго вѣдомства» заговорилъ митр. Филаретъ, не видѣвший, однако, нарушенія этихъ правъ въ амурскомъ положеніи. И, все—таки, не смотря на замѣтный отрицательный наклонъ іерархическаго мнѣнія даннаго момента, оно далеко не было отрицательнымъ въ полномъ смыслѣ. Преосвященные херсонскій и харьковскій не отвергали ни нужды, ни пользы церковныхъ совѣтовъ, а только желали нѣкотораго исправленія изданныхъ о нихъ гражданскими начальствами правилъ. А московскій митрополитъ Филаретъ прямо заявлялъ, что онъ совѣтовъ не отвергаетъ и считаетъ ихъ полезными, если только они будутъ организованы надлежащимъ образомъ, при чемъ затрудненія къ такой

организации онъ опять видѣлъ больше всего въ недисциплинированности прихожанъ. Однако, въ виду того, что поднимался вопросъ объ изданіи общаго положенія, митр. Филаретъ теперь нашелъ нужнымъ высказаться опредѣленнѣе и ограничительнѣе о формѣ приходскаго устройства. Онъ предлагалъ въ правилахъ о церковныхъ совѣтахъ установить, что «при каждой приходской церкви *можетъ* быть учрежденъ церковный совѣтъ, для попеченія о благоустройствѣ и благосостояніи церкви и причта въ хозяйственномъ отношеніи, объ устройствѣ первоначальнаго обученія дѣтей и для благотворительнаго дѣйствованія въ предѣлахъ прихода». Кругъ дѣятельности совѣта, такимъ образомъ, здѣсь уже суживался по сравненію съ амурскими правилами. Предсѣдательство въ совѣтѣ митрополитъ полагалъ предоставить непременно священнику. число представителей отъ мірянъ сократить до 3—5. Что касается же хозяйственно-распорядительныхъ правъ прихода, то Филаретъ полагалъ составить правила о совѣтахъ такъ, «чтобы совѣтъ имѣлъ наблюденіе за вѣрнымъ храненіемъ и употребленіемъ церковной собственности, присутствуя между прочимъ при ежемѣсячномъ счетѣ и повѣркѣ прихода и расхода; чтобы важнѣйшія дѣла церковныя о построеніи, расширеніи, украшеніи, возобновленіи ветхостей храма происходили по совѣщаніемъ совѣта и всего общества прихожанъ; чтобы средства, приобретаемыя для дѣлъ челоуѣколюбія, не были смѣшиваемы съ средствами собственно церковными,» и пр. Въ этомъ мнѣніи московскаго владыки не было точной, формулировки совѣтскихъ правъ. Но, очевидно, теперь митрополитъ взглянулъ строже на приходскую самостоятельность и отстранялъ уже прихожанъ отъ распоряженія церковнымъ имуществомъ, хотя и не совсѣмъ.

Во всякомъ случаѣ, въ 1862 году въ церковныхъ сферахъ вѣтеръ подулъ уже менѣе благопріятный для приходскаго преобразованія. Синодальное постановленіе 1859 года, какъ будто, аннулировалось, и вопросъ объ общемъ примѣненіи амурскихъ правилъ получалъ новую ограничительную постановку. У кормила церковнаго управленія появились новые люди, да и старые заговорили другимъ языкомъ. Между тѣмъ было Высочайше учреждено особое Присутствіе по дѣламъ пра-

вославаго духовенства, куда и направились всѣ предположенія по улучшенію духовной части. Главной задачей Присутствія, правда, было дѣло матеріальнаго обезпеченія духовенства. Но вопросъ приходскаго устройства, какъ мы видѣли, почти неразрывно связывался тогда съ этимъ матеріальнымъ вопросомъ, а потому онъ и переданъ былъ на обсужденіе Присутствія, коему, по Высоч. повелѣнію, предложено было рассмотреть дѣло о примѣненіи амурскихъ правилъ къ другимъ мѣстностямъ Имперіи.

Въ Присутствіи по дѣламъ прав. духовенства приходскимъ вопросомъ занялись сразу же по открытіи присутствія, не связывая его, впрочемъ, съ частнымъ дѣломъ объ амурскомъ положеніи. Задача возрожденія приходской самодѣтельности представилась Присутствію сама собою, какъ только оно приступило къ соображеніямъ по обезпеченію духовенства. Естественный и логическій ходъ мыслей присутствія получилъ выраженіе въ первоначальномъ докладѣ о церковныхъ совѣтахъ, составленномъ на основаніи постановленія Присутствія отъ 31-го января 1863 г. Приходскіе совѣты представлялись Присутствію необходимыми для попеченія о нуждахъ духовенства; но эта частная задача невольно расширялась при ея практическомъ осуществленіи. «Матеріальныя выгоды одной стороны — рассуждало присутствіе, — повидимому требовали бы, чтобы на нихъ сосредоточены были и попеченія и средства приходскихъ совѣтовъ и не отвлекались на что-либо для нихъ постороннее. Такое соображеніе было бы правильно, если бы въ распоряженіе совѣтовъ даны были какія либо опредѣленныхъ размѣровъ матеріальныя средства для церковныхъ надобностей и было бы предположеніе допустить употребленіе какой либо части оныхъ на предметы нецерковныхъ надобностей. Но на приходскихъ совѣтахъ, въ большей части случаевъ, будетъ въ настоящее время лежать не столько обязанность распоряжаться готовыми средствами, сколько забота создать новыя, отыскать источники не только для потребностей церкви, но и для самаго содержанія духовенства, — доселѣ не видныя или недоступныя для административныхъ распоряженій. Первымъ условіемъ успѣховъ въ такомъ дѣлѣ должно служить избраніе для него благонадежнаго пути. Путь сей состоитъ, кажется, главнѣйше въ

томъ, чтобы побудить прихожанъ войти въ ближайшее сознание дѣйствительныхъ нуждъ церкви и причтовъ въ матеріальномъ отношеніи, принять оныя къ сердцу и къ исполненію въ смыслѣ нравственной обязанности. При такомъ только сознаніи и сочувствіи прихожанъ можно ожидать достаточнаго и прочнаго обезпеченія нуждъ духовенства и добросовѣстнаго исполненія правительственныхъ о семъ распоряженій, а возбужденіе подобнаго сочувствія можетъ, несомнѣнно, произойти при болѣе повсемѣстномъ проявленіи сочувствія духовенства къ потребностямъ самихъ прихожанъ въ нравственномъ ихъ развитіи и въ благотворныхъ для нихъ дѣйствіяхъ: ибо подобныя только отношенія укрѣпляютъ въ прихожанахъ личное довѣріе и уваженіе къ пастырямъ, въ гражданскомъ быту создаютъ дотолѣ скрытыя средства для удовлетворенія нуждъ духовенства и въ распоряженіе духовныхъ же лицъ доставляютъ способы на пользу самихъ прихожанъ... Въ сихъ видахъ цѣлью учрежденія совѣтовъ по всѣмъ вообще епархіямъ слѣдуетъ поставить нечленіе не только о матеріальныхъ нуждахъ Церкви и духовенства, но и о нуждахъ прихожанъ въ нравственномъ отношеніи и въ благотворительныхъ для нихъ дѣйствіяхъ». Смыслъ этого довольно неуклюжаго разсужденія тотъ, что отъ прихожанъ ожидаются матеріальныя средства,—слѣдовательно, надо компенсировать и ихъ въ свою очередь тѣмъ, что приходская организація будетъ обслуживать и приходскія нужды.

Но логика Присутствія не шла въ данномъ направленіи дальше того предѣла, какой указывался исходной точкой въ ея самомъ ограниченномъ пониманіи. Признавъ необходимость созданія приходской организація, Присутствіе затѣмъ всѣ старанія направило къ тому, чтобы поставить приходскую самостоятельность въ возможно-ограниченныя рамки. Такое направленіе дѣлу, видимо, придали создавшаяся въ Присутствіи сильная консервативная партія, душою которой являлся кievскій митрополитъ Арсеній. Когда зашла рѣчь о приходскихъ совѣтахъ, преосв. Арсеній прежде всего вооружился противъ самаго названія. Въ засѣданіи 31 января 1863 г. Арсеній высказалъ особое мнѣніе, которое затѣмъ развили въ особой запискѣ, гдѣ говорили, что наименованіе совѣтовъ взято у протестантовъ и что приличнѣе и согласнѣе съ исторіей цер-

кви православной новыя учрежденія назвать братствами, по образцу бывшихъ церковныхъ братствъ. Между прочимъ, митр. Арсеній въ своей епархіи именно принялся за восстановление этого стараго института. И суть дѣла была, конечно, не въ наименованіи, а въ самомъ существѣ, о чемъ откровенно и писалъ Арсеній епископу Костромскому Платону отъ 30 марта 1863 г. «Въ числѣ хвалителей и защитниковъ церковныхъ братствъ и я,—писалъ митрополитъ:—но въ моихъ мысляхъ это есть не что иное, какъ только благовидный отводъ отъ церковныхъ совѣтовъ, которые хотѣли навязать на шею нашимъ бѣднымъ священникамъ, и на которые уже, еще до моего прибытія, успѣли исходатайствовать Высоч. соизволеніе» (рѣчь, очевидно, объ амурскомъ положеніи). Разница же между совѣтами амурскаго типа и братствами была, какъ извѣстно, та, что братства существовали лишь при церквяхъ и въ собственно-церковное хозяйство совѣмъ не вступались.

Настроеніе, выразителемъ котораго былъ митр. Арсеній, такъ или иначе, а сдѣлалось господствующимъ во всей дальнейшей работѣ Присутствія. Пункты приходскаго устройства, положенные въ основу амурскихъ правилъ, изъ которыхъ, казалось, должна была бы исходить вся работа, Присутствіемъ были положительно отвергнуты. Самое дѣло объ общемъ примѣненіи амурскаго положенія было въ іюнѣ 1863 г. рѣшено въ присутствіи отрицательно, въ смыслѣ оставленія его безъ послѣдствій, такъ какъ присутствіемъ выработаны уже новыя основанія по сему предмету. Основанія эти скоро воплотились въ извѣстномъ положеніи о приходскихъ попечительствахъ, въ каковое положеніе постепенно претворилась первоначальная мысль о приходскихъ совѣтахъ. Между прочимъ самое наименованіе «попечительство» вмѣсто «совѣтъ» явилось, видимо, въ угоду протесту митр. Арсенія. Насколько неудачна была замѣна названія, можно судить по замѣчанію митр. Филарета: «Надъ кѣмъ попечительство? Надъ церковью? Она имѣетъ для сего церковнаго старосту. Надъ священно-церковнослужителями?—И такъ, предсѣдательствующій въ попечительствѣ священникъ будетъ попечителемъ надъ самимъ собою, и присутствующій крестьянинъ будетъ попечителемъ надъ священникомъ. Отъ сихъ несообразностей было бы свободно наименованіе совѣта».

Главное же, разумѣется, было не въ названіи, а въ томъ, что скрывается подъ сими названіемъ.

Мы не будемъ воспроизводить подробную исторію составленія въ Присутствіи правилъ о приходскихъ попечительствахъ, не будемъ входить въ детальный анализъ этихъ правилъ. Мы отмѣтимъ только основное отличіе учреждаемыхъ попечительствъ отъ первоначальнаго заданія, даннаго въ амурскомъ положеніи. Попечительства, какъ и пропагандированныя м. Арсеніемъ, для «отвода», братства, были учрежденіями только состоящими при церквахъ, но не имѣющими прямого прикосновенія къ церковному хозяйству. Попечительства состояли изъ мѣстныхъ священнослужителей, старосты и выборныхъ представителей отъ прихожанъ, при чемъ число послѣднихъ опредѣлялось по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ кругъ вѣдѣнія ихъ входило попеченіе объ изысканіи средствъ для содержанія церкви и духовенства и для заведенія въ приходѣ школы, больницы, богадѣльни, устройство и завѣдываніе сими учрежденіями. Но распорядиться попечительства могли лишь своими собственными, изыскиваемыми ими средствами, въ концѣ концовъ ограниченными добровольнымъ усердіемъ прихожанъ. Церковные суммы и доходы, какъ равно и церковное имущество, вѣдѣнію попечительствъ не подлежали и способъ завѣдыванія ими сохранялся прежній. Въ этой хозяйственно-распорядительной ограниченности, не говоря о сокращеніи круга дѣятельности, заключалось главное и самое важное отличіе попечительствъ отъ тѣхъ совѣтовъ, какіе Синодъ въ 1859 году призналъ полезнымъ учредить вездѣ по амурскому образцу.

Замысль приходскаго переустройства въ Присутствіи по дѣламъ прав. дух. вылилась, стало быть, въ болѣе, чѣмъ скромную форму. Но побѣда консервативнаго теченія досталась ему все-таки не безъ борьбы. Прежде, чѣмъ достигнуть желаемаго результата, Присутствію пришлось выдержать довольно энергичный натискъ съ такой стороны, откуда, пожалуй, его и не ожидали. Предварительно внесенія проекта правилъ о приходскихъ попечительствахъ въ Госуд. Совѣтъ, для законодательнаго утвержденія, проектъ этотъ былъ препровожденъ главноуправляющему собственной Его В-ва канцеляріей барону Корфу.

Главноуправляющій же прислалъ отзывъ, явно неодобрительный для того духа крайней умѣренности, какимъ руководились авторы проекта.

Главноуправляющій прежде всего подчеркивалъ видимое несоотвѣтствіе между мотивировкой проекта и его содержаніемъ. Въ мотивировкѣ говорилось, словами первыхъ журналовъ Присутствія, что вѣрнѣйшимъ путемъ для лучшаго обезпеченія духовенства признается «возбудить и поощрить самостоятельность и самодѣятельность самихъ приходскихъ обществъ», при чемъ высказывалось убѣжденіе, что учреждаемая попечительства будутъ въ состояніи выполнить свое назначеніе только тогда, когда они не обратятся «въ пустую форму, т. е. когда они не ограничатся обыкновенною ролью низшаго присутственнаго мѣста, а станутъ живыми дѣятелями на указанномъ имъ поприщѣ и приобретутъ довѣріе и уваженіе общества». Мысли здравыя, не возбуждающія возраженій,—говорилъ баронъ Корфъ; и не вполнѣ новыя, потому что слѣды привлеченія мірянъ къ участію въ церковныхъ дѣлахъ существуютъ и въ нашемъ законодательствѣ. Но если до сихъ поръ отсюда истекало мало пользы, то, очевидно, условія были неблагопріятны для развитія этого участія. Поэтому предполагаемое преобразование требуетъ особаго вниманія, чтобы не повторять прежнихъ ошибокъ, тѣмъ болѣе нежелательныхъ, что организація прихода можетъ получить важность и въ гражданскомъ отношеніи. Изъ единицы чисто-церковной приходъ въ будущемъ можетъ сдѣлаться и единицей административной. Между тѣмъ, въ проектѣ попечительствъ замѣчаются какъ-разъ крупныя ошибки противъ высказанныхъ въ мотивировкѣ вполнѣ правильныхъ соображеній.

Чтобы обезпечить самостоятельность приходскихъ обществъ, баронъ Корфъ находилъ полезнымъ, во-первыхъ, во главѣ попечительствъ поставить свѣтскихъ попечителей, изъ наиболѣе видныхъ прихожанъ, которые и составили бы предсѣдателями этихъ учреждений. Также точно онъ считалъ нужнымъ обезпечить право участія въ приходскихъ выборахъ дворянства, не вполнѣ обезпеченное въ проектѣ попечительствъ. Права приходскаго управленія главноуправляющій считалъ ограниченными безъ достаточнаго основанія. Безъ достаточныхъ правъ новыя учрежденія будутъ именно тѣмъ мертвымъ институтомъ, какого

опасалось само же Присутствіе. Между тѣмъ въ распоряженіи прихода прежде всего не оказывается средствъ, необходимыхъ для развитія его дѣятельности. Приходскимъ попечительствамъ ввѣряется забота о благосостояніи церкви и духовенства, обученія дѣтей, призрѣніи бѣдныхъ; но средства для этихъ цѣлей дозволяется изыскивать лишь путемъ добровольныхъ пожертвованій. Правда, въ томъ проектѣ, какой былъ у бар. Корфа, дозволялось прибѣгать иногда и къ приходскому обложенію; но послѣднее признавалось обязательнымъ для всѣхъ прихожанъ только при условіи принятія его $\frac{2}{3}$ голосовъ приходскаго общества, что дѣлается почти невозможнымъ при обычномъ абсентеизмѣ прихожанъ. Бар. Корфъ полагалъ предоставить право обязательнаго обложенія приходскому собранію и при наличіи въ немъ половины прихожанъ, *voitum* оми $\frac{2}{3}$. Раскладку же такихъ приходскихъ налоговъ главноуправляющій предлагалъ дѣлать примѣнительно къ земскому обложенію. Расширеніе власти приходскихъ учреждений по установленію сборовъ съ прихожанъ подниметь ихъ значеніе; однако, и при этомъ очерченный для нихъ кругъ дѣятельности будетъ все еще довольно узокъ и немногимъ возвыситъ ихъ надъ ролью прежнихъ церковныхъ старостъ. Поэтому, по мнѣнію бар. Корфа, слѣдовало бы еще развить и дополнить правила о предметахъ вѣдомства приходскихъ учреждений—и именно, кромѣ дѣлъ чисто хозяйственныхъ дать имъ извѣстную долю вліянія и по другимъ, болѣе существеннымъ и важнымъ для прихода вопросамъ. Въ этомъ отношеніи главноуправляющій находилъ полезнымъ предоставить приходскимъ попечительствамъ участіе въ выборѣ членовъ причта и право посредничества при столкновеніяхъ и недоразумѣніяхъ между причтомъ и прихожанами.

Участіе прихожанъ въ выборѣ на священнослужительскія мѣста, доказывалъ главноуправляющій, не было бы новостью для православной Церкви. Не говоря о первыхъ временахъ христіанства, оно еще не такъ давно, до конца XVIII в., практиковалось на Руси и закрѣплено было актами законодательнымъ, при чемъ даже уставъ дух. конс. 1841 г. не запретилъ приходской рекомендаціи, почему нѣкоторые архіереи сохраняютъ обыкновеніе спрашивать согласія прихожанъ. «Обращеніе этого обыкновенія въ обязательный, постоянный порядокъ, не

противорѣча преданіямъ и правиламъ нашей Церкви, было бы, кажется, своевременно при предстоящемъ преобразованіи приходскихъ учреждений. Приходскимъ попечительствамъ можно бы предоставить входить въ предварительныя сношенія съ кандидатами, удостовѣряться объ ихъ качествахъ, и по совѣщанія съ общимъ собраніемъ прихожанъ, согласно рѣшенію спѣхъ послѣднихъ, дѣлать представленія епархіальнымъ архіереямъ. При оставленіи за послѣдними полной власти устранять такихъ изъ числа сихъ кандидатовъ, въ благонадежности или способности которыхъ они найдутъ основаніе сомнѣваться, должно надѣяться, что подобный порядокъ не останется безъ благотѣльнаго вліянія на составъ приходскаго духовенства; но еще благотворнѣе окажутся другія его послѣдствія. Ничто столько, какъ подобная прерогатива, не въ состояніи будетъ внушить уваженіе къ приходскимъ учреждениямъ; ничто не возбудитъ такого интереса и сочувствія къ церковному дѣлу; ничто не скрѣпитъ столь тѣсною связью свѣтскаго общества съ духовнымъ. Самая трудная изъ возлагаемыхъ на приходскія учрежденія задачъ — улучшеніе матеріальнаго быта духовенства, — разрѣшится, вслѣдствіе того, сама собою, безъ особыхъ усилій, ибо если замѣненіе священнослужительскихъ вакансій предоставится непосредственному добровольному соглашенію прихожанъ съ тѣми лицами, которыхъ они желаютъ имѣть своими духовными пастырями, то очевидно, что чѣмъ больше приходъ будетъ заботиться объ устройствѣ положенія своего причта, тѣмъ легче пріобрѣтетъ священнослужителя усерднаго, способнаго и образованнаго. Чувство нравственной отвѣтственности и соревнованія, которое установится между приходами, безъ сомнѣнія, сильнѣе побудитъ къ необходимымъ на этотъ предметъ пожертвованіямъ, чѣмъ всѣ начальственныя предписанія или наставленія».

Вторая прерогатива для приходскихъ учреждений, въ видѣ посредническаго разбирательства недоразумѣній и пререканій между причтомъ и прихожанами, была заимствована изъ правилъ объ амурскомъ духовенствѣ, и баронъ Корфъ находилъ ее вполне полезной. На замѣчаніе м. Филарета, что прихожанамъ неудобно судить своего духовнаго отца, главноуправляющій пояснялъ, что никакого суда нѣтъ, а есть только выясненіе

недоразумѣній, одинаково желательное для обѣихъ сторонѣ. Такимъ путемъ съ духовенства даже снимутся излишнія нареканія, распространяющіяся въ обществѣ.

Въ заключеніе бар. Корфъ подчеркивалъ необходимость, чтобъ приходскія попечительства и собранія въ кругу предоставленной имъ дѣятельности пользовались полною самостоятельностью и не были лишь исполнителями чужихъ распоряженій и указаній. Поэтому онъ находилъ нужнымъ подробности устройства новыхъ учреждений отнюдь не предоставлять усмотрѣнію епархіальныхъ начальствъ, какъ думало присутствіе, а предоставить самымъ этимъ учрежденіямъ, такъ какъ, стоя всего ближе къ дѣлу, «они будутъ самыми вѣрными представителями дѣйствительныхъ потребностей жизни».

Такимъ образомъ главноуправляющій предлагалъ Присутствію приблизиться къ принципамъ амурскаго положенія и даже отчасти развить ихъ. Но Присутствіе твердо выдержало занятую имъ позицію и, за второстепенными исключеніями, отклонило предложенія бар. Корфа. При этомъ замѣчательно, что по самому важному пункту, о выборномъ началѣ, присутствіе отдѣлялось формальной ссылкой на Высоч. повелѣніе 28 іюня 1862 г. объ учрежденіи присутствія, въ коемъ изъяснено, что «предметы, поручаемые разсмотрѣнію присутствія по дѣламъ прав. духовен. относясь исключительно къ усиленію матеріальныхъ средствъ духовенства и расширенію его правъ и преимуществъ въ составѣ гражданскаго общества, нисколько не касаются до внутренняго устройства самой церкви». На этомъ основанія Присутствіе заявляло, что оно «не считаетъ себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе заявленнаго ему предположенія о предоставленіи прихожанамъ участія въ выборѣ къ мѣстамъ священниковъ и другихъ членовъ причта, предположенія, противнаго каноническимъ правиламъ (3-му прав. 7-всел. соб. и 13-му Лаодик.) и касающагося внутренняго ея устройства».

Ссылка на поставленные Присутствію рамки здѣсь, конечно, была искусственна. Вопросъ о выборномъ началѣ вовсе не былъ такимъ вопросомъ, который бы, въ строгомъ смыслѣ, касался внутренняго устройства церкви. Разъ съ этимъ вопросомъ раньше оперировало даже гражданское законодательство, разъ Присутствіе разсматривало же проектъ приходскаго устрой-

ства, то при чемъ тутъ было «внутреннее устройство церкви». Возраженіемъ же по существу противъ выборнаго принципа было лишь вскользь сдѣланное замѣчаніе о каноническихъ правилахъ, однако, оба правила, на которыя сослалось присутствіе, были неподходящи. Третье правило седьмого всел. собора, воспрещало избраніе на церковныя должности мірскими начальниками, т. е. безъ согласія съ іерархической частью церкви и вообще безъ согласія церкви, представителями которой мірскіе начальники, конечно, не были. 13-ое правило лаод. собора, на которое всегда и ссылаются до сихъ поръ противъ выборнаго начала, воспрещаетъ избраніе сборищу народа, т. е. неорганизованной толпѣ, а не законному, правильному собранію. Присутствіе 1863 года дѣлало, впрочемъ, ту же ошибку, какую дѣлаютъ и въ наше время. Ему не пришло на мысль даже, какъ рискованно говорить объ антиканоничности выборнаго порядка, когда русская церковь вѣками его держалась. Вѣдь если это было антиканонично, то отсюда вытекало самыя серьезныя послѣдствія для сужденія о всей нашей прежней церковности, принимая во вниманіе тѣ каноническія прещенія, какія связаны съ антиканоническими дѣйствіями. Поэтому особенно обращаетъ на себя вниманіе въ данномъ случаѣ позиція тогдашняго церковнаго авторитета, митр. Филарета. Замѣчанія барона Корфа были препровождены на воззрѣніе и московскаго владыки. Филаретъ высказался, правда, по главнымъ пунктамъ отрицательно. Но онъ совершенно оставлялъ въ сторонѣ каноническіе аргументы какъ неподходящіе, и мотивировалъ лишь практическими доводами. Выборный порядокъ, по мнѣнію митр. Филарета, отжилъ свой вѣкъ. Онъ дѣйствовалъ въ русской практикѣ потому, что въ распоряженіи архіереевъ, до утвержденія духовнаго образованія, не было кандидатовъ на церковныя должности. Теперь же архіерей скорѣе, чѣмъ прихожане, можетъ знать и указать наиболѣе достойнаго кандидата, и выборный порядокъ, не всегда обезпечивающій избраніе достойнѣйшаго, могъ бы оказаться вреденъ для пользы дѣла. Впрочемъ, м. Филаретъ не прочь былъ сослаться и на формальную сторону вопроса: по его мнѣнію также, предложеніе бар. Корфа выходило за предѣлы круга вѣдѣнія Присутствія.

Итакъ, проектъ введенія выборнаго начала въ 60-хъ го-

дахъ отвергался, собственно, главнымъ образомъ по практическимъ соображеніямъ. Правильны или ошибочны были практическіе аргументы, это уже другой вопросъ, конечно, какъ всегда, спорный. Но не лишнее вспомнить, что считаясь съ практическими неудобствами, все же и нѣкоторые виднѣйшіе іерархи той эпохи не возражали въ принципѣ противъ выборнаго начала. Принципіальныхъ возраженій не дѣлалъ митр. Филаретъ. А его преемникъ, митр. Иннокентій, въ одной изъ своихъ записокъ 1869 года (17 янв.), прямо склонялся признанію за прихожанами права участія въ избраніи пастырей и, проектируя новый порядокъ замѣщенія священническихъ мѣстъ, выказывалъ надежду, что при его осуществленіи можно было бы безъ ущерба дѣлу вернуться къ древнему приходско-избирательному порядку. Что касается же вообще приходскаго самоуправленія, то изъ всего изложеннаго слѣдуетъ ясно, что уже полъ вѣка тому назадъ официальные церковныя сферы считали его приемимымъ. Св. Синодъ формально одобрялъ амурское положеніе, въ которомъ заключалось такое начало, о жупельности, якобы, коего трактуется у насъ послѣдніе 10 лѣтъ. Въ амурскихъ правилахъ приходскому совѣту ввѣрялось, какъ мы видѣли, вѣдѣніе и распоряженіе всѣми церковными суммами и доходами для общихъ приходскихъ цѣлей: это то, чего теперь многіе никакъ допустить не могутъ. Пунктъ этотъ вошелъ и въ положеніе о западныхъ епархіяхъ, дѣйствіе котораго, между прочимъ, продолжалось нѣкоторое время и послѣ учрежденія приходскихъ попечительствъ (по типу коихъ были преобразованы приходскіе совѣты въ восточной Сибири, въ округахъ пахотн. крестьянъ и южныхъ поселеній). Отсюда слѣдуетъ опять, по крайней мѣрѣ, тотъ несомнѣнный выводъ, что и въ широкихъ хозяйственно—распорядительныхъ правахъ прихода нѣтъ ничего принципіально неприемимаго съ церковной точки зрѣнія.

Положеніе о приходскихъ попечительствахъ, послѣ законодательнаго разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ, было Высочайше утверждено 2 августа 1864 г. Любопытно отмѣтить опять, для современныхъ споровъ о церковномъ законодательствѣ, что въ 60-хъ годахъ никто не сомнѣвался въ необходимости утвержденія приходскаго положенія въ общемъ

законодательномъ порядкѣ, и, что еще любопытнѣе: весь приходскій вопросъ тогда даже не восходилъ на воззрѣніе Св. Синода, а рѣшался въ Высочайше учрежденномъ Присутствіи. Правда, это происходило, видимо, потому, что Синодъ въ полномъ составѣ входилъ въ Присутствіе. Однако, съ юридической точки зрѣнія Присутствіе все-таки ни въ коемъ случаѣ нельзя было отождествлять съ церковно-правительственнымъ учрежденіемъ, такъ какъ оно не имѣло церковно-правительственнаго полномочія и состояло не только изъ духовныхъ, а и изъ свѣтскихъ членовъ. Выходить, стало быть, что крупные церковно-преобразовательные проекты въ то время считались возможнымъ проводить помимо Синода, чрезъ учрежденія церковно-мірскаго состава и общимъ государственнымъ порядкомъ. Какія же основанія въ такомъ случаѣ возражать въ настоящее время противъ участія законодательныхъ учреждений въ церковномъ законодательствѣ?

Положеніе о приходскихъ попечительствахъ было далеко отъ исходной точки приходскаго вопроса, и не удивительно, что съ нимъ случилось то, что должно было случиться по предвидѣнію самого Присутствія: оно осталось мертвой формой безъ достаточнаго жизненнаго содержанія. Приходская реформа въ 60-хъ годахъ раздѣлила участь многихъ другихъ благихъ начинаній начала царствованія Царя-Освободителя. Но идея приходской самостоятельности впоследствии еще не разъ пробивалась наружу изъ-подъ сложившагося *status quo*. Въ началѣ 80-хъ годовъ мы встрѣчаемся съ нѣсколькими земскими попытками поднять снова приходскій вопросъ и добиться расширенія правъ приходскихъ учреждений. Въ декабрьскую сессию московскаго губернскаго земскаго собранія 1880 года, по инициативѣ одного изъ гласныхъ, былъ поставленъ на обсужденіе докладъ объ устройствѣ приходовъ, въ которомъ высказывались слѣдующія соображенія. Законъ возлагаетъ на обязанность земскихъ учреждений попеченіе объ обезпеченіи народнаго продовольствія, куда особенно относится помощь нуждающемуся населенію. Но каковы бы ни были разныя экономическія мѣропріятія, всегда будутъ случаи, когда помочь нуждающимся можетъ только благотворительность. Дѣло же благотворительности требуетъ правильной и постоянной организаціи,

каковая всего естественнѣе могла бы быть приурочена къ церковному приходу. Но для этого необходимо, чтобы и закономъ было признано за приходомъ не только значеніе территориальнаго округа, но и значеніе церковнаго союза съ извѣстными юридическими правами. Приходу въ настоящее время присвоено право избранія церковнаго старосты, но онъ не пользуется другимъ, болѣе существеннымъ правомъ, правомъ предлагать на должность священника, настоятеля своего храма, лицъ достойныхъ и честныхъ.—тѣмъ правомъ, которое было ему изстари присвоено до самаго начала XIX столѣтія. Далѣе, приходъ, по существующимъ законоположеніямъ, не имѣетъ правъ имущественныхъ, не можетъ приобрѣтать и укрѣплять за собою какаго-либо имущества. Между тѣмъ благотворительная дѣятельность, въ организаціи которой представляется настоятельная необходимость, можетъ проявляться въ приходскомъ обществѣ только тогда, когда законъ признаетъ приходъ юридическимъ лицомъ съ извѣстными правами общественными и имущественными. Отсюда вытекало слѣдующее предложеніе: надо поставить приходскія общества въ такія условія, при которыхъ жизнь могла бы снова проявиться въ нихъ, а для сего ходатайствовать о томъ, 1) чтобы приходы, въ смыслѣ церковныхъ обществъ, были признаны за юридическія лица; 2) чтобы было восстановлено древнее право приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ на должность священниковъ-настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу; 3) чтобы за приходомъ признано было право всякими, закономъ дозволенными средствами приобрѣтать и укрѣплять за собою имущества какъ движимыя, такъ и недвижимыя; 4) чтобы имущество каждой приходской церкви было признано за неотъемлемую ея собственность и чтобы оно находилось въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества. Московское губернское земское собраніе цѣликомъ приняло это предложеніе въ засѣданіи 18 декабря 1880 г. Означенное постановленіе собранія было опротестовано московскимъ губернаторомъ, но протестъ былъ обжалованъ въ Сенатъ и Сенатъ указомъ 14 февраля 1883 г. предписалъ московскому губернатору представить земское ходатайство высшему правительству. Дѣло поступило въ Синодъ и В. К. Саблеромъ, видимо, по-

ручено было составить отвѣтъ. (въ заранѣе, конечно, указанномъ духѣ), дѣлопроизводителю все еще существовавшего Присутствія по дѣламъ правосл. духовенства Терсинскому. Записка Терсинскаго буквально и легла затѣмъ въ основу синодальнаго постановленія отъ 18 іюля—8-го августа 1884 г. Св. Синодъ призналъ московское ходатайство по всѣмъ пунктамъ не подлежащимъ удовлетворенію. Кромѣ формальнаго отвода, что земство вмѣшивается не въ свое дѣло, синодальное постановленіе отвѣчало въ частности на всѣ пункты московскаго ходатайства. Оно отмѣчало, что въ приходсахъ уже имѣются благотворительныя организаціи въ лицѣ приходскихъ попечительствъ; а если приходская дѣятельность вообще и благотворительная въ частности мало развита, то причиною тому надо считать условія русскаго быта. Усваивать приходу права юридическаго лица и предоставлять ему право приобрѣтенія имущества Синодъ находилъ излишнимъ, объясняя, что церковь, за которой эти права признаются дѣйствующимъ законодательствомъ, является болѣе неизмѣннымъ субъектомъ правъ, чѣмъ приходъ. Относительно распоряженія церковно-приходскимъ имуществомъ синодальный отвѣтъ скорѣе обходилъ, чѣмъ отвѣчалъ на вопросъ: Синодъ ссылаясь на учрежденную тогда комиссію для пересмотра правилъ о церковномъ хозяйствѣ, которая якобы уже расширяетъ права прихожанъ (хотя на самомъ дѣлѣ между проектомъ комиссіи и московскимъ предложеніемъ было мало общаго). А относительно выбора клириковъ прихожанами Терсинскій, т. е. Синодъ, просто повторялъ отвѣтъ Присутствія по дѣламъ приходскаго духовенства барону Корфу и извѣстныя уже намъ мысли митрополита Филарета.

Отвѣтъ московскому земству былъ рѣшительно-отрицательный. Но и изъ него слѣдуютъ заключенія, поучительныя для нашихъ дней. Московское земство ходатайствовало въ сущности полностью о томъ, о чемъ хлопочуть сейчасъ ревнители приходскаго преобразованія. Отклоняя ходатайство, Синодъ, однако, не дѣлалъ ни одного принципиальнаго возраженія противъ имущественно-распорядительныхъ правъ прихода и, хотя упомянулъ извѣстные намъ каноническіе аргументы противъ выборнаго начала, но отказъ и въ этомъ пунктѣ базировалъ главнымъ образомъ на практическихъ соображеніяхъ.

Въ январѣ 1881 года Воронежское губернское земское собраніе также постановило ходатайствовать о предоставленіи прихожанамъ права избирать себѣ священниковъ. Синодъ слушалъ дѣло о семъ ходатайствѣ 18 декабря 1885 года и постановилъ отвѣтить отрицательно, просто сославшись на свое постановленіе по поводу ходатайства московскаго.

Разумѣется, эти земскія попытки были безнадежны и заранѣе обречены на неудачу по условіямъ своего времени. Однако ихъ наличность показываетъ, что интересъ къ приходскому вопросу не умиралъ въ земской средѣ и что на него наталкивала сама мѣстная земская жизнь. Дѣло приходскаго устройства давно сознавалось, слѣдовательно, какъ земское дѣло: вотъ еще одно поучительное историческое обстоятельство. Теперь, въ наши дни, нѣкоторые продолжаютъ смотрѣть косо на вмѣшательство земскихъ людей въ вопросъ о приходскомъ преобразованіи. Но это вмѣшательство становится естественнымъ въ исторической обстановкѣ, которая въ свою очередь опредѣляется не только исторіей русскаго прихода, но и самымъ свойствомъ приходской организаціи, объединяющей главнымъ образомъ мірскіе элементы церковнаго организма. И нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что нынѣ толчекъ приходскаго движенія исходитъ отъ народнаго представительства, земскаго по своему большинству и унаслѣдовавшаго старыя земскія стремленія и задачи въ болѣе широкой государственной постановкѣ.

Б. Титлиновъ.

Воспоминанія стараго профессора (съ 1847 по 1913 г.г.). *

Ректоры и инспекторы Петроградской Академіи 1884—1896 г. За эти 12 лѣтъ было 5 ректоровъ и 6 или даже 7 инспекторовъ. Многовато, сравнительно съ «Янышевскимъ» временемъ, когда за всѣ 17 лѣтъ былъ одинъ ректоръ, а инспекторовъ было только 3 лица. Такая частая смѣна начальствующихъ лицъ едва ли была полезна и служила ко благу Академіи.

Ректорами были: пр. Арсеній (Брянцевъ), пр. Антоній (Вадковскій), архим. Борисъ (Плотниковъ), пр. Никандръ (Молчановъ), пр. Іоаннъ (Кратировъ). Инспекторами: до 1885 г. прежній проф. П. О. Нильскій, затѣмъ архим. Антоній (Вадковскій), архим. Михайль (Грибановскій), и. д. доц. іером. Антоній (Храповицкій), и. д. доц. іером., потомъ инсп. архим. Михайль (Ермаковъ), и. д. инсп. іером., потомъ архим. и инсп. Исидоръ (Колоколовъ), и наконецъ проф. Н. В. Покровскій.

Преемникомъ прот. І. Л. Янышева былъ пр. Арсеній (Брянцевъ) ¹⁾. І. Л. Янышевъ очень хлопоталъ о томъ, чтобы преемникомъ ему былъ кто-либо изъ наличныхъ старѣйшихъ профессоровъ академіи. Онъ приставалъ съ этого рода предложеніями ко многимъ, въ томъ числѣ и ко мнѣ ²⁾. Но никто не

*) Продолженіе. См. май—іюнь.

¹⁾ Пр. Арсеній (въ мѣрѣ Александръ Дмитріевичъ Брянцевъ), смолен., магистръ XXIII к. (1867 г.) кiev. акад.; 1867—законоуч. гимн. въ Кіевѣ; 1868—святц., 1873—архим., ректоръ Таврич. сем., 1882—еп. Выборгскій и Ладож., викар. Петрогр., 1883—рект. Петр. акад., 1887—епископъ Рижскій, 1893—архіеп., 1897—архіеп. Казанскій, 1903—архіеп. Харьков., † 1914.

²⁾ И ко мнѣ даже въ особености, какъ къ человѣку, занимавшему ректорскую, по прежнимъ обычаямъ, кафедру (догм. богосл.), а можетъ быть,

отозвался на его предложеніе. Довольно долго искали ему преемника, пока не остановились на пр. Арсеніи, тогда петрогр. викаріѣ, который, какъ магистръ Кіев. Академіи, казался подходящимъ. Пр. Арсеній человекъ не выдающагося ума, довольно добродушный и привѣтливый въ обращеніи, съ практическимъ складомъ ума, быть созданъ не для академической ректуры, а для того, чтобы быть хорошимъ, даже выдающимся епархіальнымъ епископомъ, каковымъ онъ и оказался впоследствии въ Ригѣ, на трудномъ посту епархіальнаго начальника, гдѣ онъ сумѣлъ со всѣми ладить и заслужить немалую любовь и уваженіе. Научный его авторитетъ въ академіи былъ очень невысокъ. Какъ человекъ очень практической, онъ пользовалъ перемену вѣяній въ высшихъ сферахъ и въ общественныхъ настроеніяхъ такъ, чтобы казалось, что онъ произвелъ переворотъ въ академической жизни. Онъ рѣшилъ, что главная его миссія заключается въ изгнаніи изъ Петрогр. Академіи, какъ онъ выражался, «Янышевскаго духа», «либерализма», въ насажденіи церковности, бывшей будто бы въ упадкѣ при его предшественникѣ, и монашества, дѣйствительно далеко не процвѣтавшаго при І. Л. Янышевѣ. Задачи и цѣли академической науки пр. Арсеній понималъ очень своеобразно, что и выразилось однажды въ обвиненіи многихъ профессоровъ, въ томъ числѣ и пишущаго эти строки въ либерализмѣ. Лично, впрочемъ, онъ не предъявлялъ мнѣ (да насколько мнѣ извѣстно, и другимъ сослуживцамъ) такого обвиненія. Передалъ его слова одинъ, тогда молодой доцентъ, впоследствии почтенный профессоръ И. Г. Троицкій. Онъ напечаталъ тогда свое магистерское соч. («Религіозное, обществен. и государственное состояніе евреевъ во времена Судей». 1885). При разсмотрѣніи этого сочиненія однимъ изъ присутствовавшихъ въ то время въ Св. Си-

и по другимъ причинамъ. Мнѣ онъ говорилъ даже, что готовъ посодѣйствовать моему назначенію, чрезъ придворныя вліянія. Но тяжесть ректорской должности, особенно въ то время, совершенно не располагали какъ другихъ, такъ и меня къ мысли принять на себя это нелегкое бремя. Притомъ чувствовалось, что наступила другая пора, и едва ли можетъ осуществиться желаніе о. І. Л. Ян., да если бы оно и сбылось, то что ожидало его преемника? Что касается меня, то принять предложеніе о. І. Л. мѣшала, кромѣ того, давно сроднившаяся со мною рѣшимость не мѣнять скромный постъ профессора на что-либо высшее.

нодѣ епископовъ (пр. Серафимомъ Протопоповымъ, еп. Смоленскимъ) оно подверглось строгой критикѣ и неодобренію, впрочемъ, не во всемъ его объемѣ, а въ нѣкоторыхъ только частностяхъ. По этому поводу м. Исидоромъ призванъ былъ ректоръ пр. Арсеній, и послѣдовало ему приличное отъ митрополита внушеніе, съ приказаніемъ перенечатать нѣсколько страницъ, послѣ чего общано было утвержденіе автора въ степени магистра. Когда это было сдѣлано, утвержденіе состоялось. Запутанный начальническимъ выговоромъ, пр. Арсеній имѣлъ нарочитую бесѣду съ молодымъ авторомъ, упрекая его въ либерализмъ. Въ связи съ этимъ упомянуто было и имя проф. Катанскаго, которому постановлено было въ вину, что «онъ *осмысливаетъ* (?) догматы». По поводу этого тяжкаго обвиненія я не считалъ нужнымъ объясняться съ пр. Арсеніемъ и до конца его ректорства никакого разговора между нами по этому поводу не было. Весьма характерно рѣшеніе м. Исидора по этому дѣлу, показывающее широту его взглядовъ и дѣлающее ему большую честь, какъ научно просвѣщенному іерарху. Правда, можно предполагать, что такой исходъ дѣла отчасти былъ предрѣшенъ, быть можетъ, пр. Серафимомъ, очень умнымъ, научнымъ человѣкомъ (см. гл. II моихъ «воспом.», когда архим. Серафимъ былъ ревизоромъ нижегор. сем.). Пр. Серафимъ еще ранѣе, до доклада м. Исидору, призывалъ автора диссертациіи и много съ нимъ бесѣдовалъ, оставивъ въ своемъ молодомъ собесѣдникѣ впечатлѣніе человѣка очень умнаго, довольно широкихъ взглядовъ и большого діалектика.

Какъ бы то ни было, мы довольно мирно прожили съ нелишненнымъ, въ значительной степени добродушія, пр. Арсеніемъ, около 4-хъ лѣтъ (1883—1887 г.), пробавляясь запасами научнаго настроенія и возбужденія, сохранявшимися отъ прежняго времени. Проводы его, однако, были холодны, и Академія не спѣшила возвести его въ званіе почетнаго своего члена; случилось это только чрезъ 10 лѣтъ (1897 г.) послѣ выхода отъ насъ (въ 1887 г.)¹⁾. Инспекторомъ при немъ, — послѣ проф. П. О. Нильскаго (до 1885) — былъ съ 1885 г.

¹⁾ Такъ что пр. Арсеній началъ уже роптать. При встрѣчѣ въ Ригѣ съ кѣмъ-то изъ бывшихъ сослуживцевъ онъ, со свойственною ему наивностью,

архим. Антоній (Вадковскій † митр. петрогр.) ²⁾, весьма выгодно отличавшійся отъ пр. Арсенія преданностью научнымъ интересамъ, въ высшей степени благороднымъ, симпатичнымъ характеромъ и немалымъ административнымъ тактомъ. Онъ сразу же поставилъ себя въ наилучшія отношенія и къ сослуживцамъ и къ студентамъ. Проникнутый большими симпатіями къ академическому студенчеству и вѣрою въ него, старался войти въ близкія отношенія къ студентамъ и съ этою цѣлью, между прочимъ, завелъ богословскія съ ними собесѣдованія въ своей квартирѣ, приглашая сюда и академическихъ преподавателей. Бывалъ на этихъ собраніяхъ и я. Въ особенности хорошо помню бесѣды съ участіемъ Е. П. Аквилонова (студ. LXIII к. 1886 г.) на тему о Церкви, т. е. на ту же тему, на которую онъ написалъ и магистерскую свою диссертацию. По правдѣ сказать, тогдашнія разсужденія Е. П. Аквилонова мнѣ не совсѣмъ понравились по приѣмамъ трактованія предмета болѣе ораторскимъ, чѣмъ строго-научнымъ.

Изъ времени инспекторства о. Антонія помнятся еще споры въ засѣданіяхъ правленія по поводу опасностей для студенческой молодежи отъ увлеченія политикой и возможности вовлеченія студентовъ въ ряды революціонеровъ. О. инспекторъ рѣшительно не хотѣлъ вѣрить въ такую возможность, полагая, что студенты духовныхъ академій вполне застрахованы отъ подобныхъ увлеченій своимъ высокимъ умственнымъ развитіемъ. Мы, другіе члены правленія, ему возражали, въ особенности, помнится, проф. М. О. Кояловичъ. Не будьте, о. инспекторъ, слишкомъ въ томъ увѣрены, говорилъ онъ. Все возможно въ настоящее время. Революціонно-соціалистическая зараза, разъ попавшая въ духовный организмъ, подобна извѣстной секретной физической болѣзни, отъ которой никогда нельзя вылечиться радикально. На эти предостереженія о. Антоній отвѣчалъ, что

спросилъ: «что же Академія до сихъ поръ не избрала меня въ почетные свои члены?»

²⁾ Архим. Антоній (въ мірѣ Александръ Васильевичъ Вадковскій), Тамб., 3-й маг. XII к. (1870 г.) Казан. акад.; съ 1870 до 1883 г. доцентъ Каз. акад. по гомил.; 1883 монахъ, 1884—архим., экстр. проф. и инспект. Казан. акад.; 1885—инсп. Петрогр. акад. въ званіи экстр. проф. по Св. Писанію Ветх. Зав.

если что-либо подобное случится, чему онъ, впрочемъ, совершенно не вѣрить, то онъ готовъ пострадать за свой оптимизмъ; въ такомъ случаѣ «пойду въ монастырь», замѣтилъ онъ. Къ несчастію, наши опасенія сбылись. Одинъ изъ окончившихъ въ 1886 г. лучшихъ по успѣхамъ студентовъ (М. Поворусскій, родомъ новгородецъ, 3-й по списку), оставленный при академіи даже профессорскимъ стипендіатомъ ¹⁾, попался въ террористическомъ актѣ, въ выступленія предъ Анничковскимъ Дворцомъ съ самодѣльными бомбами. Онъ оказался, по слухамъ, даже однимъ изъ коноводовъ этого террористическаго акта. Сосланный въ Шлиссельбургскую крѣпость, много лѣтъ онъ въ ней сидѣлъ, въ недавнее же время выпущенъ на свободу и, по слухамъ, взятъ на поруки однимъ изъ преосвященныхъ. Этотъ несчастный студентъ памятенъ мнѣ, между прочимъ, по слѣдующему случаю. Предъ наступленіемъ послѣдняго выпускнаго экзамена по моему предмету онъ вдругъ обращается ко мнѣ съ просьбою, не могу ли я допустить его до экзамена по догм. богословію ранѣе дня, назначеннаго для другихъ его товарищей, отдѣльно отъ нихъ. Эта совершенно необычная просьба (обыкновенно просили объ отсрочкѣ) весьма меня удивила. Съ разрѣшенія ректора онъ былъ допущенъ до экзамена и отвѣчалъ на все вопросы прекрасно, чѣмъ еще болѣе меня удивилъ. Когда онъ былъ взятъ подъ стражу, тогда стало понятно, почему онъ спѣшилъ со сдачею экзаменовъ, желая, очевидно, поскорѣе быть свободнымъ, чтобы предаться преступной своей дѣятельности. Эта весьма печальная исторія не имѣла, однако, ощутительныхъ послѣдствій для академическаго начальства и въ частности для инспектора, вѣроятно, потому, что разыгралась въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени, когда виновникъ ея былъ уже окончившимъ академическій курсъ и не находился въ числѣ студентовъ, числясь профессорскимъ стипендіатомъ. Нечего и говорить о томъ, какъ тяжело отозвалась она на самочувствіи всей Академіи.

Пр. Антоній (Вадковскій) ректоръ Академіи (1887—1892 г.). Сдѣлавшись преемникомъ пр. Арсенія по ректурѣ,

¹⁾ Обыкновенно оставляли при академіи проф. стипендіатами двухъ лицъ, на сей же разъ, по настоянію одного изъ профессоровъ, присоединили къ нимъ, къ несчастію, еще третьяго (Новорусскаго). Помнится, совѣтъ сдѣлалъ это неохотно.

пр. Антоній остался такимъ же дружественнымъ съ своими сослуживцами, весьма симпатичнымъ, благороднымъ по характеру, какимъ онъ былъ, какъ инспекторъ. Въ немъ не было и тѣни неестественности или дѣланной важности. Всю свою службу проведеній въ академической средѣ, онъ высоко ставилъ интересы академической науки и былъ широкихъ взглядовъ, очень напоминая въ этомъ отношеніи Г. М. Янышева, которому весьма во многомъ сочувствовалъ; это ясно было изъ частыхъ съ нимъ бесѣдъ. Какъ предсѣдатель совѣта, велъ засѣданія съ тактомъ и замѣтнымъ искусствомъ, обнаруживая при этомъ по временамъ нѣкоторую твердость характера, ограничивая, насколько возможно, начавшую уже укореняться безпорядочность преній. Между прочимъ онъ обнаруживалъ рѣдкую черту, свойственную только исключительно благороднымъ характерамъ, именно способность сознаваться въ своихъ ошибкахъ и увлеченіяхъ. Разъ, напр., онъ горячо и рѣзко настаивалъ, въ одномъ изъ совѣтскихъ засѣданій, на немедленной баллотировкѣ одного кандидата на занятіе академической каюедры (именно Е. П. Аквилонова); но совѣтъ согласно установившейся практикѣ не баллотировать въ то же засѣданіе, когда сдѣлано предложеніе, а отлагать баллотировку до слѣд. засѣданія, воспротивился, и дѣло было отложено. Въ слѣдующее засѣданіе пр. ректоръ счелъ нужнымъ торжественно извиниться предъ совѣтомъ въ своей горячности и рѣзкости. Другой былъ случай—въ засѣданіи правленія, когда онъ позволилъ себѣ нѣкоторую рѣзкость въ отношеніи ко мнѣ (рѣчь шла о дровахъ для академическихъ зданій)¹⁾. И опять онъ не постѣснился признать себя неправымъ и извиниться предо мною, впрочемъ, немалое время спустя, когда я напомнилъ ему этотъ случай, во время его прощальнаго визита, по выходѣ его изъ академіи. Слабая его сторона, какъ ректора, это нелюбовь къ занятіямъ по хозяйственной части, что онъ и самъ сознавалъ. «Не люблю я, сказалъ онъ какъ-то, да и не понимаю хозяйства». Отъ этой, вѣроятно, причины зависѣло, что онъ недостаточно изучалъ хозяйственныя дѣла по правленію и не

¹⁾ Впрочемъ, подъ это выстрѣлъ подвелъ меня одинъ изъ членовъ академич. администраціи.

готовился къ правленскимъ засѣданіямъ, такъ что иногда знакомился съ дѣлами въ самомъ засѣданіи ¹⁾. Впрочемъ, я во всѣхъ дѣлахъ онъ не проявлялъ особенной энергіи, и въ этомъ отношеніи мало походилъ на прот. І. Л. Янышева. Во всякомъ случаѣ онъ былъ, однако, самымъ лучшимъ, наиболѣе уважаемымъ и любимымъ ректоромъ за послѣдній періодъ моей академической службы. Его ректорство было по-истинѣ свѣтлою полосой въ исторіи Академіи этихъ 12 лѣтъ (1884—1896 г.).

Отношеніе къ студентамъ осталось у него въ сущности прежнее, но, видимо, онъ поубавилъ своего оптимизма, да и отношенія къ нему студентовъ какъ-то покривились къ концу его ректорства. Студенты даже начали подозрѣвать его въ поощреніи шпіонства, тяжело переживая разочарованіе въ горячо любимомъ прежде инспекторѣ и ректорѣ. Особенно обнаружилось это по поводу одной доселѣ не разъясненной исторіи ²⁾. Мнѣ пришлось близко познакомиться съ этимъ новымъ настроеніемъ студентовъ. Разъ, весною во время выпускныхъ экзаменовъ, приходятъ ко мнѣ два студента IV курса (Л-ій и Г-ій) и просятъ у меня совѣта, какъ держать себя въ отношеніи къ ректору и какъ на него смотрѣть. Заявляютъ, что душевное состояніе студентовъ крайне тяжелое, что имъ не хотѣлось бы отказаться отъ прежняго взгляда на ректора, нѣкогда горячо любимаго и уважаемаго. Рассказываютъ, что у нихъ дѣлается. Долго, нѣсколько часовъ (съ 5 до 10 ч. вечера) мы бесѣдовали. Я всячески успокаивалъ ихъ и доказывалъ, что подозрѣнія ихъ совершенно неосновательны, что я прекрасно знаю пр. Антонія, и что онъ совершенно неспособенъ на то, въ чемъ его подозрѣваютъ, что тутъ чистое недоразумѣніе. Ушли они отъ меня

¹⁾ Случалось, особенно въ послѣдніе годы его ректорства, секретарь сходилъ съ своего мѣста, подходилъ къ столу, гдѣ мы сидѣли во главѣ съ ректоромъ, и докладывалъ ему дѣла, такъ что разъ одинъ изъ членовъ правленія замѣтилъ: «кажется, засѣданія правленія у насъ превращаются въ доклады секретаря ректору», — двойной намекъ и на неподготовленность ректора и на проявленіе нѣкоторой деспотической замашки. Въ послѣдніе годы его ректорства было замѣтно вліяніе на него (въ малой, впрочемъ, степени) духа устава 1884 г.

²⁾ Случилась покража всего столоваго стариннаго серебра (ложекъ и вилокъ) изъ студенческой столовой. Начались розыски и тяжкія подозрѣнія...

значительно успокоенные, и никакой студенческой вспышки не послѣдовало. Обратились они ко мнѣ, вѣроятно, потому, что я былъ однимъ изъ членовъ правленія, вѣдавшего, по уставу 1884 г., дѣла по поведенію студентовъ и что въ прежнее время въ качествѣ помощ. ректора по богословск. отд. заявилъ себя умиротворяющимъ образомъ дѣйствій (см. выше, по поводу одного экзамена). Это было къ концу ректорства пр. Антонія. Онъ оставилъ ректуру въ 1892 г., пользуясь почти такимъ же расположеніемъ студентовъ, какъ прежде. А корпорація академическихъ преподавателей проводила его съ большимъ и искреннимъ сожалѣніемъ. Совѣтъ немедленно возвелъ его въ званіе почетнаго члена Академіи.

Инспекторами, во время ректорства пр. Антонія, были: и д. инсп., іером., а потомъ инсп., архим. Михайль (Грибановскій, 1887—1889), временно и. д. инсп., іером. Антоній (Храновицкій, 1889—1890), исп. д. инсп., іером., а потомъ инсп. арх. Михайль (Ермаковъ, 1890—1893).

Слишкомъ много переměнъ для 5-лѣтняго ректорства пр. Антонія. Неудивительно, поэтому, что главная тяжесть инспекціи лежала на немъ. О. Михайль (Грибановскій)¹⁾, одинъ изъ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ нашей Академіи выпуска 1884 г., даровитый и симпатичный по характеру, пользовался расположеніемъ и уваженіемъ студентовъ. О. Антоній (Храновицкій)²⁾ также очень даровитый нашъ питомецъ, выпуска 1885 г.,

¹⁾ Іером. Михайль (Грибановскій), Тамб., XII в. (1884) Петр. акад.; 1884—канд. и. д. доцента по введ. въ кругъ бог. наукъ; 1887—и. д. инспектора; 1888—маг., доцентъ, архим., инспекторъ; 1890—востоят. посольской ц. въ Авнахъ; 1894—еп. Прилуцскій; 1895—еп. Каширскій; 1896 еп. Тавричскій, † 1898 г. въ Симферополѣ.

²⁾ Іером. Антоній (Храновицкій, въ мѣрѣ Алексѣй Павловичъ) изъ дворянъ, воспит. 5-й Петр. гимназій, окончившій ее съ золотою медалью, поступилъ въ нашу академію въ 1881 г., окончилъ ее въ 1885 г. Какъ студентъ богосл. отдѣла, отличался замѣчательною памятью, на экзаменахъ поразилъ точною передачею лекцій и особенно текстовъ Св. Писанія (гораздо лучше многихъ изъ воспитанниковъ семинарій) и незаурядною способностью къ философскому мышленію, рѣдкою въ особенності для бывшаго воспитанника гимназій. Въ 1885 г. кандидатъ, профес. стипендіатъ іером. и пом. инсп. Петр. акад.; 1886—преп. Холмской сем.; 1887—и. д. доцента Петрогр. акад.; 1888—магистръ и доцентъ; 1889—и. д. инспектора; 1890—ректоръ Петрогр. сем., архим.; ректоръ Московской акад.; 1895—ректоръ Казанской

быль популярень между студентами, стояль очень близко къ нимъ и располагалъ ихъ къ принятію монашества. О. Михайль (Ермаковъ) пѣз воспитанниковъ Кіевской Академіи 1887 г., кандидатъ ея ³). близко и крѣпко держался пр. Антонія, вѣря въ его звезду, въ чемъ и не ошибся.

Послѣ пр. Антонія (Вадковскаго) назначень быть, въ 1892 г., ректоромъ архим. Борисъ (Плотниковъ) ²), магистръ Казанской Академіи (вып. 1880 г.), человекъ прекрасной души, благороднаго характера, заявившій себя немалымъ количествомъ печатныхъ трудовъ. О немъ пр. Антоній сказалъ намъ, что его преемникъ будетъ «крѣпльшій» его, разумѣя большую, чѣмъ его, научную компетентность архим. Бориса. Къ сожалѣнію, новый ректоръ далеко не отличался ни крѣпостью физическаго здоровья, ни энергіею и твердостью характера. Болѣзненный, очень вялый, довольно безхарактерный, онь былъ плохимъ предсѣдателемъ совѣта и правленія. Засѣданія того и другаго, въ особенности правленія, при отсутствіи всякой къ нимъ подготовки со стороны ректора, длились въ безконечность, правленія—по 5 и болѣе часовъ (съ 11, 12 часовъ дня до 5 ч. вечера), совѣта—правда не болѣе обычнаго времени (отъ 6 ч. до 9¹/₂ ч. вечера), но это потому, что нельзя было ихъ продолжать долѣе (въ 10 ч. вечера запирались ворота Лавры,

академіи; 1897—еп. Чебоксарскій; 1899—еп. Чистопольскій; 1900—еп. Уфимскій; 1902—еп. Волынский; 1906—архіеп. и членъ Госуд. Сов.; 1911—докторъ бог.; 1912—Членъ Св. Синода; 1914—архіеп. Харьковскій.

¹) Иером. Михайль (въ мірѣ Василій Ермаковъ), урож. Петрограда, воспит. реального училища, канд. Кіевск. акад. (1887 г.); 1887—іером. препод. Кіевск. сем.; 1888—инсп. Орлов. сем.; 1890—и. д. инсп. Петрогр. акад.; 1891—архим. и инспекторъ сей акад.; 1893—ректоръ Могилевской, потомъ Волынской семинарій; 1899—еп. Новгородсѣверскій, а потомъ Ковенскій; 1903—еп. Омскій; 1905—еп. Гродненскій; 1912—архіепископъ.

²) Архим. Борисъ (въ мірѣ Владиміръ Владиміровичъ Плотниковъ), Краснояр., сынъ столонач. Красноярск. дух. правленія, канд. Казанск. акад. (1880 г.); 1880—преп. Томской сем.; 1884—и. д. доцента Каз. акад. по метафизикѣ; 1886—іером., магистръ, архим., и. д. инспект. Москов. акад.; 1888—рект. Кіевской сем.; 1892—старш. членъ Спб. духовн. ценз. ком., потомъ въ томъ же году ректоръ Петрогр. акад.; 1893—настоят. ц. при російскомъ посольствѣ въ Константинополѣ; въ 1899—во второй разъ ректоръ Петрогр. академіи и епископъ Ямбургскій; 1901—присутствующій въ Св. Синодѣ и предсѣд. Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ. Сконч. 18 сент. 1901 г. въ Гурзуфѣ, близъ Ялты.

чрезъ которую намъ нужно было проходить для возвращенія по домамъ); не будь этого обстоятельства, намъ приходилось бы про-
сидивать всю ночь, да и въ такомъ случаѣ едва ли успѣвали
бы рѣшить всѣ дѣла, назначенныя на засѣданіе. При обсу-
жденіи совѣтскихъ дѣлъ неурядица царила страшная. Архим.
Борисъ пробылъ ректоромъ очень недолго, съ небольшимъ одинъ
только годъ (съ 30 окт. 1892 г. по 13 дек. 1893 г.).

Въ довершеніе всѣхъ этихъ неурядицъ, послѣ арх. Ми-
хаила (Ермакова), и. д. инспектора назначенъ былъ іером. и
вскорѣ архим., утвержденный вскорѣ уже инспекторомъ. Исидоръ
(Колоколовъ), человекъ совсѣмъ неподходящій къ этой должности.
Изъ воспитанниковъ петроградской гимназіи, далеко не лучшій
по успѣхамъ, во время прохожденія курса въ нашей академіи,
выпущенный, въ 1891 г., по 2-му разряду кандидатомъ (подъ
№ 32), онъ отличался большою неупорядоченностью характера
и даже поведенія, но въ то же время выдающейся бойкостью
и показной дѣловитостью. По окончаніи академическаго курса,
состоя на службѣ въ тифлиской семинаріи, сначала (1891 г.)
преподавателемъ, а потомъ (1892 г.) инспекторомъ, онъ про-
извелъ сильное впечатлѣніе на тогдашняго Экзарха Грузіи, пр.
Палладія (Раева), былъ приближенъ къ нему, а послѣ пере-
хода пр. Палладія на петрогр. митрополию, по его настоянію,
былъ назначенъ въ 1893 г. и. д. инсп. нашей академіи, не
смотря, какъ слышно было, на сильныя возраженія въ Св.
Синодѣ противъ этого назначенія ¹⁾.

Вкорѣ разыгралась въ академіи одна темная исторія, свя-
занная съ именемъ поваго инспектора ²⁾, начались сильныя

¹⁾ Іером. Исидоръ (въ мѣрѣ Петръ Колоколовъ), Петрогр. урож.; воспит.
Петр. гимн., канд. (1891 г.) Петр. акад., іером.; 1891 — преп. Тифл. сем.;
1892—инсп. сей сем.; 1893—и. д. инсп. Петрогр. акад., архим., инспекторъ;
1894—управл. Кавказск. миссіонер. мон.; 1896 — настоят. Никитскаго мон.
Владим. епархіи; 1899—наст. Моск. Златоустова мон.; 1902 — еп. Новгород-
сѣверскій; 1903—еп. Балахнинскій; 1906—еп. Михайловскій; 1911 — управл.
Омскимъ Покровскимъ мон.; 1913—освобожденъ отъ управл. симъ монасты-
ремъ, переведенъ на жительство въ Вятскую епархію въ Филейскій мон., а
потомъ въ Трифон. Успен. мон. той же епархіи.

²⁾ Въ подробности не вхожу, такъ какъ, съ одной стороны, онъ не-
удобенъ для передачи, а съ другой—есть основаніе предполагать, что, быть
можетъ, о. Исидоръ, правда, виновный во многомъ, въ томъ числѣ и въ не-
осмотрительныхъ поступкахъ, былъ отчасти жертвою интриги со стороны

волненія студентовъ, съ подачею ими заявленій К. П. Побѣдоносцеву, не коллективно впрочемъ, а отъ имени каждаго студента въ отдѣльности, согласно полученному ими отъ Оберъ-Прокурора дозволенію. Архим. Исидоръ принужденъ былъ, въ томъ же 1893 г., оставить академію и снова воротился на Кавказъ, гдѣ ему предоставлена была должность управляющаго кавказскимъ миссіонерскимъ монастыремъ, по предложенію, безъ сомнѣнія, м. Палладія, который продолжалъ вѣрить въ необыкновенныя будто бы миссіонерскія способности архим. Исидора.

Этотъ неудачный опытъ съ инспекторствомъ о. Исидора (Колоколова) побудилъ м. Палладія поискать для поста инспектора академіи кандидата въ средѣ наличныхъ ея профессоровъ. Съ этою цѣлью онъ обратился прежде всего ко мнѣ, какъ лицу давно и хорошо ему извѣстному и вдобавокъ временно (по устраниеніи отъ должности архим. Исидора) исполнявшему обязанности инспектора, въ качествѣ старшаго тогда члена правленія. Настойчиво убѣждалъ меня принять должность инспектора, указывая между прочимъ матеріальныя отъ нея выгоды; но я рѣшительно отказался, при чемъ позволилъ себѣ указать на двухъ своихъ сослуживцевъ, которые, по моему мнѣнію, могли бы быть хорошими инспекторами, именно на проф. И. С. Пальмова и проф. Н. В. Покровскаго. Особенно сочувственно принялъ м. Палладій кандидатуру перваго (И. С. Пальмова), какъ хорошо ему извѣстнаго по Рязани, гдѣ пр. Палладій былъ иѣкогда епископомъ, и просилъ предложить инспекторство прежде всего ему, а если онъ откажется (какъ имѣлъ я основаніе думать, о чемъ и заявилъ митрополиту), то проф. Н. В. Покровскому. Такъ и случилось: И. С. Пальмовъ рѣшительно отказался, а Н. В. Покровскій принялъ предложеніе и былъ потомъ цѣлыхъ 5 лѣтъ (1894—1899) хорошимъ, очень энергичнымъ и во всѣ академическія дѣла вникавшимъ инспекторомъ. А такой инспекторъ былъ какъ нельзя болѣе кстати, особенно въ то время, — время частыхъ смѣнъ ректоровъ и немалаго нестроенія академической жизни.

одного изъ оканчивавшихъ въ томъ году студентовъ-монаховъ, мечтавшаго занять его мѣсто (инспектора) и возбуждавшаго своихъ товарищей противъ архим. Исидора.

Пр. Никандръ (Молчановъ),¹⁾ преемникъ ректора архим. Бориса (Плотникова), магистръ Московской академіи, москвичъ родомъ, одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ ея питомцевъ (окончившій курсъ подъ № 3 по выпускному списку), вполне оправдывалъ свою фамилію (Молчановъ): былъ крайне сдержанъ, малообщителенъ, замкнутъ въ себѣ, не лишенъ однако въ извѣстной степени привѣтливости въ обращенія. Какъ ректоръ, онъ не былъ выдающимся въ ту или другую сторону; порядка и стройности въ теченія академическихъ дѣлъ было при немъ правда гораздо больше, чѣмъ при его предшественникѣ, тѣмъ не менѣе онъ пользовался въ академіи весьма умѣреннымъ авторитетомъ. Видимо преобладали у него интересы не научныя, академическіе... Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ значительное сходство съ пр. Арсеніемъ (Брянцевымъ), но какъ человекъ болѣе умный и выдержанный, проявлялъ эту черту не такъ аляповато, какъ тотъ. Замѣтно было, что пр. Никандръ очень считался съ вѣяніями въ высшихъ синодальныхъ сферахъ и къ нимъ приноровлялся, что обнаружилось особенно ярко по слѣдующему случаю.

По поводу упомянутой полемики, возникшей изъ-за диссертациі Е. П. Азвилонова, мною составлена была статья: «О постановкѣ трактата о Церкви въ наукѣ догматическаго богословія» («Церк. Вѣстн.» 1895 №№ 15, 16), гдѣ въ заключеніе выражена была мысль, что «пора бы, кажется, освободиться отъ исключительной заботы о раскольникахъ», не ставить себя подъ ихъ цензуру и ждать, что они скажутъ о насъ, а также — «отказаться отъ крайне подозрительной цензуры, оставить ее церкви римской папской, іезуитской». Въ виду такого заключенія статьи я счелъ нужнымъ, не подвергая ректора, какъ цензора «Церк. Вѣстн.» отвѣтственности, представить статью на предварительное разсмотрѣніе митрополита, о чемъ и предупредилъ пр. ректора. Митр. Паладій одобрилъ статью и разрѣшилъ напечатать безъ всякихъ въ ней измѣненій. Казалось бы, этимъ

¹⁾ Пр. Никандръ (въ мѣрѣ Николай Дмитриевичъ Молчановъ), урож. Моск. епархіи, канд. Моск. акад. (1878 г.); 1878—преп. Тамбовск. сем.; 1884—магистръ, 1885—іером. и архим. ректоръ Тамб. сем.; 1891—еп. Нарвскій; 1893—(13 ноябр.) ректоръ Петрогр. акад.; 1895—еп. Сибирскій; 1904—архіеп. Литовскій. Скон. 5 іюня 1910 г. въ Петроградѣ.

все и должно было кончиться, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Получивъ отъ меня рукопись и выслушавъ мое заявленіе о рѣшеніи митрополита, пр. Никандръ сдалъ статью для набора, но когда получена была корректура для цензорской его подписи, онъ счелъ нужнымъ отправить эту корректуру К. П. Побѣдоносцеву, не говоря о томъ никому, ни мнѣ, ни редактору «Ц. В.» Для чего это было нужно? Отвѣтственность за статью всецѣло надала на митрополита, а никакъ не на него. К. П. Побѣдоносцевъ, получивъ корректуру, пришелъ въ сильное негодованіе, призвалъ къ себѣ тогдашняго редактора «Церк. Вѣстн.» проф. А. П. Лонухина, очень порицалъ заключеніе статьи, говорилъ: «для чего проф. Катанскій прибавилъ это заключеніе? и безъ него можно было бы обойтись», а когда узналъ, что статья печатается по разсмотрѣніи и съ одобренія митрополита, въ раздраженіи замѣтилъ: «ну, пусть онъ (Катанскій) печатаетъ, что хочетъ печатаетъ». На ту же тему, т. е. о слишкомъ большомъ вниманіи нашего церковнаго правительства къ мнѣніямъ и толкамъ раскольниковъ, говорилъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ въ засѣданіи Св. Синода тогдашній архіепископъ финляндскій Антоній (Вадковскій), бывшій нашъ ректоръ.

Все это дѣло по поводу диссертациі Е. П. Аквилонова кончилось указомъ Св. Синода (отъ 4 февр. 1895 г.), въ которомъ «отклонялось ходатайство объ утвержденіи Аквилонова въ степени магистра», «оставлялось безъ послѣдствій и заявленіе пр. костромскаго (Виссаріона) объ исправленіи существующаго въ нашемъ правосл. катихизисѣ опредѣленія Церкви», ¹⁾—согласно съ разсмотрѣннымъ и одобреннымъ этимъ преосвященнымъ соч. Аквилонова,—предписывались нѣкоторыя правила

¹⁾ Вотъ это *новое*, составленное пр. Виссаріономъ на основаніи диссертациі Аквилонова, опредѣленіе, какъ оно изложено въ указѣ Св. Синода: «Церковь есть отъ Бога установленное общество челоѣковъ, соединенныхъ въ земной жизни православною вѣрою, закономъ Божиимъ, священноначаліемъ и таинствами и находящихся подъ единымъ Главою Господомъ Исусомъ Христомъ въ союзѣ съ ангелами и скончавшимися въ истинной вѣрѣ и святости челоѣками». Это опредѣленіе представляется мнѣ довольно удачнымъ. Въ немъ удержаны всѣ элементы катихизическаго опредѣленія и добавлены мысли о тѣсной связи церкви земной съ небесною (противъ протестантовъ) и о Главѣ церкви—І. Христѣ (противъ папистовъ). Къ сожалѣнію,

относительно сочиненій на ученые степени и прилагались отзывы митр. московскаго (Сергія Ляпидевскаго) и пр. Сильвестра, ректора Кіевской акад., содержащіе критику диссертациі Аквилонова.

Пр. Никандръ былъ у насъ ректоромъ менѣе двухъ лѣтъ (съ 13 дек. 1893 г. по 23 авг. 1895 г.). Проводили мы его безъ особеннаго сожалѣнія. Почетнымъ членомъ Академіи онъ былъ избранъ чрезъ 5 лѣтъ, въ 1900 г., одновременно съ его преемникомъ пр. Иоанномъ (Кратировымъ), только что оставившимъ (въ 1899 г.) академическую ректуру.

Преемникъ пр. Никандра пр. Иоаннъ (Кратировъ)¹⁾, изъ елисаветградскихъ викаріевъ, магистръ также Московской ака-

критики диссертациі не замѣтили этихъ очень дѣльных, проводимыхъ въ ней мыслей, а обратили вниманіе исключительно на ея дѣйствительно многочисленныя недостатки, создаваемые и мною, и завсѣвшие отъ склада ума даровитаго автора, болѣе блестящаго оратора и бойкаго публициста, чѣмъ строгаго ученаго. Онъ рожденъ былъ, чтобы быть болѣе прекраснымъ, даже выдающимся истыремъ, чѣмъ кабинетнымъ ученымъ. Почему, замѣчу кстати, я очень неохотно давалъ свое согласіе какъ на избраніе его на академическую кафедру, такъ и на непосильную, какъ мнѣ казалось, для него тему. Нѣсколько разъ заставлялъ его передѣлывать представляемую имъ рукопись, и все-таки въ концѣ концовъ сочиненіе оказалось совершенно не въ моемъ вкусѣ. Для противниковъ митр. Палладія оно было чистою находкою. Торжество ихъ выразилось въ выше упомянутомъ указѣ Св. Синода. Мы удивлялись, почему пр. Сильвестръ, давшій, впрочемъ, умѣренно критическій отзывъ, не отклонилъ единоличнаго (не отъ имени Св. Синода), какъ слышно было, предложенія В. К. Саблера разсмотрѣть это сочиненіе. Его отзывъ, вмѣстѣ съ отзывомъ Моск. митр. Сергія (Ляпидевскаго), приложенъ къ указу Св. Синода. Такимъ образомъ, пр. Виссаріонъ пострадалъ вмѣстѣ съ нами изъ за диссертациі Аквилонова. Зато Академія была благодарна пр. Виссаріону (вѣкогда въ мірѣ прот. В. П. Нечаеву, бывшему редактору—издателю «Душепол. Чтенія») за его истинно просвѣщенное отношеніе къ диссертациі, что и выразилось избраніемъ его въ слѣдующемъ же 1896 г. въ почетные члены нашей Академіи. Замѣчательно, что пр. Никандръ, далеко не лишенный тонкости ума, никакъ не ожидалъ, чтобы разыгралась такая исторія съ диссертациею Аквилонова. Когда она печаталась и печатаніе приходило къ концу, въ это время печаталась другая диссертациа — Ѳ. Калугина, «Литерат. труды Зиновія, инока Отенскаго». Пр. Никандръ, какъ-то въ разговорѣ, замѣтилъ: «диссертациа Аквилонова меня нисколько не беспокоитъ, она, конечно, пройдетъ, а вотъ диссертациа Калугина—дѣло другое; она очень меня тревожитъ». Вышло же на дѣлѣ какъ-разъ наоборотъ. Тѣмъ страннѣе послѣдующее его малодушіе, по поводу моей статьи, направленной въ защиту диссертациі.

¹⁾ Пр. Иоаннъ (въ мірѣ Иванъ Александровичъ Кратировъ), Вологод.,

демія. былъ человѣкъ прекрасной души, весьма добродушный и общительный, уже довольно пожилой. не отличался твердостью характера, значительнаго авторитета въ научномъ отношеніи не имѣлъ. Онъ былъ нѣкогда моимъ слушателемъ въ Московской академіи (1864 г.), весьма, впрочемъ, недолгое время. въ первое полугодіе этого года, въ самый первый годъ моей службы. Новый ректоръ встрѣтилъ меня словами: «а, А. Л., вѣдь я вашъ ученикъ, да еще не изъ лучшихъ». Окончилъ онъ курсъ 9-мъ магистромъ. Академическія дѣла шли при немъ такъ же, но не хуже, чѣмъ при его предшественникахъ, т. е. неособенно складно. При этомъ ректоръ, въ 1896 г., я оставилъ службу при родной академіи, такъ что въ лицѣ пр. Іоанна начало моей службы сочелось съ концомъ.

Пр. Іоаннъ пробылъ ректоромъ болѣе трехъ лѣтъ (съ 23 авг. 1895 по 16 янв. 1899 г.). Какъ сказано выше, въ слѣдующемъ же году 1900, онъ избранъ былъ въ почетные члены академіи, въ чемъ, безъ сомнѣнія, выразилось расположеніе и любовь къ благодушному и добродушному бывшему ректору.

Составъ преподавателей съ 1884 по 1896 г. Въ этотъ періодъ времени, отъ разныхъ причинъ, произошло много перемѣнъ въ составѣ преподавателей, главнымъ образомъ—отъ частой смѣны административныхъ лицъ, въ особенности инспекторовъ академіи, а также отъ усиленнаго выхода въ отставку старыхъ профессоровъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ причинъ.

Частая смѣна ректоровъ прямо и непосредственно не отразилась на судьбѣ академическихъ кафедръ, такъ какъ ректоры академій по уставу 1884 г. не занимали штатныхъ кафедръ, а имъ было предоставлено право читать лекціи, но не болѣе двухъ въ недѣлю, по какому угодно предмету, имѣющему штатнаго преподавателя. Въ описываемое время они читали

сынъ протоіерея, маг. (1864 г.) Моск. акад.; 1864—преп. Вологод. сем.; 1866—Яросл. сем.; 1871—секр. сов. и правл. Моск. акад.; 1883—протоіерей и ректоръ Харьков. сем.; 1884—редакт. журн. «Вѣра и Разумъ»; 1893—монахъ, архим. и епископъ Сумскій; 1895 — Елисаветградскій; 1895 г. (23 авг.) епископъ Нарвскій и ректоръ Петрогр. акад.; 1899 (янв. 16) еп. Саратовскій; 1903—уволень на покой съ назначеніемъ членомъ Моск. синод. конторы и управл. Моск. Симоновымъ мон. Сконч. 1909 г. февр. 13.

лекціи по слѣдующимъ предметамъ: пр. Антоній (Вадковскій) по исторіи проповѣдничества, архим. Борисъ (Плотниковъ) по общей церковной исторіи, пр. Никандръ (Молчановъ) по Св. Писанію, пр. Іоаннъ (Кратировъ) по пастырскому богословію (впрочемъ, хорошо не помню). Такимъ образомъ, это были какъ бы своего рода привать-доценты. Другихъ, настоящихъ привать-доцентовъ предшествующаго періода (1869—1884 г.) не было; ихъ не полагалось по новому уставу. Въ замѣнъ же ихъ явились исправл. должность доцента, кандидаты, на штатныхъ каюдрахъ. Это были почти, но несовсѣмъ — прежніе привать-доценты, состоявшіе при штатныхъ профессорахъ ихъ помощниками, по чтенію какого-либо отдѣла науки, а потомъ нерѣдко ихъ смѣнявшіе въ качествѣ ихъ преемниковъ. Теперешніе же и. д. доцента прямо дѣлались штатными преподавателями и закрывали дорогу другимъ кандидатамъ на штатнаго преподавателя. Удачный или несовсѣмъ удачный выборъ и. д. доцента рѣшалъ на много лѣтъ судьбу извѣстной каюдры. Нельзя не пожалѣть уничтоженія прежней привать-доцентуры. Итакъ, частая, смѣна ректоровъ не отражалась прямо и ощутительно на судьбѣ академическихъ каюдръ. Иное дѣло—еще болѣе частая перемѣна инспекторовъ, занимавшихъ штатныя каюдры. Тутъ сильно пострадалъ одинъ изъ предметовъ, именно Св. Писаніе Ветхаго Завета. Въ теченіе 12 лѣтъ (1884—1896 г.) перемѣнилось 6 преподавателей этого предмета, именно: экстр. проф. архим. Антоній (Вадковскій, съ 1885 до 1887 г.), и. д. доцента и потомъ доцентъ іером. Антоній (Храповицкій, съ 1887 до 1890 г.), и. д. доцента іером., потомъ архим. Михайлъ (Ермаковъ, съ 1890 до 1893 г.), и. д. доцента іером. Сергій (Страгородскій, 1893 г. менѣе года, въ этомъ же году онъ уже и. д. инспектора Московской академіи), ¹⁾ и. д. до-

¹⁾ Іером. Сергій (Страгородскій), Нижегородскій, 1-й по выпускн. списку канд. (1890 г.) Петр, акад.; 1890 — монахъ, членъ Яловской дух. миссіи; 1893 — и. д. доцента Петрогр. акад. потомъ въ томъ же году и. д. инсп. Москов. акад.; 1894—настоят. посольской ц. въ Афинахъ; 1895—магистръ (по присудж. Моск. акад.); 1897 — помощн. нач. Яловской миссіи; 1899—рект. Петрогр. сем., затѣмъ въ томъ же году инспекторъ Петрогр. акад.; 1901—ректоръ той же академіи, еп. Ябургскій; 1905—архіепископъ Финляндскій; 1911—членъ Св. Синода.

цента іером. потомъ архим. Исидоръ (Колоколовъ, — 1893, также менѣе года, нѣсколько мѣсяцевъ) и наконецъ съ 25 февр. 1894 г. кандид. и. д. доц., 1896—магистръ и доцентъ А. П. Рождественскій, потомъ долготѣтній профессоръ, занимающій эту кафедру и досель. Имъ и закончились испытанія этой многострадальной кафедры.

Другая кафедра Св. Писанія—Новаго Завѣта была гораздо счастливѣе. Послѣ отставки проф. протоіерея В. Г. Рождественскаго въ 1891 г., въ томъ же году ее занялъ, въ званіи доцента магистръ Московской академіи, П. Н. Глубоковскій, также долготѣтній потомъ профессоръ, досель состоящій преподавателемъ этого предмета.

Зато это время, въ особенности годы 1885—1893, были самымъ блестящимъ временемъ для ученаго монашества, когда во главѣ его стояли такія выдающіяся личности какъ два Антонія, которыхъ мы въ отличіе ихъ называли великимъ и малымъ (великій, это ректоръ А. Вадковскій, малый, это А. Храповицкій), Михаилъ Грибановскій и Сергій Страгородскій.

Другими причинами перемены въ личномъ составѣ преподавателей были: кончина нѣкоторыхъ изъ нихъ и усиленный выходъ въ отставку другихъ, благодаря главнымъ образомъ возвышенію пенсій до размѣра университетскихъ (см. объ этомъ далѣе).

Вышли изъ состава преподавателей 4 орд. проф., 4 экстр., 1 и. д. доцента, именно: орд. профессора М. О. Кояловичъ († 1891 г. авг. 23), И. Θ. Нильскій († 1894 г. 11 авг.), М. И. Каринскій (1894 г.), Е. И. Ловягинъ (1895 г.), экстр. проф. А. Е. Свѣтилинъ (1884 г.), А. И. Предтеченскій (1885 г.), Ник. И. Барсовъ (1889 г.), прот. В. Г. Рождественскій (1891 г.), и. д. доцента П. Г. Дебольскій (1887 г.). Сверхъ того съ переходомъ ректора пр. Арсенія, преподавателя нравственнаго богословія, на положеніе нештатнаго, въ 1884 г., осталась вакантною штатная кафедра этого предмета.

Ихъ замѣнили: по нравственному богословію доцентъ магистръ Θ. А. Тихомировъ (до 1894 г.) и потомъ, по выходѣ его въ отставку, доцентъ магистръ А. А. Бронзовъ.

По Св. Писанію Нов. Зав. преемникомъ прот. В. Г. Рождественскаго былъ, съ 1891 г., какъ сказано выше, доц. маг. Н. Н. Глубоковскій.

По Св. Писанію Ветх. Зав. преемн. архим. Исидора былъ съ 1893 г., какъ замѣчено выше и. д. доцента А. П. Рождественскій.

По введенію въ кругъ бог. наукъ архим. Михайлъ Грибановскій, а съ 1890 г. и. д. доц. Е. П. Аквилоновъ.

Группа философскихъ предметовъ получила также новыхъ преподавателей—въ лицѣ и. д. доцента В. С. Серебrenникова (преемн. А. Е. Свѣтлина), и. д. доц. Д. П. Миртова (преемн. М. И. Каринскаго) и и. д. доц. А. П. Высокоостровскаго (преемн. Н. Г. Дебольскаго).

По исторіи и обличенію русскаго раскола и. д. доцента Н. С. Смирновъ (преемн. И. О. Нильскаго).

По русской гражданской исторіи доцентъ, магистръ П. П. Жуковичъ (преемн. М. О. Кояловича).

По гомилетикѣ и. д. доц. Н. К. Никольскій (преемн. Ник. И. Барсова).

По общей гражд. исторіи доц. магистръ А. П. Лопухинъ (преемн. А. П. Предтеченскаго), перешедшій съ сравнительнаго бог., исключеннаго изъ программы по уставу 1884 г., на этотъ предметъ.

По греческому языку преемникъ Е. И. Ловягина, съ 1896 г. и. д. доцента свящ. М. П. Орловъ.

Сверхъ того, при нашей академіи учреждена была совершенно новая кафедра «Исторіи славянскихъ церквей», сначала, съ 1885 г. въ качествѣ нештатной, а съ 1887 г. штатной. На эту кафедру избранъ былъ сначала въ званіи преподавателя, а потомъ штатнаго доцента и экстр. проф. магистръ И. С. Пальмовъ, большой любитель и знатокъ западнаго славянства. Долго шли хлопоты и переговоры по поводу учрежденія этой кафедры; хлопоталь о ней въ особенности М. О. Кояловичъ предъ К. П. Побѣдоносцевымъ, то подававшимъ ему надежды, то снова впадавшимъ въ раздумье.

По новымъ языкамъ явились также новые лекторы: по французскому языку И. И. Фаснахъ (съ 1886 г.) и по англійскому А. И. Михайловскій (съ 1888 г. вмѣсто г. Нурока) и его преемникъ Ч. В. Гудлетъ (съ 1893 г.).

Так. обр. за 12 лѣтъ перемѣнилось всего (съ лекторами) 24 преподавателя: 6 по Св. Писанію Ветхаго. Зав., 15 по другимъ предметамъ и 3 лектора.

Изъ числа этихъ новыхъ моихъ сослуживцевъ огромное большинство до сихъ поръ служить въ родной Академіи, имѣтъ уже высшія ученые степени и званія и является почтенными профессорами, достойными замѣстителями своихъ предшественниковъ. Перечислю ихъ въ порядкѣ старшинства по окончанію академическаго курса въ нашей Академіи; всѣ они ея питомцы (кромѣ одного—Н. Н. Глубоковскаго).

I. Иванъ Саввичъ *Пальмовъ*, рязан. (1880 г.), съ 1904 г. докторъ церк. исторіи, нынѣ сверхштатный заслуженный ордин проф., членъ Академіи Наукъ. II. Платонъ Николаевичъ *Жуковичъ*, литовск. (1881 г.), съ 1901 г. докторъ церк. исторіи, сверхшт. заслуж. орд. проф. III. Теофанъ Алексѣевичъ *Тихомировъ*, новгор. (1883); 1891 г. экстр. проф.; 1894 г. оставилъ службу при академіи: даровитый преподаватель, страдалъ косноязычіемъ; этотъ недостатокъ побудилъ его оставить академическую службу. IV. Александръ Александровичъ *Бронзовъ*, новгор. (1883), съ 1901 г. докторъ богосл., нынѣ сверхштатный заслуж. орд. проф. V. Архим. *Михаилъ (Грибановскій)*, тамб. (1884 г.), магистръ 1888 г., инспекторъ (см. выше). VI. Александръ Павловичъ *Высокоостровскій* (1885), новгор., даровитый преподаватель, долго, около 13 лѣтъ, какъ не имѣвшій степени магистра, былъ и. д. доцента, съ 1909 секрет. совѣта. VII. прот. Тимоѣй Александровичъ *Налимовъ*, петрогр. (1886 г.); 1890 г. магистръ; 1896 г. экстр. проф. 1906 г.—въ отставкѣ; въ 1909 г. былъ избранъ баллотировкою совѣта въ ректоры Петроградской Академіи, но не получилъ утвержденія. VIII. Прот. Евгенийъ Петровичъ *Аквилоновъ*, тамбовск. (1886 г.), съ 1905 г. докторъ богосл., орд. проф., скончался протопресвитеромъ военнаго духовенства. IX. Виталій Степановичъ *Серебренниковъ*, вятск. (1886 г.), съ 1909 г. докторъ богос. и орд. проф., нынѣ заслуж. орд. проф. X. Николай Константиновичъ *Никольскій*, петрогр. (1887 г.), съ 1899 г. докт. церк. исторіи и орд. проф., членъ Академіи Наукъ; въ 1906 г. оставилъ службу при Академіи. XI. Петръ Семеновичъ *Смирновъ*, рязан. (1887 г.); съ 1909 г. докт. церк. истор. и ордин. проф. XII. Николай Никаноровичъ *Глубоковскій*, вологод. (1889 г.), питомецъ Моск. Акад.; съ 1898 г. докт. богос. и ордин. проф., членъ корр. Академіи Наукъ. XIII. прот. Михайлъ Ивановичъ *Орловъ*, новгор. (1889 г.), съ

1908 г. докторъ бог. и орд. проф. XIV. прот. Александръ Петровичъ *Рождественскій*, псков. (1890 г.), съ 1911 г. докт. бог. и орд. проф. XV. Дмитрій Павловичъ *Миртовъ*, рязан. (1891 г.), съ 1915 г. докт. бог. и орд. проф. Достойно примѣчанія время окончанія всѣми этими почтенными, нынѣ старѣйшими, профессорами ¹⁾, академическаго курса въ десятилѣтіе отъ 1880 до 1890 г. Не сказалось ли здѣсь нѣсколько дѣйствіе прежней, несомнѣнно еще выдохшейся, закваски?.. Просимъ читателей обратить вниманіе на отмѣченное курсивомъ время окончанія поименованными лицами академическаго курса.

Лекторы новыхъ языковъ:

Французскаго—Иванъ Ивановичъ *Фоснахтъ*, урожд. Швейцаріи, съ 1886 г. замѣнилъ скончавшагося А. И. Тенфера (преемника съ 1881 г. А. И. Поповицкаго).

Англійскаго—Алексѣй Ивановичъ *Михайловскій*, канд. Кіевской Академіи, былъ лекторомъ въ нашей Академіи съ 1888 до 1893 г. Замѣчательна его судьба: онъ былъ псаломщикомъ нашей русской церкви въ Нью-Йоркѣ (1876—1879), лекторомъ англ. языка въ Кіев. Акад. (1879—1888), потомъ въ нашей (1888—1893), перешелъ въ Казан. Акад. (1893 г.); въ Казани, по слухамъ, онъ убитъ революціонерами въ смутное время 1905—6 г.—Его преемникомъ съ 1893 г. состоитъ англичанинъ, уроженецъ Петрограда. Чарльзъ Вильямъ *Гудлетъ*, воспит. петрогр. коммерч. училища, сынъ одного изъ старыхъ его воспитателей.

Изъ преподавателей прежняго времени осталось 15 чел., именно И. Е. Троицкій (истор. и разборъ западныхъ вѣроиспов., замѣнъ сравнит. бог., исключенаго изъ прогр.), А. Л. Казанскій (догмат. бог.), Ѳ. Г. Елеонскій (библ. истор.), Т. В. Барсовъ (церк. право), прот. П. О. Николаевскій (русск. церк. истор.), прот. С. А. Солдертинскій (пастыр. богосл. и педагог.

¹⁾ Не приводимъ полного ихъ curriculum vitae. Желающихъ ознакомиться съ подробностями ихъ движенія по службѣ отсылаемъ къ «Памятнымъ книжкамъ Петрогр. дух. академіи», ежегодно издаваемымъ академіею начиная съ 1887 г., со времени ректорства пр. Антонія (Вадк.), которому, она одолжена этимъ очень полезнымъ нововведеніемъ. Пр. Антоній вель эти книжки у насъ въ практику, по примѣру Казанской академіи, гдѣ они практиковались, во время его службы въ Казани.

гпка), Н. А. Скабалаповичъ (новая общ. гражд. истор.), П. В. Покровский (церк. археол.), А. И. Пономаревъ (словесность), А. И. Садовъ (латинск. языкъ), А. П. Лопухинъ (древняя общ. гражд. исторія). В. В. Болотовъ (общ. церк. истор.). П. Г. Троицкій (библ. археол. и евр. языкъ), препод. В. И. Ламанскій (русск. языкъ и церк.-славянскій) и лекторъ Л. П. Размусенъ (нѣмецк. языкъ).

Остался также и (важное въ научной жизни академіи лицо)—прежній библіотекаръ ея. А. С. Родосскій ¹⁾, старый служака, кандидатъ нашей Академіи XXVI в. (1865 г.), преемникъ П. О. Комарова, но наследовавшій духъ не его, а его предшественника, незабвеннаго Л. П. Размусена. А. С. Родосскій былъ библіотекаремъ 32 года (1876—1908 г.) и много содѣйствовалъ умноженію книжнаго академическаго богатства, водворенію въ библіотекѣ образцоваго порядка и устройству ея въ новомъ помѣщеніи. Вообще онъ былъ прекрасный библіотекаръ, знатокъ книгъ и исторіи родной Академіи. Весьма цѣннымъ памятникомъ обширныхъ его знаній по этой части явился подъ конецъ его жизни трудъ, достойно увѣнчанный премією Академіи Наукъ: «Биографическій словарь» ²⁾.

Въ итогѣ оказывается, сильно измѣнился составъ академическихъ преподавателей, обновился: явились 24 новыхъ, и 15—остались отъ прежняго времени.

Докторскія и магистерскія диссертации. И въ отношеніи научно-литературной производительности этотъ 12-ти-лѣтній періодъ (1884—1896) сильно отсталъ отъ предшествующаго 14-ти-лѣтняго (1869—1884): явилось гораздо менѣе диссертаций на ученые степени доктора и магистра.

Докторской степени удостоены 5 лицъ: 1) въ 1888 г. — экстр. проф. Тим. В. Барсовъ за соч. «Константинопольскій патриархъ и его власть надъ Русскою церковью». СПб. 1876 г.,

¹⁾ Алексій Степановичъ Родосскій, Рязань, 32-й канд. Спб. акад. XXVI в. (1865 г.); 1865—инсп. и учнт. Кобринскаго дух. учил.; 1869—и. д. смотр. сего учил.; 1870—помощ. библіотекаря акад.; 1876—библіотекаръ акад., † 1908 г.

²⁾ «Биографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской дух. академіи (1814—1869 г.)—въ столѣтію С.-Петербургской дух. акад». Спб. 1907.

степени *доктора церковнаго права*, «согласно заключенію пр. митр. московскаго» (Іоаннікія), какъ сказано въ указѣ Св. Синода (31 дек. 1888 г.); ²⁾ въ 1889 г.—степени доктора богословія пр. Теофанъ (Говоровъ), бывший еп. владимірскій, извѣстный подвижникъ вышенскій, замѣчательный богословъ. по представленію совѣта Петр. Академіи «за замѣчательныя и многочисленныя богословскія сочиненія» ²⁾), какъ сказано въ указѣ Св. Синода (27 янв. 1890 г.); 3) 1892 г.—ст. *доктора церковной исторіи* — экстр. проф. Н. В. Покровскій за соч. «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ». СПБ. 1892 г.; 4) въ 1896 г.—степ. *доктора церковной исторіи* экстр. проф. А. И. Садовъ за соч. «Древне-христіанскій писатель Лактанцій». СПБ. 1895 г.; 5) въ 1896 г. степ. доктора *церковной исторіи* экстр. проф. В. В. Болотовъ, за совокупность «выдающихся по достоинствамъ ученыхъ работъ въ области церковно-исторической науки».

Нельзя не признать очень удачнымъ дозволеніе, по уставу 1884 г., присуждать степени доктора не только богословія (какъ было по уставу 1869 г.), но и церковной исторіи и церковнаго права.

Кромѣ этихъ 5-ти докторовъ намѣчались еще два докторства: экстр. проф. Пик. И. Барсова и С. А. Соллертинскаго, но докторство перваго не состоялось вслѣдствіе неблагопріятнаго отзыва объ его диссертациі, а докторство втораго (С. А. Соллертинскаго), по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, очень замедлилось; степ. доктора богосл. получена имъ въ 1899 г. (черезъ 10 лѣтъ послѣ представленія диссертациі въ 1889 г.) за соч. «Пастырство Христа Спасителя» СПБ. 1889 г.

¹⁾ Тим. В. Барсовъ удостоенъ ст. доктора церков. права чрезъ 10 лѣтъ послѣ появленія его диссертациі (1878—1888 г.), такъ какъ она разсматривалась во всѣхъ, кажется, нашихъ 4-хъ академіяхъ. Произнести окончательный, и притомъ благопріятный относительно ея приговоръ взялъ на себя митр. Иоаннікія, бывший нашъ ректоръ, во время нашего съ Т. В. Барсовымъ студенчества (см. гл. III моихъ «Воспом.»).—Выше, при перечисленіи преподавателей за время (1869—1884 г.) Тим. В. Барсовъ ошибочно названъ докторомъ *богословія*.

²⁾ Здѣсь я долженъ исправить неточность, выше мною допущенную, относительно перваго случая присужденія докторской степени за совокупность ученыхъ трудовъ. Первымъ такимъ лицомъ былъ не проф. В. В. Болотовъ, а пр. Теофанъ Говоровъ.

Магистерскихъ диссертацийъ явилось 17. Степени магистра богословія удостоены слѣдующія лица: 1) 1889 г. М. И. Саввайтскій—соч. «Исходъ израильтянъ изъ Египта».—2) 1889 г., свящ. Арсеній Рождественскій (нынѣ прот. настоят. посольской ц. въ Вѣнѣ) за соч. «Южно-русскій штундизмъ», 3) 1890 г. Т. А. Налимовъ—«Вопросъ о папской власти на констанцскомъ соборѣ».—4) 1890 г. В. Н. Самуиловъ—«Исторія аrianства на латинскомъ западѣ (357—430)».—5) 1890 г. В. Лебедевъ—«Славянскій переводъ кн. I. Навина въ сохранившихся рукоп. и Острожской Библии».—6) 1892 г. В. С. Серебренниковъ—«Ученіе Локка о прирожденныхъ душѣ человѣка началахъ знанія и дѣятельности, на основаніи истор. критич. изслѣдов. установленное и съ точки зрѣнія Христ. ученія объ образѣ Божіемъ разсмотрѣнное»—7) 1893 г. Н. К. Никольскій—«О литер. трудахъ митр. Климента Смолятича, писателя XII в.».—8) 1893 г. П. Соколовъ—«Церковная реформа импер. Іосифа II».—9) 1894 г. С. Г. Рункевичъ—«Исторія минской архіепископіи». 10) 1894 г. Е. П. Аквилоновъ—«Церковь. Научныя опредѣленія Церкви и апостольское ученіе о ней, какъ о тѣлѣ Христовомъ»¹⁾.—11) 1894 г.—Θ. Г. Калугинъ—«Литер. труды Зиновія, инока Отенскаго».—12) 1895 г. А. П. Рождественскій,—«Откровеніе Даніилу о семидесяти седминахъ. Опытъ толк. 24—27 стих. IX гл. кн. пр. Даніила».—13) 1896 г. И. Е. Евсѣевъ—«Книга пророка Исаіи въ древне-славянскомъ переводѣ».—14) 1896 г. А. В. Петровскій—«Литургія апостоловъ Іакова, Ѡаддея, Марія и еванг. Марка».—15) 1896 г. М. С. Пальмовъ²⁾—«Идолопоклонство у древнихъ евреевъ».—16) 1896 г. Аѳ. Ярушевичъ—«Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острож-

¹⁾ Впрочемъ, Е. П. Аквилоновъ удостоенъ былъ степени магистра только въ 1896 г. за новое сочиненіе «Новозавѣтное ученіе о Церкви. Опытъ догмат. изслѣдованія». 1896 г.—представляющее передѣлку вышеупомянутаго, послужившаго предметомъ пререканій, какъ мы видѣли выше.

²⁾ М. С. Пальмовъ окончилъ курсъ академіи въ 1883 г. Диссертация тогда же была имъ подана, затѣмъ долго обрабатывалась и только въ 1896 г. напечатана и защищена. Какая, однако, настойчивость у студентовъ прежнихъ отдѣленій. Кстати, г. Пальмовъ, родной братъ проф. И. С. Пальмова, принадлежалъ къ богословскому отдѣленію и его можно было бы причислить къ магистрамъ предшествующаго «Янышевскаго» періода, чрезъ что цифра 15 увеличилась бы на 1.

скій и православная Русь въ его время». — 17) 1898 г. А. И. Бриллиантовъ — «Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены». — Эту диссерт. присоединяемъ потому, что она одобрена и принята на соисканіе ст. маг. въ 1895 г.

Так. обр. степени доктора за 12-ти-лѣтній періодъ (1884—1896 г.) удостоено было 5 лицъ, при 3 диссертацияхъ (2 были *honoris causa*) или 6 (при 4 диссертацияхъ, если включить сюда С. А. Соллертинскаго, представившаго диссертацию въ 1889 г., удостоеннаго ст. доктора бог. въ 1899 г.). Въ предшествующемъ, 14-мъ періодѣ (1869—1884 г.) были 9 докторскихъ диссертаций.

На степень магистра написаны диссертации 17 человекъ, а въ предшествующемъ періодѣ — 35²⁾. Если даже, къ этимъ 17 диссерт. прибавить изъ прежнихъ 7, — формально прошедшихъ послѣ 1884 г. (1884—1888) и причисленныхъ нами къ предшествующему времени, — хотя бы половину 3—4 диссерт., то и въ такомъ случаѣ получится цифра 20, 21 противъ 32, 31.

Эти краснорѣчивыя цифры вполне оправдываютъ замѣчаніе проф. прот. П. П. Лепорскаго (см. выше), что упраздненіе специальностей, произведенное уставомъ 1884 г., «гибельно отразилось на богословской мысли и ученой продуктивности интеллекта Академіи».

Почему-то, какъ замѣчено выше, отмѣнено было защищеніе докторскихъ диссертаций на публичныхъ диспутахъ. Последними докторскими диспутами въ нашей Академіи были диспуты П. А. Скабаниовича и О. Г. Елеонскаго (26 и 28 мая 1884 г.). Хотя новый уставъ 1884 г. былъ утвержденъ 20 апр., но онъ къ этому времени еще не вошелъ въ дѣйствіе, а потому диссертации упомянутыхъ лицъ прошли еще по прежнему порядку. Публичность ученыхъ преній почти совсѣмъ изгнана была въ уставѣ 1884 г. и при защитѣ магистерскихъ диссертаций. Публичные магистерскіе диспуты были замѣнены «коллоквиумами» въ присутствіи совѣта и «*приглазаемыхъ совѣтомъ стороннихъ лицъ*» (§ 136 уст.). Все это сдѣлано по ан-

²⁾ Выше показано 34, потому что процущена диссертация Д. В. Цвѣтаева.

типатіи къ прежнему толевтовскому уставу. Впрочемъ, что касается магистерскихъ коллоквиумовъ, въ наней, по крайней мѣрѣ. Академіи, то они сохранили прежній видъ и характеръ—многѣ публичныхъ диспутовъ: приходили и допускались на нихъ все, кому было угодно, не исключая дамъ. Не знаемъ, какъ было въ другихъ академіяхъ. Навѣрное извѣстно только, что въ Кіевской Академіи она превратилась въ чисто интимныя засѣданія совѣта въ *квартирѣ* ректора (?). Вотъ это корректно, совершенно въ духѣ устава 1884 г. Мы были несравненно менѣе легальны, вѣроятно, благодаря большой терпимости приснопамятнаго митр. Исидора (до 1893 г., бывшаго петрогр. митрополитомъ) къ нашимъ немощамъ. Другіе, старые наши іерархи не терпѣли публичности съ аплодисментами и выраженіями сочувствія и интереса къ богословскимъ преніямъ, забывая, что было въ святоотеческой древности, въ золотые вѣка христіанства, когда горячо спорили вездѣ и всюду о религіозныхъ предметахъ и когда аплодисменты раздавались даже въ храмахъ, какъ во времена св. І. Златоуста, чего, впрочемъ, не одобрялъ этотъ великій святитель и чего, конечно, одобрить нельзя. Идеаломъ нашихъ старыхъ іерарховъ было наше русское старое, но несовсѣмъ доброе время, когда духовныя Академіи сидѣли тихо въ своихъ углахъ, мало знаемые обществомъ и совсѣмъ для него неинтересныя. Въ эти-то глухіе углы и старались снова забить ихъ своеобразные ревнители духовнаго прюсвѣщенія...

Совѣтъ и правленіе Петрогр. Академіи (1884—1896 г.).

По новому уставу совѣтъ уже не раздѣлялся на общій и частный, а представлялъ одно нераздѣльное цѣлое. Какъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, достаточно видно изъ выше-сказаннаго о ректорахъ того времени. Въ составъ правленія вошли все бывшіе помощники ректора по учебной части, деканы покойныхъ отдѣленій: Е. П. Ловягинъ, М. О. Кояловичъ, А. Л. Катанскій, а послѣ кончины М. О. Кояловича и выхода въ отставку Е. М. Ловягина—Тим. В. Барсовъ и П. А. Сабалаповичъ. Эти члены правленія обыкновенно председательствовали въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ. Это нѣсколько напоминало прежнія времена, когда они дѣлали то же самое въ качествѣ помощниковъ ректора, но теперь они уже не играли

такой роли, какъ прежде. Теперь они имѣли мало отношеній къ студентамъ и мало ихъ знали, знакомились съ ними только на экзаменахъ и вообще не были уже, какъ прежде, въ курсѣ студенческихъ занятій и настроеній.

Официальное, да и неофициальное только, положеніе этихъ 3-хъ членовъ правленія понижилось не только въ правленіи, но и въ совѣтѣ, а положеніе инспектора повысилось. Прежде (1869—1884 г.) инспекторъ уступалъ помощникамъ ректора въ своемъ значеніи, шелъ уже за ними, почему и въ официальныхъ бумагахъ подписывался послѣ нихъ; теперь же онъ вставъ выше ихъ, занялъ ихъ мѣсто и сдѣлался какъ бы единственнымъ помощникомъ ректора; его подпись слѣдовала уже непосредственно послѣ ректорской, хотя иногда онъ былъ только п. д. доцента, кандидатъ богословія, но зато архимандритъ. Словомъ, и здѣсь стало очень замѣтно возвращеніе къ порядкамъ стараго дореформеннаго (до 1869 г.) времени.

Классныя занятія преподавателей Академій и студентовъ. Преподаваніе предметовъ академическаго курса измѣнило свой характеръ: спеціализація начала уступать тому характеру чтеній, который они имѣли до устава 1869 г. и который хорошо памятенъ намъ, старымъ питомцамъ академій дореформеннаго періода. Всего лучше можно это видѣть на конкретномъ примѣрѣ преподаванія догматическаго богословія. Какъ мы видѣли, по уставу 1869 г., догм. богословіе полагалось— «съ историческимъ изложеніемъ догматовъ». Уставъ 1884 г. уничтожилъ эту характерную прибавку и чрезъ то заставилъ измѣнить прежнюю постановку чтеній по этому предмету, когда, какъ мы видѣли выше, они распадались на три рода параллельныхъ лекцій: 1) по системѣ догм. богословія и по историческому изложенію догматовъ періодовъ 2) библейскаго и 3) святоотеческаго, церковнаго. Такой порядокъ находилъ опору не только въ упомянутомъ § устава, но и въ томъ, что догм. богословіе было отдѣленнымъ предметомъ. Его слушали только студенты богословскаго отдѣленія, освобожденные отъ слушанія многихъ другихъ предметовъ, входившихъ въ составъ курса другихъ отдѣленій. Чрезъ это давалась возможность для широкой постановки чтеній, для спеціализаціи предмета. То же было и со многими другими отдѣленскими предметами. Теперь

же, съ 1884 г., съ уничтоженіемъ отдѣленій, студенты должны были слушать чтеніе по массѣ предметовъ, почти по всѣмъ предметамъ академическаго курса и потому было невозможно давать своимъ чтеніямъ прежнюю широкую постановку. Что касается меня, то были у меня попытка возвратиться къ прежней манерѣ чтеній; такъ въ одинъ годъ я читалъ, вмѣстѣ съ системой догм. бог., историческое положеніе догматическихъ данныхъ въ Св. Писаніи, въ другой годъ—исторію догмат. раскрытія ученія о Св. Троицѣ въ періодъ святоотеческій, въ третій годъ—о лицѣ І. Христа и о благодати Божіей въ тотъ же періодъ. Но потомъ долженъ былъ отказаться отъ этого метода и ограничиться одной системой догматическаго богословія, съзвѣстья, бросить спеціальныя курсы. Къ тому направляли: весь духъ устава 1884 г. и положительное требованіе особаго указа Св. Синода о выполненіи всей программы каждаго предмета, не ограничиваясь нѣкоторыми только его отдѣлами. Уничтоженіе приватъ-доцентуры въ академіяхъ (приватъ-доцентамъ поручалось чтеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ) было яркимъ выраженіемъ нерасположенія устава къ спеціализаціи академическаго преподаванія и было логическимъ послѣдствіемъ заложенныхъ въ уставѣ принциповъ. Что было со мною, то, нѣтъ сомнѣнія, было и съ другими моими коллегами. Помните, громко раздавался ропотъ, что съ новымъ уставомъ академическое преподаваніе сводится къ повторенію семинарской программы, и въ этомъ, къ сожалѣнію, была очень значительная доля правды.

Что касается студентовъ, то и ихъ видимо менѣе прежняго начали интересовать лекціи преподавателей. Мало-по-малу слушаніе лекцій отходило на второй планъ, аудиторіи начинали пустовать; случалось, количество слушателей у профессора ограничивалось 3—5 человѣками. Охотниковъ повторенія семинарскихъ курсовъ, съ нѣкоторыми дополненіями къ нимъ, оказывалось немного. А къ тому же лекцій по многочисленнымъ предметамъ расширившагося академическаго курса набиралось очень много; аккуратное посѣщеніе всѣхъ лекцій, даже при добромъ желаніи, было дѣломъ труднымъ, далеко не для всѣхъ носильнымъ. При такомъ положеніи вещей, составленіе сочиненій, наиболѣе цѣнныхъ, начало сосредоточивать преимущественное вниманіе студентовъ. Чтобы поднять значеніе

классныхъ ихъ занятій, побудить къ посѣщенію лекцій, придумывались разныя мѣры: между прочимъ старались опредѣлить удѣльный вѣсъ балловъ по экзаменскимъ устнымъ отвѣтамъ и по сочиненіямъ, такъ чтобы не уронить значенія первыхъ и не слишкомъ повысить вѣсъ послѣднихъ. Въ этихъ видахъ, при выводѣ общаго балла изъ тѣхъ и другихъ, была принята система, выработанная проф. В. В. Болотовымъ, обладавшимъ большими математическими способностями, въ числѣ многихъ другихъ, отличавшихъ этого замѣчательнаго человѣка. Обыкновенно, по окончаніи экзаменовъ, онъ вмѣстѣ съ проф. Т. А. Палимовымъ, занимался сводомъ или, лучше сказать, проверкою свода (сдѣланнаго канцеляріею) балловъ экзаменскихъ и по сочиненіямъ. Но какъ ни ухищрялись они сдѣлать такъ, чтобы и овцы были цѣлы и волки сыты, сила вещей однако брала свое и было очень замѣтно, что дѣло клонится къ возстановленію дореформеннаго (до 1869 г.) склада академической учебной жизни: лекціи и ихъ слушаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти (впрочемъ, только отчасти, не то что въ наше студенческое время) и экзаменскія испытанія отходили на второй планъ. Профессорамъ съ грустью приходилось въ томъ убѣждаться и менѣе, чѣмъ прежде, посвящать вниманія класснымъ занятіямъ и—болѣе ученымъ и литературнымъ. Тогда нищущему эти строки чаще и чаще стали приходиться на память слова моихъ коллегъ по Московской академіи, при вступленіи моемъ на должность бакалавра, чтобы я «не особенно заботился о составленіи и отдѣлкѣ лекцій,—такъ какъ лекціи у нихъ въ академіи не пользуются вниманіемъ студентовъ,—а изучалъ предметъ для себя». Тогда я положилъ быть сильнѣе и непочатой энергіи и не послушался, а теперь... очень поубавилось того и другаго, и потому, каюсь, послѣдніе годы моей службы мало занимался лекціями, посвящая больше времени ученымъ и литературнымъ занятіямъ.

Академическія изданія. «Христіанское Чтеніе» и «Церковный Вѣстникъ» переживали также трудное время.

Въ 1888 г., съ основаніемъ вполне официальнаго органа Св. Синода—«Церковныхъ Вѣдомостей», съ обязательной для всѣхъ нашихъ православныхъ церквей въ Россіи подпиской, отошла отъ «Церк. Вѣстника» официальная часть, что сопро-

вождалось паденіемъ подписки на академическія изданія («Церк. В.» и «Хр. Чтен.»). Подписка упала до 2 тысячъ, вмѣсто прежнихъ 6—7 тысячъ. Къ этому присоединился редакторскій кризисъ: въ 1893 г., чрезъ 8 лѣтъ (1885—1893 г.) редакторства проф. Н. А. Скабалановича, мой преемникъ, опытный публицистъ, долженъ былъ оставить редактированіе «Церк. Вѣстн.». Случилось это такъ: помѣщена была въ «Церк. Вѣстн.» относительно военно-учебныхъ заведеній замѣтка, возбуждившая неудовольствіе военно-учебнаго начальства. Принесена была начальникомъ военно-учебныхъ заведеній митр. Палладію жалоба на «Ц. В.», п митрополитъ, не отличавшійся стойкостью, счелъ себя вынужденнымъ да къ тому же очень впечатлительный, уволить редактора. Будь въ это время митр. Исидоръ: онъ, безъ сомнѣнія, успокоилъ бы генерала словами, наприм. вродѣ слѣдующихъ: «что вы, генераль, такъ волнуетесь; мало ли о чемъ пишутъ въ газетахъ, успокойтесь; вотъ я сдѣлаю внушеніе редактору», и тѣмъ бы все кончилось.

Къ счастью преемникомъ Н. А. Скабалановича явился человекъ выдающихся публицистическихъ способностей, изумительной энергіи и инициативы. Онъ не только спасъ академическія изданія («Ц. В.» и «Хр. Чтен.», соединенныя ¹⁾ подъ его редакціей, отъ казавшагося неизбежнымъ краха, но и поднялъ ихъ на прежнюю высоту, усилилъ подписку, благодаря главнымъ образомъ задуманному имъ изданію перевода на русскій языкъ полнаго собранія твореній св. І. Златоуста,—въ видѣ ежегодныхъ премій (по 1 кн.) подписчикамъ академическихъ изданій. Результатъ былъ поразительный; постепенно повышалась, подписка на «Церк. Вѣстн.», ко дню 25-лѣтняго его юбилея, въ 1899 г., достигла до 7200 слишкомъ экземпляровъ!

Не смотря на мой отказъ (въ 1885 г.) отъ редактированія «Церк. В.», мое увлеченіе публицистикою продолжалось все время моей службы въ родной Академіи вплоть до отставки и даже нѣкоторое время послѣ нея, года 2—3. Я былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Церк. Вѣстн.», помѣ-

¹⁾ До 1891 г. продолжалъ редактированіе «Хр. Чт.» проф. Н. Е. Троицкій; съ 1891 по 1893 г. проф. А. И. Садовъ.

стиль въ немъ много, въ особенности передовыхъ, и другихъ статей ¹⁾ и вель въ немъ постоянные отдѣлы, именно обзорнія журнальныхъ статей сначала (до 1888 г.) свѣтскихъ журналовъ. а потомъ (до 1897 г.) духовныхъ.

Изъ моихъ статей за это время, памятны мнѣ, по особымъ причинамъ, слѣдующія.

Въ статьяхъ о нашихъ «духовно-учебныхъ пенсіяхъ» и «знакахъ нашихъ ученыхъ степеней» для докторовъ богословія и магистровъ, не имѣющихъ священнаго сана, я явился до нѣкоторой степени инициаторомъ по части возбужденія этихъ

¹⁾ Изъ этихъ статей можно упомянуть: за 1885 г. «Св. Синодъ въ первые годы своего существованія» (№ 7); «Газетныя сѣтованія на нашу высшую іерархію» (№ 9); «Первый день Воскресенія Христова» (№ 13); «О пенсіяхъ по духовно-учебному вѣдомству» (№ 16); «Существующій способъ вознагражденія духовенства» (№ 21); «Религіозно-образовательныя потребности нашей церкви» (№ 25—26); «О знакахъ нашихъ ученыхъ степеней» (№ 33); за 1886 г. «Вопросъ о времени учрежденія Церкви и іерархіи» (№ 9—10); «О церкви и церковномъ устройствѣ—по поводу новаго изд. г. Елагина: чего надо желать нашей церкви» (№№ 21—24, 27—30); за 1887 г. «О пенсіяхъ по духовно-учебному вѣдомству» (№№ 5—8); за 1888 г. «О перемѣщеніяхъ въ средѣ нашей высшей іерархіи» (№ 5); «Восточный вопросъ, какъ вопросъ о будущемъ торжествѣ православія надъ латинствомъ и протестантствомъ» (№ 12); «Новая іезуитская махинація по поводу книги г. Ливанскаго, изд. за границей» (№ 14); «Христосъ Спаситель, истинный Мессія» (№ 17); за 1889 г. «Православное и рим., католич. понятіе о Церкви—по поводу изд. загранич. соч. о Церкви» (№№ 7—8); «Нѣчто о систематической фальсификаціи ученія о Церкви у папистовъ» (№ 7); «Кто искажаетъ истину» (№ 8); «О нашихъ переводахъ отеческихъ твореній и нашемъ дух. просвѣщеніи» (№ 10); «Устройство вселенской Церкви, данное ей соборами и разрушеніе его въ папствѣ» (№ 11); «О междуцерковномъ единеніи православнаго Востока» (№ 17); «Свидѣтельство протестантства объ истинности православія—по поводу соч. Размысленіе одного протестанта» (№ 19); «Сравненіе православія и протестантства въ пунктахъ взаимнаго ихъ разногласія» (№ 20); за 1890 г. «О представителяхъ нашихъ церковныхъ интересовъ за границею» (№ 22); за 1891 г. «Широкое пониманіе нашихъ религіозно-образовательныхъ потребностей» (№ 10); «Обозрѣніе евангельскихъ повѣствованій о страданіяхъ и крестной смерти Спасителя» (№ 16); «О современномъ русск. монашествѣ и его нуждахъ—по поводу изд. г. Елагина» (№ 19—20); за 1892 г. «Старокатолическій вопросъ для правосл. Востока» (№ 46); за 1893 г. въ *Христіанскомъ Читаніи*: «Объ исхожденіи Св. Духа, по поводу старокатолическаго вопроса»; въ 1894 г. «О научно-богословскихъ опредѣленіяхъ Церкви» («П. В.» № 42); въ 1895 г. «О постановкѣ трактата о Церкви въ наукѣ догм. бог.» (№ 15—16); «О Главѣ Церкви І. Христѣ и Духѣ Св. Параклитѣ» (№ 18); за 1897 г. «Древне-русскій приходъ» (№№ 31—32); за 1898 г. «Высокая церковь въ англиканствѣ» (№№ 19—22).

вопросовъ и дѣятельнымъ соучастникомъ въ ихъ рѣшенія. О статьяхъ относительно увеличенія нашихъ духовно-учебныхъ пенсій сказано будетъ далѣе. Что же касается статьи о знакахъ нашихъ степеней, то дѣло было такъ. Въ 80—90-хъ годахъ очень распространился обычай во всѣхъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ отмѣчать лицъ, являющихся ученыя степени, особыми знаками; рѣшительно все носили эти знаки: военные, медикп, технологи и т. д.; только мы духовные лишены были этой чести. Желая исправить этотъ недочетъ, я и задумалъ написать упомянутую статью; напечатать ее какъ-разъ предъ 30 августа 1885 г.; не безъ расчета, что, быть можетъ, она возбудитъ толкъ среди нашей высшей іерархіи, собиравшейся по случаю праздника (св. Александра Невского) на обычномъ въ этотъ день обѣдѣ у митр. Исидора, куда приглашались и мы профессора академіи (впрочемъ, одни только ординарные). Такъ оно и случилось, синодальныя власти поговорили объ этомъ предметѣ и склонились къ положительному рѣшенію вопроса о нашихъ ученыхъ знакахъ. Объ этомъ сдѣлалось намъ извѣстно, и нашъ тогдашній ректоръ, пр. Арсентій (Брянцевъ) уже могъ смѣло возбудить въ совѣтѣ (31 окт. 1885 г.) ходатайство предъ Св. Синодомъ о дарованіи особыхъ нагрудныхъ знаковъ для докторовъ и магистровъ богословія, не являющихся свещ. сана, ссылаясь и на мою статью въ «Церк. Вѣстн.» и на особый приложенный мой письменный по сему дѣлу докладъ. Св. Синодъ весьма благосклонно отнесся къ ходатайству совѣта и 5 дек. 1885 г. указомъ своимъ предписалъ совѣту Петр. Академіи «озаботиться составленіемъ проекта рисунковъ нагрудныхъ знаковъ для доктора и магистра богословія». Образована была комиссія изъ орд. проф. А. Л. Катапскаго и экстр. проф. П. В. Покровскаго для составленія проекта рисунковъ нагрудныхъ знаковъ». Первый, однако, нашъ проектъ рисунковъ, приближавшій наши знаки къ университетскимъ, былъ забракованъ Св. Синодомъ и, по указанію Св. Синода, выработаны были нѣкѣ существующіе рисунки. Большое участіе въ дѣлѣ выработки рисунковъ принималъ проф. П. В. Покровскій.

Статья «о перемѣщеніяхъ въ средѣ нашей высшей іерархіи» «Церк. Вѣстн.» (1887 г. № 5) была довольно щекотливаго свойства. Она состояла изъ историческихъ справокъ и была напра-

влена противъ практиковавшагося и доселѣ еще, къ сожалѣнію, сохранившагося обычая переводить нашихъ епископовъ съ одной кафедры на другую и не могла правиться іерархамъ. Вдобавокъ она написана была какъ-разъ въ то время, когда «Церк. Вѣсти.» только что подчиненъ былъ ректорской цензурѣ; до того времени онъ былъ безцензурнымъ. Моя статья должна была быть напечатана, въ качествѣ передовой, въ первомъ №-рѣ, подлежащемъ цензурской подписи тогдашняго ректора, пр. Антонія (Вадковскаго). Въ виду щекотливости темы мнѣ пришлось предварительно переговорить съ пр. Антономъ, но, къ пріятному для меня удивленію, онъ не нашелъ никакихъ препятствій къ ея напечатанію и прямо заявилъ, что онъ вполне со мною согласенъ. Такой исходъ этого дѣла едва ли былъ бы возможенъ при его предшественникѣ, пр. Арсеніѣ (Брянцевѣ). Но напечатанію статьи никакихъ замѣчаній и выговоровъ ни мнѣ ни цензору не послѣдовало; наши іерархи, можетъ быть, про себя и поворчали, но благоразумно промолчали. Не-разъ приходилось мнѣ напоминать пр. Антонію, что онъ остался вѣрнень выраженному имъ мнѣнію, такъ какъ до своего назначенія на петроградскую митрополию (что допускалось и древнею церковною практикою—избранія на столичную кафедру изъ епископовъ другихъ городовъ) онъ былъ епископомъ только одного города—Выборга, сначала какъ епископъ выборгскій, викарій петроградской митрополіи, а потомъ какъ архіепископъ финляндскій и выборгскій.

Статья въ «Христ. Чтенія» (1893 г.) «Объ исхожденіи Св. Духа, по поводу старокатолическаго вопроса» обязана своимъ происхожденіемъ слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ концѣ 1892 г. въ декабрѣ, по настоянію протопресвитера І. Л. Япышева предъ Государемъ Императоромъ Александромъ III, назначена была Св. Синодомъ, по Высочайшему повелѣнію «комиссія для предварительнаго выясненія условій, какія могли бы быть положены въ основу переговоровъ о соединенія старокатоликовъ съ православною русскою церковью». Въ эту комиссію, подъ предсѣдательствомъ архіеп. финляндскаго Антонія, входили: протопресв. І. Л. Япышевъ, прот. П. А. Смирновъ (предсѣд. Дух. Учебн. Ком. при Св. Синодѣ), прот. Петрогр. П. А. Лебедевъ (членъ Учебн. Ком.), прот. Алекс. А. Лебедевъ (настоят.

Казан. собора), проф. П. Е. Троицкій, проф. А. А. Катанскій и проф. В. В. Болотовъ (онъ же и дѣлопроизводитель ком.). Сюда же примыкали, не состоя членами комиссіи, но усердно ее посѣщая: генер. А. А. Кирѣевъ — въ качествѣ любителя и В. К. Саблиръ. Среди занятій комиссіи и въ частной бесѣдѣ (разъ вечеромъ, втроемъ у пр. Антонія) выяснилась совершенная разность взглядовъ моихъ и В. В. Болотова на ученіе древнихъ святыхъ отцевъ объ исхожденіи Св. Духа. Съ цѣлію развитія и оправданія моего взгляда я и напечаталъ эту статью и такъ обр. сдержалъ обѣщаніе, данное мною моему достопочтенному оппоненту въ пылу спора.

Статьи «Церк. Вѣсти.» о Церкви («О научно-богословскихъ опредѣленіяхъ Церкви», 1894 г., «О постановкѣ трактата о Церкви въ наукѣ догм. бог.» и «О Главѣ церкви І. Христѣ и духѣ Св. Параклитѣ.» 1895 г.) вызваны были исторією по поводу Аквилоновской диссертациі. Никто не вынуждалъ меня выступать на ея защиту, но я считалъ нравственною своею обязанностию и побуждался внутреннею своею потребностью выяснить сущность догматическаго понятія о Церкви въ отличіе отъ церковно-историческаго, каноническаго и т. п. и устранить массу являющихся отсюда недоразумѣній. Эти статьи «Церк. Вѣсти.» о Церкви, вмѣстѣ съ статьею «Христ. Чтен.» объ исхожденіи Св. Духа являются послѣдними, въ періодъ моей профессорской службы, опытами самостоятельнаго моего богословствованія — по образцу и въ духѣ древнихъ св. отцевъ церкви, а не по руководству западныхъ схоластическихъ преимущественно рим.-католическихъ системъ, и если представляютъ нѣкоторую цѣнность, то этимъ они обязаны единственно цѣннѣйшую святоотеческихъ твореній на пхъ автора.

Пресвитеры Климента александрійскаго.

Мѣста ¹⁾ изъ твореній Климента александрійскаго, которыя могутъ и должны быть привлечены при характеристикѣ его пресвитеровъ, документъ высокой исторической достовѣрности. Ученикъ свидѣтельствуетъ о своихъ учителяхъ, и намъ остается только воспроизвести его слова. Ученикъ утверждаетъ, что его сочиненіе безыскусственный образъ и тѣневой очеркъ свѣтлыхъ и одушевленныхъ словъ тѣхъ блаженныхъ и поистинѣ достославныхъ мужей, которыхъ онъ удостоился слышать, ²⁾ и намъ остается изъ ученія Климента выдѣлить элементы, восходящіе къ его учителямъ. Слѣдовательно, вопросъ, который долженъ предшествовать всякому историческому изслѣдованію, — вопросъ о научной цѣнности источника, — въ данномъ случаѣ отпадаетъ. Здѣсь говорить свидѣтель, ни одно слово котораго не можетъ быть заподозрѣно съ точки зрѣнія если не объективной, то, по крайней мѣрѣ, субъективной правды. Разрѣшеніе поставленной проблемы, такимъ образомъ, сводится только къ правильному истолкованію словъ александрійскаго катихита, но этимъ она отнюдь не пріуменьшается въ своемъ значеніи интересной страницы изъ исторіи древне-христіанской мысли вообще и александрійскаго богословія въ частности.

¹⁾ Отчасти они собраны E. Preuschen'омъ у Harnack'a въ его *Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius*. Th. I: Die Ueberlieferung und der Bestand, Leipzig 1893, S. 291—296.

²⁾ Cp. *Stromata* I, 11, 1 Stählin II, 8.

I.

Stromata I. 11, 1—3. Иринея лондонский. Иустинъ Философъ, Лукіанъ самосатскій. Аммоній Саккасъ и его ученики. «Пресвитеры не писали». Свидѣтельство Лонгина. *Stromata* I. I. *Eclogae propheticae*, 27. Пантень. Аопиагоръ. Фрагментъ Христіанской исторіи Филиппа сидскаго. Опытъ реконструкціи. Источники Филиппа сидскаго. Татіанъ и Кассіанъ.

Наиболѣе яркое и опредѣленное мѣсто, гдѣ Климентъ говорить о своихъ пресвитерахъ—учителяхъ, это—*Stromata* I, 11, 1—3. Мы и позволимъ себѣ привести его здѣсь полностью. «Однако, это произведеніе (т. е. Строматы) не представляетъ собою сочиненія, написаннаго искусственно (τετευρασμένῃ), показъ (εἰς ἐπίδειξιν), но оно собирается (ἰθροαυρίζεται)¹⁾, какъ памятная записи для меня на старость, какъ лѣкарство противъ забывчивости,—безыскусственный образъ и тѣневой очеркъ (σχίγραφαί) тѣхъ свѣтлыхъ и одушевленныхъ словъ, которыя я удостоился слышать, и мужей блаженныхъ и поистинѣ досто-

¹⁾ Такъ передавая этотъ терминъ на русскій языкъ, мы имѣемъ въ виду ближайшимъ образомъ Str. I, 14, 2 Stählin II, 10: «я хорошо знаю, что многое, оставалось (διαπέσοντα) въ теченіе долгаго времени не записаннымъ, исчезло для насъ (παρερρόηκεν ἡμῶς). Поэтому, для того, чтобы помочь (ἐπιχορηγῶν) моей слабой памяти, чтобы систематическимъ изложеніемъ по главамъ приготовить спасительное напоминаніе для памяти, я по необходимости воспользовался настоящимъ очеркомъ. Кое-что мы не могли даже припомнить (ибо велика была сила у этихъ блаженныхъ мужей); другое, оставаясь въ теченіе [долгатаго] времени незаписаннымъ (ἀνεπιστημίοντα), теперь улетучилось; третье потухло, погаснувъ въ самой мысли, ибо такой родъ служенія не легкокъ для неопытныхъ. Оживляя это въ памятныхъ записяхъ, одно я намѣренно опускаю, выбирая разумно, боясь писать о томъ, о чемъ и говорить остерегался... Но есть предметы, на которые у меня въ сочиненіи будетъ намекаться ἃ καὶ ἀνιέται σοι γραφή), и къ однимъ [изъ нихъ] оно будетъ приближаться, о другихъ же будетъ только говорить (ἐραῖ),—попытается же оно и скрытною сказать, и прерывалась обнаружить, и умалчивая показать». Когда Климентъ писалъ данную строку, то планъ всей его работы, Строматъ,—это болѣе чѣмъ ясно,—предносился ему только въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, настолько общихъ и туманныхъ, что даже и не возникало, не зарождался вопросъ, въ состояніи ли Климентъ или кто-либо изъ его современниковъ осуществить это величайшее въ исторіи мысли заданіе—дать цѣлостную систему христіанскаго міросозерцанія, которое и до настоящаго времени остается всего лишь заданіемъ. Но была и создавалась глубокая потребность, обусловливаемая и вліяніями извнѣ и прежде всего мотивами, идущими извнутри, с о б р а т ь во-едино мысли блаженныхъ мужей—учителей, с о б р а т ь разбѣнное въ устныхъ преданіяхъ и такимъ образомъ спасти его отъ разрушительной работы времени.

славныхъ. Одинъ изъ нихъ жилъ въ Элладѣ, іоніецъ, [два] другіе—въ Великой Греціи (одинъ изъ нихъ былъ изъ Кили-Сиріи, другой—изъ Египта), третій—на востокѣ: одинъ происходилъ изъ Ассиріи, другой жилъ въ Палестинѣ, первоначально еврей. Встрѣтясь же съ послѣднимъ (по силѣ онъ былъ первымъ), я успокоился, въ Египтѣ уловивъ его скрывшагося. Поистинѣ сицилійская пчела, онъ, собирая цвѣты съ пророческаго и апостольскаго луга, зародилъ въ душахъ своихъ слушателей нѣкое чистое сокровище знанія. Сохраняя же неповрежденнымъ (σφζουτες) истинное преданіе блаженнаго ученія непосредственно (εὐθύς) отъ Петра и Іакова, Іоанна и Павла, святыхъ апостоловъ,—сынъ принимая отъ отца (подобные же отцамъ немноги),—они, съ Божіей помощью, дожили и до нашего времени, чтобы и намъ передать эти прародительскія и апостольскія сѣмена». ¹⁾ Эти немногія строки заключаютъ въ себѣ богатое содержаніе и вызываютъ цѣлый рядъ вопросовъ.

Первый изъ нихъ: о сколькихъ учителяхъ здѣсь говорить Климентъ? Текстъ оставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что рѣчь идетъ о шести ²⁾. Однако, эта очевидная истина раздѣляется далеко не всѣми. Иногда говорятъ о семи учителяхъ Климента ³⁾, чаще же всего—о пяти ⁴⁾. Слѣдующій вопросъ: имена учителей. Климентъ не называетъ ихъ. Такъ точно поступаютъ не только Приней ліонскій ⁵⁾, Густинъ Фило-

¹⁾ Stählin II, 8—9.

²⁾ Ср. *Reinkens H. I.*, De Clemente presbytero Alexandrino homine, scriptore, philosopho, theologo liber, Vratislaviae 1851, p. 9; *Zahn Th.*, Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons und der altkirchlichen Literatur. Th. III: Supplementum Clementinum, Erlangen 1884, S. 162—163; *Meyboom H. U.*, Clemens Alexandrinus, Leiden 1912, p. 2; *Tollington R. B.*, Clement of Alexandria, v. I, London 1914, p. 12, 15—16 и др.

³⁾ *Guerike E. F.*, De schola quae Alexandriae floruit catechetica commentatio historica et theologica, p. I, Halis Saxonum 1824, p. 34.

⁴⁾ *Du—Pin L. E.*, Nouvelle Bibliotheque des auteurs Ecclesiastiques, t. I, Autrecht 1731, p. 86—87; *Laemmer H.*, Clementis Alexandrini de Λόγῳ doctrina, Lipsiae 1855, p. 4; *Cognat J.*, Clément d'Alexandrie, sa doctrine et sa polémique, Paris 1859, p. 54; *F'aye E.*, Clément d'Alexandrie. Etude sur les rapports du christianisme et de la philosophie grecque au II-e siècle, Paris 1906, p. 29, и др.

⁵⁾ Ср. собраніе его свидѣтельствъ о пресвитерахъ у F. X. Fupk'a,

софь¹⁾, но даже Лукіанъ самосатскій²⁾. Въ жизни, въ міросозерцаніи этихъ четырехъ писателей ихъ учителя оставили глубокой слѣдъ, и однако, — вѣрнѣе будетъ сказать, — и потому имена ихъ не названы. Благоговѣйная преданность препятствуетъ ученику назвать имя учителя, препятствуетъ потому, что она боится профанация и толпы, которая — народная или интеллигентская,³⁾ безразлично — обычно такъ безпощадна бываетъ къ чужимъ святынямъ. Особенно интересно отмѣтить этотъ фактъ умолчанія имени учителя у Лукіана самосатскаго, котораго, въ свою очередь, нельзя заподозрить въ бережномъ отношеніи къ чужимъ «святая святыхъ». Съ другой стороны, образъ поведенія учителя, его осторожность въ выборѣ учениковъ, его осторожность въ сообщеніи имъ своихъ мыслей побуждали достойнаго ученика съ тѣмъ большимъ чувствомъ деликатности отнестись ко всему, что касалось учителя, а также и къ той завѣсѣ таинственности, которою намѣренно отдѣлялъ себя учитель отъ внѣшняго міра. Аммоній Саккасъ былъ сильный философскій умъ; тѣмъ не менѣе онъ можетъ похвалиться только именами своихъ учениковъ: Ереннія, Оригена старшаго, Оригена младшаго, Лонгина, Олимпія александрійскаго и Плотина⁴⁾.

Patres Apostolici. v. I, Tübingae 1901, p. 378—389: Presbyterorum reliquiae ab Irenaeo servatae.

¹⁾ Dialogus cum Tryphone, 3 Otto II, 10.

²⁾ Hermotimus, sive de sectis, 24 Reitzius I, 762—763.

³⁾ Александрійская чернь, навинувъ веревку на шею мученика — евангелиста, влечить его по острымъ камнямъ мостовой съ криками: *Σύρωμεν τὸν βούβαλον ἐν τοῖς* [Paris въ MG, t. CXV, col. 168: εἰς τὰ βουβάλλου, слѣдовательно, не желалъ «видѣть даже только *человѣка* въ томъ, кто среди этихъ мукъ, *εὐχαριστῶ σοι, Κύριε μου Ἰησοῦ Χριστέ, ὅτι κατήλωσθην ὑπὲρ τοῦ ὀνόματός σου ταῦτα παθεῖν*]. Acta Sanctorum, Aprilis, t. III, p. XLVII. Ср. проф. В. В. Болотовъ. День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка — «Хр. Чт.» 1893, II, 422, отд. изданіе: Изъ церковной исторіи Египта, выпускъ четвертый, С.-Петербургъ 1893, стр. 330⁸⁹. Но толпа была охвачена религіознымъ фанатизмомъ, и ея жестокость простирается отнюдь не изъ мотивовъ грубаго своекорыстія. Поведеніе же книжника Криспента объясняется, съ одной стороны, желаніемъ угодить толпѣ и такимъ путемъ приобрести ея расположеніе, а съ другой — чувствомъ мести къ Дустину за его обличенія философовъ въ сластолюбіи и лжи. Ср. *Дустинъ*, Apologia II, 3 Otto I, 204—206; *Tatianus*, Oratio ad graecos, 19 Schwartz (T U IV, I), 21. Истоптаніямъ, подобно старому башмаку, языкомъ книжника руководятъ соображенія только грубаго своекорыстія.

⁴⁾ *Владиславлевъ М. И.*, проф. Философія Плотина, основателя ново-платоновской школы, С.-Петербургъ 1868, стр. 265.

отнюдь же не ихъ количествомъ, и Плотинъ пришелъ къ нему только послѣ того, какъ онъ побывалъ уже у τῶν κατὰ τὴν Ἀλεξανδρείαν εὐδοκίμωνι и обманулся въ своихъ надеждахъ ¹⁾. Данная эпоха была по преимуществу эпохой религиозныхъ устремленій ²⁾, и учитель являлся не только авторитетнымъ мыслителемъ, но и вдохновеннымъ пророкомъ, святымъ ³⁾. Плотинъ подъ перомъ Порфирія такъ же творить чудеса ⁴⁾, какъ совершаетъ ихъ и Анполоній тианскій подъ перомъ ритора Филострата или его источниковъ. Уроки учителя не только δόγματα, но и μυστήρια. Въ отношеніи же къ послѣднимъ древность установила строго опредѣленную линію поведенія: они и хранятся, и передаются втайнѣ. Еренній, Оригенъ младшій и Плотинъ, вѣроятно, уже послѣ смерти своего учителя ⁵⁾, даютъ обѣтъ, къ счастью, нарушенный ими: μηδὲν ἐκχαλόπειν τῶν Ἀμμωνίου δογμάτων, т. е. ничего не писать, и не разглашать такимъ образомъ передъ всѣмъ и ученія Аммонія. Еренній первый нарушилъ обѣтъ, за нимъ скоро послѣдовалъ и Оригенъ, но Плотинъ въ теченіе значительнаго періода времени, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, ничего не писалъ, а ограничивался однѣми бесѣдами съ учениками, на которыхъ онъ излагалъ мысли учителя ⁶⁾. Фактъ чрезвычайно выразительный и характерный для данной эпохи. Группа учениковъ философа даетъ обѣтъ, какимъ связаны были и всѣ адепты различныхъ мистирійныхъ культовъ.

Является общепринятымъ осторожно высказанное предположеніе Евсевія кесарійскаго ⁷⁾, что, говоря о послѣднемъ своемъ учителѣ, Климентъ разумѣлъ Пантена. Но кто были другіе пять его учителей? Въ попыткахъ подставить подъ не-

¹⁾ Порфирій, Vita Plotini, 3 Kirchhoff I, XX.

²⁾ Ревилъ Ж., Религія въ Римѣ при Северахъ. Переводъ подъ редакціей В. Н. Линда. Москва 1898, стр. 136—205.

³⁾ «Многіе мужнины и женщины самаго благороднаго происхожденія, — пишетъ Порфирій о Плотинѣ, — передъ смертью своею приносили къ нему своихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, и передавали ему вмѣстѣ съ другимъ своимъ достояніемъ, какъ бы нѣкому священному и божественному страху». Vita Plotini, 9 Kirchhoff I, XXVII.

⁴⁾ Ср. Vita Plotini, 10—11 Kirchhoff I, XXVII—XXIX.

⁵⁾ Владиславлевъ М. Н., проф., Ученіе Плотина, 40.

⁶⁾ Порфирій, Vita Plotini, 3 Kirchhoff I, XXI.

⁷⁾ Historia Ecclesiastica V, 11, 2 Schwartz, 452.

опредѣленные обозначенія александрійскимъ катихитомъ его учителей опредѣленные имена христіанскихъ и даже языческихъ писателей¹⁾ недостатка никогда не было. Серьезное возраженіе противъ нихъ Цанъ²⁾ находитъ въ категорическомъ заявленіи Климента, что *οὐκ ἔγραψον οἱ πρεσβυτεροι*³⁾. «Пресвитеры не писали». Это такой же характерный фактъ, какъ и отмѣченный нами выше — умолчаніе Климентомъ александрійскимъ, Принеемъ лионскимъ, Иустиномъ Философомъ, Лукіаномъ самосатскимъ объ именахъ ихъ учителей, и онъ имѣетъ свои параллели не только на почвѣ христіанства. Изъ исторіи античной философіи мы знаемъ рядъ мыслителей, которые ничего не писали. Таковы: Фалесъ, Сократъ, Пирронъ, Аркесилай, Карнеадъ, Мусоній, Руфъ, Эпиктетъ⁴⁾—мыслители, оставившіе крупный слѣдъ въ исторіи. Относительно эпохи, къ которой принадлежитъ Климентъ, у насъ есть драгоценное свидѣтельство Лонгина. Послѣдній въ предисловіи къ своему сочиненію *Περὶ τέλους*, говоря о современныхъ ему философахъ, пишетъ:

¹⁾ *J. Gabrielsson*, напр., со свойственной ему рѣшительностью, которой онъ не измѣняетъ и тогда, когда подъ ногами фактически и не оказывается твердой почвы, предлагаетъ такой комментарий къ Str. I, 11, 2: Aus den Angaben des Clemens über seine philosophischen und theologischen Lehrer ist allerdings nicht viel für unsere Fragen (объ источникахъ литературной дѣятельности Климента) zu gewinnen. Wo Clemens von seinen Lehrern oder von seinen Studien und Vorarbeiten spricht, wendet er meistens nur allgemeine Phrasen an und drückt sich überdies oft auf eine gewissermassen allegorische Weise aus. So z. B. erwähnt er an der bekannten Stelle Str. I K. 1 § 11 seine Studien und Lehrer; er nennt einen griechischen Lehrer (Plato?), einen aus Grossgriechenland, worunter Pythagoras zu verstehen sein könnte; ferner nennt er einen Lehrer aus Syrien (Tatianus?); einen Aegypter worunter vielleicht Pantainos, der Lehrer des Clemens und sein Vorgänger an der Katechetenschule, zu verstehen ist, vielleicht aber auch ein Gnostiker (Cassianus?); dann nennt er einige Lehrer aus dem Orient, unter denen ein Assyrier (Tatianus?) und ein Hebräer hervorgehoben werden; endlich habe er in Aegypten denjenigen, den er suchte, gefunden (Pantainos? oder vielleicht Christus?) Cp. Ueber die Quellen des Clemens Alexandrinus, Th. I, Upsala—Leipzig 1906, S. 17—18. При такомъ произвольномъ истолкованіи историческихъ документовъ каждый изъ нихъ, естественно, можетъ превратиться въ рядъ общихъ фразъ.

²⁾ Supplementum Clementinum, 164.

³⁾ Eclogae propheticae, 27 Stählin III, 144.

⁴⁾ Cp. Целлеръ Э., Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ С. Л. Франка. Москва 1912; Рихтеръ Р., Скептицизмъ въ философіи, т. I. Переводъ В. Базарова и В. Столнера. СПб. 1910.

«одни [изъ нихъ] и письменно стремились изложить свое учение, предоставивъ [и] потомкамъ пользоваться ихъ помощью; другіе достаточнымъ считали для себя помочь своимъ современникамъ усвоить ихъ мнѣнія»¹⁾). Изъ послѣднихъ Лонгинъ называетъ платониковъ Аммонія, Оригена, Оеодота и Еввула, стойковъ Ермина, Лисимаха, Авинея и Мусонія, перипатетиковъ Аммонія и Птолема. Распредѣляя философовъ своего времени по этимъ двумъ группамъ: писавшихъ и не писавшихъ, Лонгинъ руководится не такой упрощенной схемой: писалъ, — слѣдовательно, относится къ первой категоріи; не писалъ, — слѣдовательно, относится ко второй. Платоники Оригенъ и Еввулъ, перипатетики Аммоній и Птолемей писали и оставили послѣ себя сочиненія. Лонгинъ сообщаетъ объ этомъ и однако относитъ ихъ къ категоріи не писавшихъ. Среди сочиненій не писавшихъ философовъ были не только *ποιήματα καὶ λόγοι ἐπιδεικτικοί*, сохранившіеся, но догадкѣ Лонгина (*οἶμαι*), вопреки желанію авторовъ, вѣроятно, благодаря усердію ихъ учениковъ, первыхъ слушателей этихъ поэмъ и словъ, но и цѣлые трактаты, напр., Оригена—«О демонахъ», или Еввула — «О Филівѣ и Горгіи». Лонгинъ все это отмѣчаетъ, но съ оговоркой: «хотя кое-что и писано нѣкоторыми изъ этихъ [философовъ]... однако было бы ошибочнымъ считать ихъ вмѣстѣ съ тѣми, которые писали, потому что они только случайно занялись такимъ трудомъ и не имѣли властнаго побужденія писать». Трудно объяснять фактъ, отъ котораго вы отдѣлены не только громаднымъ періодомъ времени, но и скудостью источниковъ. Но прежде всего заслуживаетъ глубокаго вниманія то, что философы, о которыхъ Лонгинъ говорить, какъ будто о не писавшихъ, принадлежали къ различнымъ школамъ, и что съ цѣлою группой такихъ же *не писавшихъ* мыслителей мы встрѣчаемся и на христіанской почвѣ.

Въ первой главѣ первой книги Строматъ Климентъ полемизируетъ не только противъ тѣхъ, которые по невѣжеству говорили, что «должно ограничиваться самымъ необходимымъ и краткимъ изложеніемъ вѣры (*περί τὰ ἀναγκαῖα καὶ συνέχοντα τῆν πίστιν*), а внѣшнее и излишнее опускать безъ

¹⁾ Порфирій, Vita Plotini, 20 Kirchoff I, XXXV.

вниманія, такъ какъ оно напрасно утомляетъ (τρίβουτα) насъ и направляетъ на предметы, нисколько не относящіяся къ цѣли», или утверждали, «что философія, являясь также зломъ (καὶ τὸ βλάπτει τὸν ὄψον). проникла въ жизнь на гибель людей отъ пѣлаго лукаваго изобрѣтателя»¹⁾). Онъ защищаетъ здѣсь самое право христіанина писать, его право «оставлять послѣ себя грядущимъ поколѣніямъ добродѣтельныхъ дѣтей», — «не плотскихъ дѣтей, но потомство души: сочиненія»²⁾). «Должно ли позволять Оеопомпу и Тимею, сочиняющимъ басни и богохуленія, затѣмъ и Еникуру, вчинителю безбожія, и еще Иппонаксу и Архилоху такъ гнусно писать, а тому, кто возвѣщаетъ истину, запрещать оставлять полезное послѣдующимъ людямъ?»³⁾). Начала главы нѣтъ. Въ двухъ кодексахъ, въ которыхъ сохранились до нашего времени Строматы, она открывается прямо такими словами: «чтобы тотчасъ ты прочиталъ ихъ и могъ сохранить ихъ». Это заключительныя слова цитаты изъ Пастыря Ермы. Выше у Ермы читаемъ: «Прежде всего запиши мои заповѣди и притчи, остальное же ты такъ запишешь, какъ я покажу тебѣ. Поэтому, говорить, я заповѣдаю тебѣ прежде всего записать заповѣди и притчи, чтобы тотчасъ...»⁴⁾). Содержаніе этихъ строкъ оставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что въ утраченной части⁵⁾ первой главы первой книги Строматъ, т. е. въ самомъ началѣ этого обширнаго сочиненія, Климентъ поставилъ вопросъ о правѣ христіанина *писать* и это право защищалъ, между прочимъ, ссылкой на Пастыря Ермы—твореніе, пользовавшееся высокимъ авторитетомъ въ александрійской церкви⁶⁾). Защита эта продолжается и въ сохранившейся части первой главы: заключалась

¹⁾ Str. I, 18, 2—3 Stählin II, 13.

²⁾ *Ibidem*, I, 2 Stählin II, 3.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ Visio V, 5 Funk I, 466—469.

⁵⁾ Дѣйствительно, эта часть была *haud ita magna* (Arnim J., De octavo Clementis Stromateorum libro, 1894, p. 3) и *ad proprium operis argumentum certe non pertinebat* (Reinkens, 98), но для правильнаго истолкованія Str. I, 1 она, несомнѣнно, давала бы многое.

⁶⁾ Str. I, 1; I, 181, 1; II, 3, 5; II, 43, 5—44, 4; II, 55, 4—6, 56, 1—59, IV, 74, 4; VI, 46, 5; VI, 131, 2 St II, 3, 111, 114, 136, 143—144, 281, 455—498. Ср. Kutter H., Clemens Alexandrinus und das Neue Testament. Giessen 1897, S. 80—87. См. также Оригенъ, De principiis IV, 11.

же она и заключается въ раскрытіи той мысли, что и писатель-христіанинъ есть также «дѣлатель неукоризненный» ¹⁾. Фраза: «Итакъ, если оба они возвѣщаютъ слово [истины]: одинъ—письменно (τῆ γραφῆ), а другой—устно (τῆ φωνῆ), то не оба ли они достойны одобренія (ἀποδοκτεῖσι), такъ какъ [оба они] производятъ (πεποιημένοι) вѣру дѣлательную черезъ любовь (ἐνεργὸν τὴν πίστιν διὰ τῆς ἀγάπης)» ²⁾, была бы неожиданной, а заключительное τοῖνον—и совершенно непонятнымъ, если бы и выше, въ недостающей части первой главы, писатель и проповѣдникъ словомъ не сопоставлялись и не опредѣлялись оба въ качествѣ «дѣлателей неукоризненныхъ». «Подлинно «жатвы много, а дѣлателей мало» ³⁾, поэтому поистинѣ должно молиться, чтобы у насъ было изобиліе (εὐπορία) по возможности болѣе многихъ (ὅτι μάλιστα πλείονων) дѣлателей. Земледѣліе же двояко: одно—устное (ἄγραφοι), другое—письменное (ἔγγραφοι) Но какимъ бы изъ этихъ двухъ способовъ дѣлатель Господень ни сѣялъ благородную пшеницу и ни умножалъ колосьевъ и пожиналъ ихъ, истинно божественный земледѣлецъ обнаружится» ⁴⁾. Если въ дальнѣйшемъ Климентъ настойчиво подчеркиваетъ, что его сочиненіе есть лишь неискусный образъ мыслей его учителей, что оно написано по воспоминаніямъ и должно служить лекарствомъ противъ забывчивости старѣющей памяти, то мы получаемъ, такимъ образомъ, право съ полной увѣренностью заключать отсюда, что эти блаженные и достославные мужи принадлежали къ тѣмъ земледѣльцамъ, которые только словомъ сѣяли благородную пшеницу, т. е. не писали. Климентъ и прямо говорить это и объясняетъ, почему пресвитеры не писали. «Пресвитеры же не писали и потому, что они не желали, чтобы отъ заботы объ [устномъ] наученіи преданію ихъ отвлекала другая забота—писать (μητε ἀπασυρολεῖν τῆ διδασκαλικῆν τῆς παραδόσεως φροντίδα τῆ περι τὸ γράφειν ἄλλῃ φροντίδι). и потому, что не хотѣли тратить на писаніе время, [необходимое для] размысленія о томъ, что они намѣрены были сказать (μηδὲ μὴν τὸν τοῦ προσκέπεισθαι τὰ λευθηρόμενα καιρὸν καταναλίσκοντες εἰς

¹⁾ 2 Тим. II, 15. Ср. Str I, 3, 3 St II, 4.

²⁾ Str. I, 4, 1 St II, 4.

³⁾ Мѡ. IX, 37—38; Лк. X, 3.

⁴⁾ Str. I, 7, 1 St II, 6.

γραφῆν). Но, можетъ быть, они были убѣждены въ томъ, что сочинительство и наученіе—долгъ не одной и той же природы, и потому [первое] предоставляли тѣмъ, кто родился на это (τάχα δὲ οὐδὲ τῆς αὐτῆς φύσεως κατόρθωμα τὸ συντακτικὸν καὶ διδασκαλικὸν εἶδος εἶναι πεπεισμένοι τοῖς εἰς τοῦτο πεφοκῶσι συνεχωροῦν). Одинъ потокъ—говорящаго—безиренятственно и стремительно несется, и онъ можетъ гдѣ-нибудь быстро и увлечь (τὸ μὲν γὰρ ἀκωλότως καὶ μετὰ ῥύμης φέρεται ῥεῦμα τοῦ λέγοντος καὶ τοῦ τάχα καὶ συναρπάσαι ὀνάμενον); другой же—[пишущаго],—всегда подвергаясь испытыванію со стороны читателей, требуетъ точнаго до конца изслѣдованія и усердія и есть, такъ сказать, закрѣпленіе на письмѣ [устнаго] наученія, ибо такимъ образомъ, чрезъ сочиненіе, [живой] голосъ остается и для потомковъ (τὸ δὲ ὑπὸ τῶν ἐντογγανόντων ἐκάστοτε βασανιζόμενον ἀκριβοῦς τῆς ἐξετάσεως τογγάνον, ἄκρας καὶ τῆς ἐπιμελείας ἀξιοῦται, καὶ ἐστὶν οἷον εἰπεῖν ἔγγραφος διδασκαλίας βεβαίωσις καὶ εἰς τοὺς ὀψιγόνους οὕτως διὰ τῆς συντάξεως παραπεμπομένης τῆς φωνῆς). Пбо залогъ пресвитеровъ, говоря черезъ сочиненіе, пользуется помощью пишущаго для преданія [грядущимъ поколѣніямъ] того, о чемъ будутъ читать (ἡ γὰρ τῶν πρεσβυτέρων παρακαταθήκη διὰ τῆς γραφῆς λαλοῦσα ὑποργῶ χρήται τῷ γράφοντι πρὸς τὴν παράδοσιν τῶν ἐντευξομένων) ¹⁾. Это замѣчательное мѣсто изъ П р о р о ч е с к и х ъ г л а в ѣ проливаетъ совершенно опредѣленный свѣтъ на первую главу первой книги Строматъ. Климентъ принадлежалъ къ тѣмъ, еис тоῦτο πεφοκῶσι и понималъ τὸ συντακτικὸν εἶδος, какъ свое κατόρθωμα. Но, осуществляя этотъ долгъ своей природы, онъ чувствовалъ, что становится въ противорѣчіе не только съ возрѣніями тѣхъ многихъ, для которыхъ «литературныя произведенія (то же, что) лира для осла, какъ говорятъ пользующіеся пословицами. Вѣдь, свиньи больше «находятъ удовольствія въ грязи», нежели въ чистой водѣ» ²⁾, но и съ практикой блаженныхъ мужей, его учителей. Поэтому въ началѣ самаго крупнаго своего творенія Климентъ принужденъ былъ указать, что, и писатель и проповѣдникъ, оба возвѣщаютъ слово истины и оба являются воздѣлывателями нивы Господней.

¹⁾ Eclogae propheticae, 27 St III, 144.

²⁾ Str. I, 2, 2 St II, 4.

Должно ли, однако, отсюда заключать, что пресвитеры Кли-мента и вообще никогда ничего не писали? Мы этого не думаемъ и главнымъ образомъ въ силу непоколебимой увѣренности въ томъ, что первымъ учителемъ Климента, іонійцемъ по происхожденію, съ которымъ онъ встрѣтился еще въ Элладѣ, былъ Аѳинагоръ, «аѳинскій философъ» и апологетъ. Пантенъ, вѣроятно, и дѣйствительно ничего не писалъ. Сообщение Евсевія кесарійскаго о συγγραμματα Пантена ¹⁾ — свидѣтельство не авторитетное. Если бы Евсевій располагалъ точными указаніями на литературную дѣятельность Пантена, онъ не преминулъ бы дать перечень и опредѣлить предметъ его произведеній, а не ограничился бы этимъ неопредѣленнымъ συγγραμμάτων ²⁾. Свои свѣдѣнія о Пантенѣ Евсевій почерпалъ изъ упоминаній о немъ у Климента, Александра іерусалимскаго ³⁾, Оригена ⁴⁾, Памфила ⁵⁾, а также и изъ устнаго преданія, и ссылки Климента на слова Пантена появля въ смыслѣ указанія на συγγραμματα послѣдняго. Блаженный Іеронимъ для 36 главы своего сочиненія О знаменитыхъ мужахъ ⁶⁾ не имѣетъ другого источника, кромѣ Церковной исторіи ⁷⁾ и Хроникъ ⁸⁾ Евсевія, но его данныя онъ дополняетъ уже отъ «вѣтра главы своей», почему и говорить, между прочимъ, о multi in Sanctam Scripturam commentarii Пантена ⁹⁾. Указанія Анастасія Синаита и Максима Исповѣдника на эзегетическіе труды Пантена могутъ быть сведены къ ссылкамъ и упоминаніямъ о немъ у Климента ¹⁰⁾.

Но Аѳинагоръ писалъ, а между тѣмъ несомнѣнно, что онъ былъ однимъ изъ учителей Климента и, именно, первымъ

¹⁾ HE, V, 10, 4 Schwartz, 450.

²⁾ Bardenheuer O., Geschichte der altkirchlichen Literatur, B. II, Freiburg im Br., S. 15.

³⁾ *Eusebii*, HE, VI, 14, 8 Schwartz, 550.

⁴⁾ *Ibidem*, VI, 19, 13 Schwartz, 562.

⁵⁾ *Pomii*, Bibliotheca, c. 118 MG, t. III, col. 397.

⁶⁾ De viris illustribus, 36 Richardson (TU XIV, 1), 26.

⁷⁾ HE, V, 10 Schwartz, 450.

⁸⁾ Chronicon ad 2209 a. Abr. Schoene II, 174.

⁹⁾ Cp. *Sychowsky St.*, Hieronymus als Litterarhistoriker, Münster i. W. 1894, S. 125—127; *Bernoulli C. A.*, Der Schriftstellerkatalog des Hieronymus, Freiburg i. B. und Leipzig 1895, 134—135, 166—167, 201—202, 233, 238—239.

¹⁰⁾ *Preuschen* у Harnacka, Ueberlieferung und der Bestand, S. 294—295.

изъ нихъ. Эта наша увѣренность покоится на документѣ, въ самой важной своей части еще не расшифрованномъ, однако уже рѣшительно осужденномъ. Разумѣемъ фрагментъ изъ Христіанской исторіи Филиппа сидскаго ¹⁾. Когда для сужденія о громадномъ трудѣ вы располагаете только небольшими отрывками ²⁾, то нужна особая осмотрительность при ихъ чтеніи и истолкованіи. Въ отношеніи Филиппа этотъ долгъ научной осторожности не соблюденъ. Небольшой интересующій насъ въ данномъ случаѣ фрагментъ изъ его исторіи опубликованъ Додвелемъ, но ученому міру онъ извѣстенъ преимущественно лишь въ извлеченіи, сдѣланномъ Мараномъ ³⁾. Позволяемъ себѣ дать переводъ его цѣликомъ по тексту Додвеля, ибо, взятый въ такомъ объемѣ, онъ оставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ исторіей Филиппа не прямо, а чрезъ посредство эксерптора. «И говорить Филиппъ сидскій въ словѣ 24 (κδ): «Александрійскимъ училищемъ первымъ руководилъ Аѳинагоръ, славившійся во времена Адриана и Антонина, предъ которыми онъ и произнесъ свое прошеніе за христіанъ (τὸν ὑπὲρ χριστιανῶν πρεσβυτηκὸν προσηφώνησεν), — мужъ, исповѣдававшій христіанство въ той же самой точкѣ [философа, которую онъ носилъ] и стоя во главѣ академической школы (ἀνὴρ ἐν αὐτῷ χριστιανίας τῷ τρίβωνι καὶ τῆς Ἀκαδημαϊκῆς σχολῆς προϊστάμενος). Имѣя желаніе [еще] прежде Кельса писать противъ христіанъ, онъ обратился, къ божественнымъ писаніямъ, чтобы основательно бороться, и такъ былъ восхищенъ всесвятымъ Духомъ, что, подобно великому Павлу, вмѣсто гонителя сдѣлался учителемъ той вѣры, которую преслѣдовалъ». Его ученикомъ былъ, говорить Филиппъ, Климентъ Строматевсъ, и Пантенъ [былъ ученикомъ] Климента (τούτου μαθητὴν γενέσθαι φησὶν ὁ Φίλιππος τὸν Στρωματέα Κλήμεντα καὶ Πάντανον τοῦ Κλήμεντος). Но Пантенъ, также аѳинянинъ, былъ философъ пифагорейскій (ὁ δὲ Πάντανος καὶ αὐτὸς Ἀθηναῖος ὑπῆρχεν φιλόσοφος Πυθαγορείος). Евсевій же, напротивъ, говорить, что учителемъ Климента

¹⁾ *Dodwellus H.*, *Dissertationes in Irenaeum*, Oxoniae 1689, p. 488.

²⁾ *Boor C.*, *Neue Fragmente des Papias, Hegesippus und Pierius in bisher unbekanntem Excerpten aus der Kirchengeschichte des Philippus Sidetes* (TU V, 2), S. 169—171.

³⁾ *MG*, t. VI, col. 182.

быль Пантень, о которомъ, именно, какъ объ учителѣ, упоминается въ Ипотипосахъ. Этотъ же Пантень имѣлъ ученикомъ-преемникомъ, стоявшимъ послѣ него во главѣ того училища (*οὐδιδασκαλείου*), по Филиппу, Оригена, по Евсевію же, Климента и послѣ Климента Оригена. Но [правъ] тотъ или другой, во всякомъ случаѣ четвертымъ во главѣ христіанской школы стоялъ Оригенъ. Послѣ Оригена — Пракль; послѣ этого — Діонисій; послѣ этого — Шерій; послѣ Шерія — Θεογность; послѣ этого — Серапіонъ; послѣ этого — Петръ, великій епископъ, сдѣлавшійся мученикомъ; послѣ Петра — Макарій, котораго его современники называли *Πολιτικόν*; послѣ этого — Дидимъ, послѣ Дидима — Родонъ, который, по Филиппу, и перевелъ училище въ этотъ самый городъ Сиды во времена Θεοδοσία великаго. Филиппъ говоритъ, что онъ учился у этого Родона и очень много свидѣтельствуетъ относительно знанія имъ сочиненій какъ нашихъ [христіанскихъ], такъ и вѣдшихъ [языческихъ]». Эксцерпторъ, повидимому, воспроизводитъ слова Филиппа со всею точностью по тому списку исторіи, какой у него былъ подъ рукою, только въ самомъ концѣ опутивъ *πλείστα ραρτόρια* Филиппа относительно начитанности Родона. Во всякомъ случаѣ въ этихъ двухъ предложеніяхъ: *τοῦτου μαθητὴν — Κλήμεντος. Ὁ δὲ Πάνταινος — Πυθαγορείος*, эксцерпторъ говоритъ словами Филиппа, у котораго, конечно, стояла прямая рѣчь. Но здѣсь-то и содержится явная ошибка: Пантень былъ не ученикомъ, а учителемъ Климента. Эксцерпторъ въ ней неповиненъ. Онъ точно воспроизводитъ въ данномъ случаѣ, именно, то, что онъ вычиталъ у Филиппа, удивляется его сообщенію и потому противопоставляетъ ему свидѣтельство Евсевія. Вопросъ, следовательно, ставится такимъ образомъ: эта ошибка изобличаетъ или невѣжество Филиппа, или небрежность переписчика. Репутація Филиппа, какъ историка, незавидная. Сократъ ¹⁾ и Фотій ²⁾ согласно характеризуютъ его Христіанскую исторію, какъ трудъ напыщенный, сливающий времена исторіи (*τοὺς χρόνους τῆς ἱστορίας συγχέει*), многословный, трактующій о многихъ предметахъ, къ исторіи не имѣющихъ рѣшительно никакого отношенія, и потому

¹⁾ *Historia Ecclesiastica* VII, 27 *Husséy*, 795—796.

²⁾ *Bibliotheca*, 35 *M G*, t. III, col. 68.

одинаково непригодный и для простецовъ и для ученыхъ ¹⁾. Однако, никто не обвиняетъ Филиппа въ томъ, чтобы онъ говорилъ нелѣпности, подобныя той, какую мы находили здѣсь. Все построение данныхъ двухъ предложеній свидѣтельствуеетъ о томъ, что текстъ Филиппа въ данномъ мѣстѣ подвергся искаженію со стороны переписчика. Климентъ—ученикъ Аѳинагора, а Пантень—ученикъ Климента, это—противопоставленіе, и при переходѣ отъ одной мысли къ другой естественно было ожидать дѣ, поставлено же простое соединительное καί. Далѣе о Пантенѣ говорится: а) «также аѳинянинъ», б) «но... былъ философъ пифагорейскій». Здѣсь Пантень, несомнѣнно, сопоставляется съ Аѳинагоромъ, аѳиняниномъ, стоявшимъ нѣкогда во главѣ академической школы. Но какой смыслъ могло бы имѣть сопоставленіе ученика съ учителемъ его учителя? Сопоставленіе Аѳинагора и Пантена могло бы имѣть мѣсто и смыслъ только въ томъ случаѣ, если въ подлинномъ текстѣ Филиппа читалось: Τοῦτου μαθητῆς ἐγένετο ὁ Στρατηεὺς Κλήμης καὶ Πάνταινος ἐγένετο διδάσκαλος τοῦ Κλήμεντος· ὁ δὲ Πάνταινος καὶ αὐτὸς Ἀθηναῖος ὑπῆρχεν φιλόσοφος Πυθαγορείος. Μετὰ τοῦτον (Κλήμεντα) Ὀριγένης. Далѣе слѣдовала бы сухой перечень александрійскихъ катихитовъ съ однообразнымъ μετὰ. Одинъ изъ переписчиковъ исторіи Филиппа, опустивъ эти два слова: ἐγένετο διδάσκαλος, искажилъ подлинный смыслъ оригинала, и потому эксцерпторъ подъ тоῦτον послѣ перваго μετὰ разумѣлъ уже не Климента, а Пантена. Это обстоятельство побудило его дать справку изъ Евсевія, но въ дальнѣйшемъ онъ точно воспроизводитъ текстъ Христіанскои исторіи. Такимъ образомъ Филиппъ относительно раннѣйшихъ судебъ александрійской катихитической школы сообщаетъ слѣдующія данныя: а) первымъ катихитомъ ея былъ Аѳинагоръ, вторымъ—ученикъ и преемникъ Аѳинагора Климентъ, третьимъ ²⁾ Оригенъ. Онъ признаетъ, что «и Пантень былъ учите-

¹⁾ *Μιροносиτικὴ Π. Π.*, Аѳинагоръ, христіанскій апологетъ II вѣка, Казань 1894, стр. 12—13.

²⁾ Филиппъ, конечно, не обозначалъ точно, какимъ именно по счету былъ тотъ или другой катихитъ. Τέταρτος появилось только у эксцерптора въ прямомъ противорѣчій какъ съ Филиппомъ, для котораго Оригенъ есть всего лишь τρίτος, такъ и съ Евсевіемъ, который въ ряду исторически извѣстныхъ катихитовъ александрійской школы на третьемъ мѣстѣ называетъ Оригена.

лемь Климента», но дѣлаетъ это, какъ бы уступая авторитету какого-то общеизвѣстнаго свидѣтельства о раннѣйшихъ пред-стоятеляхъ александрійской школы, и съ довольно странной оговоркой: «но Пантенъ, также аѳинянинъ, былъ философъ пифагорейскій».

Когда историкъ и притомъ настолько неумѣлый, какъ Филиппъ, повѣствуетъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ, то цѣнность его сообщеній зависитъ, прежде всего, отъ цѣнности его источниковъ. Списокъ катихитовъ отъ Родона до Оригена, простой и схематическій, Филиппъ могъ дать на основаніи устнаго преданія, со словъ, напр., своего учителя Родона. Но замѣчанія относительно Аѳинагора, Пантена и ихъ отношенія къ Клименту—другого происхожде-нія. Объ Аѳинагорѣ Филиппъ сообщаетъ, что онъ а) до обра-щенія въ христіанство стоялъ во главѣ академической школы; б) намѣренъ былъ еще прежде Кельса писать противъ хри-стіанъ; в) въ цѣляхъ болѣе основательной полемики началъ изучать божественныя писанія, но такъ былъ восхищенъ все-святымъ Духомъ, что, подобно великому Павлу, вмѣсто гони-теля сдѣлался учителемъ той вѣры, которую преслѣдовалъ; г) по обращеніи въ христіанство продолжалъ носить тогу фи-лософа; что д) время расцвѣта его дѣятельности падаетъ на совмѣстное царствованіе двухъ императоровъ: Адріана и Ан-тонина (?), е) которымъ онъ и представилъ свое *ὄπερ χριστιανῶν πρᾶξαιστικόν*. Здѣсь въ немногихъ строкахъ додвелевскаго фраг-мента дана сжатая, яркая, съ любовью къ личности апологета написанная и искусно построенная характеристика Аѳинагора. Это перо не Филиппа, который въ дальнѣйшихъ строкахъ фраг-мента даетъ сухой перечень съ трафаретнымъ *μετά*; это мастерское перо большого писателя, который имѣетъ точныя свѣдѣнія ¹⁾ объ Аѳинагорѣ, знаетъ его апологию, знаетъ и то,

¹⁾ Мы предвидимъ возраженіе: «какія же это точныя свѣдѣнія», если утверждается, что апологія была подана Адріану и Антонину (?), между тѣмъ и изъ надписанія, и изъ содержанія самой апологіи ясно, что она была подана Марку Аврелію и Комоду» (Schwartz E., *Athenagorae libellus pro Christianis. Oratio de resurrectione cadaverum*, TU IV, 2, Leipzig 1891, S. 1, 20, 47; ср. *Мироносицкій II. II.*, Аѳинагоръ, христіанскій апологетъ II вѣка, стр. 35—36, 42—45),—и шаримъ его указаніемъ на другой аналогичный

что она подана была *двумъ* императорамъ. Онъ не александриецъ и не ученикъ александрійской школы. Александрійскія преданія ничего не знали объ Аѳинагорѣ. Этотъ писатель, по-лемизируя, предполагаемъ мы, противъ Оригена, противопоставилъ его воззрѣнiямъ точку зрѣнiя Аѳинагора, оговоривъ предварительно, что апологетъ Аѳинагора не совсѣмъ постороннее лицо для Оригена, что онъ—учитель его учителя, Климента Филиппи, уроженецъ *пимфилійскаго* города *Сидъ* ¹⁾, хорошо зналъ сочиненiя этого писателя, и въ его сознанiи прочно закрѣпилась мысль, что Аѳинагоръ—учитель Климента. Когда же затѣмъ въ своемъ трудѣ Филиппи подошелъ къ исторiи александрійскаго училища, то эта мысль была использована имъ по такой вполне естественной логикѣ: Климентъ александрійскiй катихизъ, Аѳинагоръ—его учитель; следовательно, Аѳинагоръ—александрійскiй катихизъ; поэтому онъ увѣренно написалъ: τὸ διδασκαλεῖον τοῦ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ Ἀθηναγόρας πρῶτος ²⁾ ἡγήσατο, и въ дальнѣйшемъ позаимствовалъ изъ своего источника характеристику Аѳинагора и его замѣчанiе о томъ, что Аѳинагоръ былъ учителемъ Климента. Первые два звена въ преемствѣ александрійскихъ катихитовъ были такимъ образомъ установлены. Но здѣсь Филиппи сталъ въ противорѣчiе съ извѣстнымъ ему свидѣтельствомъ Евсевiя о

фактъ, имѣвшiй мѣсто тоже относительно адресата апологiи. Въ сирийскомъ переводѣ апологiи Аристиды читается: «Апологiя, которую держалъ Аристидъ философъ предъ царемъ Адрианомъ въ защиту почитанiя Бога. Автократоръ Цезарь Титъ Арианъ Антонинъ, августѣйшiе и милостивые» (ср. Harris J. R. The Apologie of Aristides. Texts and Studies I. 1. Cambridge 1893, p. 7-8, 35, 52; *Крестниковъ II*, Христианскiй апологетъ II вѣка, аѳинскiй философъ Аристидъ и его новооткрытыя сочиненiя. Казань 1904. 104—106, 118—119 и др.). Въ концѣ концовъ и здѣсь подъ «августѣйшiе и милостивые» подразумѣвались, очевидно, Адрианъ и Антонинъ. Фактъ поучительный. Разъ между нами и источникомъ Филиппа стоитъ такой длинный рядъ посредниковъ, то имена императоровъ, особенно если они въ какой-либо посредствующей инстанцiи были написаны сокращенно, легко могли подвергнуться искаженiю или неправильному истолкованiю.

¹⁾ *Сократъ*, HE, VII, 26 Hussey, 794.

²⁾ Евсевiй съ осторожностью подлиннаго ученаго въ аналогичномъ случаѣ пишетъ: ἡγήσατο δὲ τριζυβῆτα (HE, V, 10, 1 Schwartz, 450), Филиппи же со смѣлой рѣшительностью мало осведомленнаго историка ставитъ: πρῶτος ἡγήσατο.

томъ, что Пантень былъ учителемъ Климента ¹⁾ и его предшественникомъ по управленію александрійской школой ²⁾. Не сумѣвъ примирить показанія своего источника и Евсевія, которые въ дѣйствительности не противорѣчили другъ другу, такъ какъ источникъ ничего не говорилъ относительно александрійской школы, Филиппъ просто-на-просто отмахнулся отъ Пантена, заявивъ, что «и Пантень былъ учителемъ Климента», но его нельзя отождествлять съ Доинагоромъ, ибо Пантень, хотя онъ былъ «также аонянинецъ», принадлежалъ не къ академической, а къ ионагорейской школѣ. Этимъ вопросъ о Пантени былъ исчерпанъ. Послѣдующее *μετὰ τούτου* обозначало: «послѣ Климента». *Καὶ αὐτός Ἀθηναῖος*—очень знаменательно. Оно показываетъ, что въ источникѣ стояло: *Ἀθηναγόρας Ἀθηναῖος*, что источникъ дѣйствительно ничего не говорилъ объ Александріи, но Филиппъ, истолковавъ все его сообщеніе объ Доинагорѣ, какъ первую страницу изъ исторіи александрійской школы, умышленно опустилъ *Ἀθηναῖος*, а затѣмъ, когда принужденъ былъ заговорить о Пантени, самъ же и уличилъ себя въ этомъ пропускѣ.

Такимъ образомъ первыя строки додвелескаго фрагмента изъ исторіи Филиппа сохранили намъ свидѣтельство какого-то авторитетнаго, для Филиппа болѣе близкаго и болѣе авторитетнаго, чѣмъ Евсевій, древне-церковнаго писателя, можетъ быть, Меодія *олимпскаго*, объ Доинагорѣ и его отношеніи къ Клименту, и онѣ и должны быть оцѣниваемы съ этой точки зрѣнія. Предположеніе, давно уже высказанное на западѣ, что Доинагоръ былъ однимъ и, вѣрно, первымъ изъ учителей Климента, находитъ здѣсь блестящее и авторитетное подтвержденіе, и открывается возможность дополнить показанія Климента относительно его пресвитеровъ данными заимствуемыми изъ твореній Доинагора. Въ свою очередь, и личность послѣдняго выступаетъ уже въ освѣщенія не пререкаемаго Филиппа, а двухъ авторитетныхъ древне-церковныхъ писателей, изъ которыхъ одинъ—Климентъ александрійскій, а другой—неизвѣстный намъ по имени, въ точности, но въ

¹⁾ HE, V, 11, 2; VI, 13, 2 Schwartz, 452, 546.

²⁾ HE, VI, 6, 1 Schwartz, 534.

роятно, Меѳодій олимпскій. Климентъ ничѣмъ не обнаруживаетъ своего знакомства съ твореніями Аюпагора. Очевидно, ученикъ и учитель разстались до 176—180 г., когда послѣднимъ была написана его апологія. Можно утверждать даже большее: Климентъ оставилъ Эладу до 165 г. Въ противномъ случаѣ фактъ, имѣвшій мѣсто на олимпійскихъ играхъ этого года и вызвавшій, конечно, много толковъ по всей Эладѣ—самосожженіе Перегринна (Протея)—нашелъ бы какое-нибудь отраженіе на страницахъ твореній александрійскаго катихита. Но Климентъ могъ и знать о литературной дѣятельности Аюпагора и тѣмъ не менѣе поставить его въ ряду *не* писавшихъ пресвитеровъ, руководясь въ данномъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что Аюпагоръ, выражаясь языкомъ Лонгина, не имѣлъ властнаго побужденія писать; если же и писалъ, то лишь уступая давленію внѣшнихъ обстоятельствъ и не о тѣхъ *μυστήρια μυστήριον*, о которыхъ Климентъ боялся не только писать, но и говорить.

Для рѣшенія вопроса объ именахъ остальныхъ четырехъ учителей Климента какихъ-либо опредѣленныхъ данныхъ нѣтъ. Предположеніе Баронія ¹⁾, что подъ евреемъ изъ Палестины должно разумѣть Теофила, а подъ уроженцемъ Ассиріи—Вардесана, отпадаетъ: Теофиль былъ язычникъ по происхожденію ²⁾, а не еврей, Вардесанъ же моложе Климента лѣтъ на десять и только обратился еще въ христіанство въ то время, когда послѣдній, вѣроятно, находился уже въ Александріи ³⁾. Съ большимъ на первый взглядъ правомъ называютъ ⁴⁾ въ качествѣ учителей Климента, Татіана и Кассіана. Во всякомъ случаѣ—въ пользу этого тезиса могутъ быть приведены нѣкоторыя основанія.

Климентъ хорошо знакомъ съ произведеніями Татіана и утверждаетъ, что послѣдній былъ *ὁ Σόφορ* ⁵⁾. Изъ другихъ

¹⁾ *Annales Ecclesiastici*, t. II, Antverpial 1617, p. 242.

²⁾ *Bardehauer O.*, *Geschichte der altkirchlichen Litteratur*, B. I, Freiburg im Br., S. 281.

³⁾ Ср. *Barkitt F. C.*, *Early Eastern Christianity*. London 1904, p. 30, 157, 159.

⁴⁾ *Zahn Th.*, *Supplementum Clementinum*, S. 163; *Gabrielsson J.*, I, 18.

⁵⁾ *Str* III, 81, I St II, 232.

источниковъ мы знаемъ, что Татіанъ, ученикъ Іустина Філософа ¹⁾, обратился въ христіанство въ Римѣ и здѣсь же, въ Римѣ, дѣйствовалъ въ качествѣ христіанскаго учителя ²⁾. Въ 172 или 173 году онъ возвратился на востокъ ³⁾ и составилъ на сирійскомъ языкѣ гармонію четырехъ евангелій, извѣстную подъ именемъ Діатессарона ⁴⁾. Легко сдѣлать выводъ, что Татіанъ и былъ именно тѣмъ учителемъ, уроженцемъ Кили — *Syria*, съ которымъ Климентъ встрѣтился въ *Великой Элладѣ*. *Stromata* I, XXI начинаются слѣдующими словами: «Нѣсколько позже мы будемъ говорить и относительно того, что ученія (τὰ δόγματα) философовъ коварно позаимствованы у евреевъ. Но сначала, — и это будетъ послѣдовательно, — должно сказать относительно времени Моисея, благодаря чему безспорно обнаружится, что еврейская философія древнѣе всякой другой мудрости. Объ этомъ предметѣ подробно сказано Татіаномъ въ его (словѣ) Къ эллинамъ, сказано и Кассіаномъ въ его первой книгѣ Экспититикъ, по тѣмъ не менѣе эта *памятная записъ* (τὸ ὑπόμνημα) требуетъ, чтобы и мы простиѣдили сказанное по данному предмету» ⁵⁾. Раньше Климентъ настойчиво подчеркивалъ, что его *Строматы*, это — ὑπόμνημα рѣчей тѣхъ блаженныхъ мужей, которыхъ онъ удостоился слышать. Теперь онъ отмѣчаетъ, что и тотъ отдѣлъ первой книги *Строматъ*, гдѣ путемъ хронологическихъ выкладокъ доказывается, что еврейская философія древнѣе всякой другой, есть тоже ὑπόμνημα, и именно въ этомъ отдѣлѣ широко пользуется трудами Татіана и Кассіана. По видимому, послѣдовательнымъ является заключать отсюда, что однимъ изъ учителей Климента былъ, на ряду съ Татіаномъ, также и Кассіанъ. О немъ мы знаемъ немного и преимущественно со словъ самого Климента. Кассіанъ вышелъ изъ

¹⁾ *Приней*, Adversus haereses I, 28, 1 Stieren I, 259; ср. *Ессевій*, HE, IV, 29, 1 Schwartz, 390.

²⁾ *Ессевій*, HE, V, 13, 1 Schwartz, 454.

³⁾ *Ессевій*, Chronicon ad a. Abr. 2188 Schoene II, 173; *Енуфаний*, Haereses XLVI, 1 MG, t. XLI, col. 840.

⁴⁾ Zahn Th, Geschichte des Neutestamentlichen Kanons, B. I, Hälft. 1, Erlangen 1888, S. 389—422.

⁵⁾ Stählin II, 64.

школы Валентина ¹⁾ и является родоначальникомъ (ἐξάρχων) докетизма ²⁾. Фрагменты изъ произведенія Кассіана, О воздержаніи или о цѣломъ удрїи, которые читаются у Климента ³⁾, и полемика послѣднѣяго ⁴⁾ показываютъ, что логическое удареніе въ системѣ Кассіана падало на ученіе о бракѣ и дѣтороденія, какъ злѣ, что это ученіе обосновывалось аллигорическимъ истолкованіемъ Св. Писанія ⁵⁾ и опиралось прежде всего на апокрифическое «евангеліе египтянъ» ⁶⁾, что ἡ δόκησις Кассіанѣ являлось лишь результатомъ хулы на τὸ πνεῦμα τῆς κτίσεως. О Кассіанѣ Климентъ говоритъ два раза и оба раза послѣ Татіана. Отсюда дѣлаютъ тотъ выводъ, что литературная дѣятельность Кассіана развивалась «приблизительно одновременно» съ дѣятельностью Татіана послѣ его разрыва съ церковью ⁷⁾. Мы идемъ дальше и предполагаемъ, что Татіанъ и Кассіанъ были связаны узами личной дружбы. Послѣднія были завязаны въ Римѣ, гдѣ Татіанъ одно время, очевидно, близко стоялъ къ валентиніановскимъ кругамъ, разъ Иринея утверждаетъ о немъ, что онъ «подобно ученикамъ Валентина измыслилъ нѣкіе невидимые зоны» ⁸⁾; тамъ же онъ и упрочились на почвѣ совмѣстной дѣятельности Татіана и Кассіана въ качествѣ литературныхъ вождей энкратитовъ. Вторымъ учителемъ, египтяниномъ по происхожденію, съ которымъ Климентъ встрѣтился въ Великой Элладѣ легко могъ быть въ такомъ случаѣ Кассіанъ, должно думать, уроженецъ Египта: «евангеліе египтянъ» здѣсь и появилось, и пользовалось распространеніемъ ⁹⁾. Когда Татіанъ возвратился

¹⁾ Str. III, 92, 1 St II, 238.

²⁾ *Ibidem*, 91, 1 St II, 328.

³⁾ а) Str. III, 91, 1—2 St II, 238¹¹⁻¹⁸; б) *ibidem*, 92, 1, St II, 238¹⁹⁻²¹; в) *ibidem*, 92, 2 St II, 238²³⁻²⁶.

⁴⁾ Str. III, 91—104 St II, 238—244.

⁵⁾ Ср. *ibidem*, 95, 2 St II, 239—240.

⁶⁾ *Ibidem*, 92, 2 St II, 238; ср. Str. III, 45, 3; 63—64 St 217, 225; Excerpta ex Theodoto, 67 St III, 120; II Clementis ad Cor. XII, 2 Funk I, 198.

⁷⁾ Harnack A., Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius, B. Leipzig 1897, S. 535.

⁸⁾ Иринея, Adversus haereses I, 28, 1 Stieren I, 259. Ср. *Кассіанъ*, HE IV, 29, 3 Schwartz, 390.

⁹⁾ Zahn Th., Geschichte des Neutestamentlichen Kanons, B. II, Hält. 2, Erlangen—Leipzig 1892, S. 628—631.

на востокъ, то вмѣстѣ съ нимъ, предполагаемъ мы, отправился туда и Кассіанъ. Распространеніе здѣсь докетизма, на которое обратилъ серьезное вниманіе Сераніонъ антиохійскій ¹⁾, очевидно, составляетъ результатъ его дѣятельности ²⁾. Предполагать, что Татіанъ и Кассіанъ были учителями Климента, представляется, повидимому, тѣмъ естественнѣе, что въ такомъ случаѣ были бы ясны ближайшіе мотивы его путешествія изъ Великой Эллады на востокъ: Климентъ путешествовалъ туда вмѣстѣ со своими учителями и, слѣдовательно, въ 172—173 году.

Но есть цѣлый рядъ оснований, для того, чтобы отвергнуть подобный тезисъ. Не говоримъ уже о томъ, что, какъ бы ни истолковывать это выраженіе: «пресвитеры не писали»,—такъ ли, что они не писали вообще, или такъ, что, если и писали, то не о самомъ главномъ, не о самомъ существенномъ, не о святой святыхъ своихъ религіозныхъ убѣжденій,—подъ него трудно подвести Татіана, писателя, безспорно, большой продуктивности ³⁾. Оставляемъ въ сторонѣ также и то, что *Stromata* I, XXI, гдѣ Климентъ воспроизводитъ хронологическія выкладки Татіана и Кассіана, отнюдь не могутъ быть понимаемы, какъ воспроизведеніе уроковъ его учителей, уже по одному тому, что «свѣтлыя и одушевленные слова» послѣднихъ не были, какъ объ этомъ говоритъ весь ходъ мыслей въ *Str. I, I*, записаны. Всегда полемическій тонъ Климента въ отношеніи къ Татіану и Кассіану ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что они не принадлежали къ тѣмъ достопочтеннымъ мужамъ, о которыхъ александрійскій катихизъ всегда хранитъ благоговѣйную память и которымъ онъ даетъ такую высокую нравственную оцѣнку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Сагарда.

¹⁾ *Essays*, HE, VI 12, 6 Schwartz, 546.

²⁾ Ср. *Zahn Th.*, Geschichte des Neutestamentlichen Kanons, II, 2, 635—636.

³⁾ Ср. *Bardenheuer O.*, Geschichte, II, 245—262.

Дорогой памяти друга Россіи и Восточной церкви
И. В. Биркбека († $\frac{27 \text{ Май}}{9 \text{ Юнь}}$ 1916).

Now the labourer's task is over;
Now the battle day is past;
Now upon the farther shore
Lands the voyager at last.
Father, in Thy gracious keeping
Leave we now Thy servant sleeping.

(Англиканскій гимнъ при погребеніи).

Въ концѣ мая 1916 г. въ Англии, въ своемъ имѣннѣ Stratton Sawless Nail, около стариннаго города Норича, скончался послѣ непродолжительной болѣзни (воспаленіе легкихъ), очень видный церковный дѣятель англиканства—И. В. Биркбекъ, который былъ хорошо извѣстенъ и въ Россіи. Мистеръ Биркбекъ, точно предчувствуя свою кончину, сдѣлалъ свой послѣдній визитъ въ Россію, гдѣ онъ такъ любилъ встрѣчать Св. Пасху, и именно въ Москвѣ и уѣхалъ домой въ половинѣ мая, напутствуемый самыми лучшими пожеланіями своихъ друзей въ Россіи, и полный разныхъ плановъ касательно будущаго, особенно вопроса о сближеніи русской и англиканской церкви. Незадолго до отъѣзда онъ въ третій разъ посѣтилъ меня, и мы провели нѣсколько пріятныхъ часовъ въ милой бесѣдѣ о дняхъ прошедшихъ, когда мы встрѣчались съ Биркбекомъ въ Англии,—и кто могъ бы думать, что «day of parting» наступитъ такъ скоро?! Коротенькая вырѣзка ихъ Норичской газеты, присланная мнѣ въ серединѣ юня изъ Англии, подтвердила телеграмму «Новаго Времени» объ его смерти, и теперь не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что уважаемый «Иванъ Васильевичъ Биркбекъ—увы!—оставилъ насъ навсегда. Мнѣ

лично приходилось очень часто встрѣчаться съ М. Биркбекомъ въ Англии, даже гостить въ его чудномъ имѣніи около Норича, и знать его, слѣдовательно, не только какъ церковнаго дѣятеля, но и какъ частнаго человѣка, какъ a country gentleman. Отсюда мое желаніе—бросить нѣсколько лепестковъ братской любви на могилу этого безвременно угасшаго друга «Россіи и Восточной церкви».

М. Биркбекъ родился въ 1859 г. и происходилъ изъ старинной фамиліи квакеровъ въ графствѣ Норфолькѣ. Но еще его родитель перешелъ въ англиканство, и такимъ образомъ М. Биркбекъ и по рожденію и по воспитанію всецѣло принадлежалъ англиканской церкви. Среднее образованіе онъ получилъ въ знаменитомъ Итонскомъ Коледжѣ (Eton College). Здѣсь началась сознательная религіозная жизнь Биркбека, подъ вліяніемъ извѣстнаго проповѣдника капоника Carter, и здѣсь же онъ завязалъ свою тѣсную дружбу съ другимъ, виднымъ, церковнымъ дѣятелемъ — Mr Athelstan Riley, котораго пишущему этой строки пришлось встрѣтить дважды за время пребыванія въ Англии, и однажды въ особенно пріятной обстановкѣ, среди студентовъ Trinity Collega въ Оксфордѣ, Mr Riley — самъ хорошо знакомъ съ Востокомъ и восточною церковію, но всегда высоко цѣнилъ знаніе православной церкви у почившаго друга.

По окончаніи Итонскаго коледжа Биркбекъ перешелъ въ Оксфордъ (1876 г.) и поступилъ въ одинъ изъ его лучшихъ питомниковъ юношества Magdalen College, знаменитый между прочимъ своимъ прекраснымъ хоромъ, въ которомъ поютъ только дѣти изъ хорошихъ фамилій. Подъ сводами чудной капеллы этого колледжа, повидимому, зародилась та горячая любовь къ церковной музыкѣ и пѣнію, которою всегда отличался Биркбекъ. Онъ прекрасно зналъ грегорианское пѣніе, изучилъ до тонкости англійское старинное церковное пѣніе, и обладалъ почтенными познаніями въ области и нашей церковной музыки. Онъ первый издалъ по англійски текстъ и музыку нашего гимна: «Со святыми упокой», который теперь часто можно слышать въ Англии на похоронныхъ и заупокойныхъ службахъ¹⁾. Въ русской цер-

¹⁾ Пишущему эти строки пришлось однажды пѣть этотъ кондакъ съ англійскимъ церковнымъ хоромъ въ St. Barnaba's, Pimlico, въ Лондонѣ. Позднѣе Биркбекъ издалъ текстъ всей нашей панихиды цѣлкомъ, снабдивъ это изданіе прекраснымъ введеніемъ.

ковной музыкѣ его очень интересовали крѹки и наши старинныя напѣвы. Среди современныхъ русскихъ церковныхъ композиторовъ Биркбекъ особенно любилъ А. Кастальскаго, сочиненія котораго онъ проигрывалъ у меня на фисгармоніи въ свой послѣдній визитъ ко мнѣ, удивительно тонко и умѣло указывая многія высокія достоинства этого чуднаго «баяна» старорусскаго церковнаго пѣнія ¹⁾).

«Въ Оксфордѣ, какъ и въ Итонѣ»,—пишетъ англійскій церковный журналъ «The Church Times»,—«главный интересъ Биркбека сосредоточивался вокругъ вопросовъ церковныхъ и католической вѣры. На этой основѣ завязались новыя дружественныя связи, и даже образовалось частное, небольшое общество для собесѣдованій, подъ названіемъ «общества Св. Ѳомы Кентербурійскаго». Эти интересы навсегда остались господствующими въ жизни покойнаго М. Биркбека. Вся его частная и общественная жизнь проникалась горячимъ и глубокимъ сыновнимъ чувствомъ преданности его духовной матери—англиканской церкви. Я и теперь живо вспоминаю удивительныя и поразительныя впечатлѣнія отъ домашней обстановки его жизни, которую мнѣ пришлось наблюдать у него въ имѣніи. Мнѣ пришлось провести тамъ рождественскіе праздники въ 19** году. Прекрасное шато М. Биркбека представляло собою въ собственномъ смыслѣ слова церковно-археологическій музей. Здѣсь была масса старинныхъ русскихъ иконъ, книгъ, облаченій и пр., собранныхъ Биркбекомъ во время его многочисленныхъ поѣздокъ по Россіи. Во всемъ было видно тонкое, художественное чутье собирателя. Но что было всего интереснѣе,—это домашняя прекрасная chapel, въ которой М. Биркбекъ почти ежедневно собиралъ свою семью и домочадцевъ для утренней и вечерней молитвы. Прекрасный органистъ, М. Биркбекъ выполнялъ музыку службы самъ, а равно велъ и чтеніе, въ то время какъ его младшій сынъ (Михаилъ) исполнялъ solo въ пѣніи. Весь домашній укладъ жизни М. Биркбека былъ проникнутъ церковностію въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Знакомство М. Биркбека съ Россіей началось давно (съ 1881 г.) и оно было во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно

¹⁾ Насколько мнѣ помнится, Биркбекъ издалъ по англійски «Достойно есть» Сербскаго напѣва въ переложеніи Кастальскаго. Изъ Чайковскаго Биркбекъ издалъ «Блаженіи яже избралъ».

глубоко и широко. Онъ много разъ посѣтилъ сѣверъ Россіи, былъ почти во всѣхъ главныхъ монастыряхъ центра Россіи, зналъ и очень любилъ Москву, и былъ широко знакомъ и много наблюдалъ жизнь нашихъ старообрядцевъ и раскольниковъ. Въ Англіи Биркбекъ заслуженно пользовался репутаціей хорошо освѣдомленнаго человѣка въ русскихъ дѣлахъ и вопросахъ и особенно, конечно, церковныхъ. И нужно сказать, въ своихъ сужденіяхъ о Россіи Биркбекъ всегда былъ крайне корректенъ, справедливъ и непремѣнно хорошо освѣдомленъ. На страницахъ газеты Times очень часто появлялись его статьи въ защиту Россіи и русскихъ. Такъ въ защиту Россіи онъ выступилъ съ своей весьма интересной брошюрой «Религіозное преслѣдованіе въ Галиціи», написанной въ 1912 г. Споръ поднялся по поводу письма графа Бобринскаго въ Times о преслѣдованіи православныхъ въ Галиціи. Враги Россіи выразили пожеланіе, чтобы кто нибудь изъ незаинтересованныхъ лицъ среди англичанъ провѣрилъ бы факты и утвержденія данныхъ графомъ Бобринскимъ. М. Биркбекъ принялъ вызовъ и далъ прекрасную, вполне освѣдомленную брошюру о гоненіи на православіе въ Галиціи.

Какъ челсвѣкъ хорошо знакомый съ Россіей, онъ сопровождалъ Др. Крейтона, покойнаго Лондонскаго епископа, на коронацію въ Москву въ 1896 г. Въ Англіи онъ всюду сопровождалъ покойнаго митрополита Антонія, въ бытность его тамъ въ 1897 г. на юбилей королевы Викторіи. На Бородинскія торжества онъ былъ приглашенъ самимъ Государемъ Императоромъ, а въ 1912 г. участвовалъ въ Англо-русской депутаціи. Независимо отъ этого онъ часто навѣщалъ Россію, и каждый разъ отправлялся домой, нагруженный старинными книгами, иконами и разнаго рода предметами изъ Россіи, кои потомъ украшали его домъ и особенно бібліотеку, которая по части русскихъ книгъ церковно-историческаго и литургическаго содержанія, вѣроятно, была единственной по полнотѣ бібліотекой въ Англіи.

Отношеніе Биркбека къ вопросу о сближеніи англиканской церкви съ восточной имѣло, несомнѣнно, двѣ стадіи развитія. Какъ англиканинъ, близкій по исторіи и литургически къ Риму, онъ не могъ не сочувствовать попыткѣ — добиться признанія англиканства — въ его хотя бы высокой фракціи — со стороны Рима. Здѣсь мы встрѣчаемъ Биркбека вмѣстѣ съ лордомъ Галифаксомъ, главою современнаго вы-

сокоцерковнаго направленія въ англиканствѣ. Съ Галифаксомъ и съ о. Пуллеромъ, извѣстнымъ лично и русскому обществу, Биркбекъ былъ въ Римской куріи въ то время, когда обсуждался вопросъ объ англиканскихъ посвященіяхъ. Булла папы Льва XIII, какъ извѣстно, разсѣяла надежды высокой партіи: упрямый Римъ заявилъ свое non possumus, и взоры многихъ англиканъ обратились къ Востоку. Всегда энтузіастъ по части Россіи, покойный Биркбекъ, въ послѣдніе годы, всецѣло отдался идеѣ сближенія англиканства съ Восточною церковію. Этому онъ служилъ и перомъ и словомъ.

Среди литературныхъ трудовъ Биркбека необходимо упомянуть прежде всего изданіе имъ въ 1895 г. переписки А. С. Хомякова съ Пальмеромъ, происходившей въ 1844—54 г. Для англиканъ это была книга высокой важности. Имъ же переведена статья проф. Кіевской Академіи А. И. Булгакова по вопросу объ англиканскихъ посвященіяхъ. Въ 1894 г. Биркбекъ издалъ свой докладъ на одномъ изъ провинціальныхъ собраній знаменитой English Church Union—въ Глостерѣ, подъ интереснымъ заглавіемъ: «The Prospect of Reunion with Eastern Christendom in special relation to the Russian Orthodox Church» (London. 1894). Этотъ докладъ весь посвященъ разбору и устраненію тѣхъ неправильныхъ представленій о русской церкви, ея отношеніи къ государству, о синодѣ и положеніи въ немъ оберъ-прокурора, которыя такъ глубоко пустили корни въ англиканскомъ обществѣ благодаря свѣтской прессѣ, не всегда хорошо освѣдомленной въ этихъ вещахъ. М. Биркбекъ старается дать точное описаніе положенія вещей въ Россіи, не грѣша въ то же время и особеннымъ оптимизмомъ по части скорого сближенія англиканства съ Восточною церковію. «Я пока еще ничего не сказалъ, говорить онъ, — относительно догматическихъ затрудненій, лежащихъ на пути тѣхъ изъ насъ, которые особенно стремятся къ тому, чтобы добиться соединенія нашей церкви съ православною церковію Востока. Но это я сдѣлалъ просто въ силу того глубокаго убѣжденія, что первый шагъ въ направленіи этого столь желаемаго завершенія нашихъ стремленій долженъ заключаться въ томъ, чтобы мы постарались узнать Россію—эту главную вѣтвь Восточной церкви—лучше, чѣмъ это было до сихъ поръ, и чтобы мы постарались освободиться отъ нѣкоторыхъ нашихъ наиболѣе поверхностныхъ предубѣжденій противъ нея... Это чистѣйшее самообольщеніе—вообра-

жать, что соединеніе церквей можетъ вообще когда-либо произойти путемъ компромисса въ области догматики, или же путемъ уклоненія отъ откровеннаго и свободнаго обсужденія основначаль» (стр. 24). Прекрасно зная Россію, Биркбекъ былъ всегда очень далеко отъ мысли, что сближеніе можетъ быть легкимъ и безъ особыхъ затрудненій. Стремленіе нѣкоторыхъ англиканъ—добиться этого сближенія путемъ общенія въ таинствахъ на практикѣ, до выясненія догматическихъ разностей,—всегда встрѣчали въ немъ твердый отпоръ. Заключительныя слова доклада Биркбека не лишены поучительности и для друзей англиканства въ Россіи. «Соединеніе—это еще отдаленное событіе; оно, можно сказать, совершенно внѣ предѣловъ политики настоящаго времени. Прежде всего постараемся поближе узнать другъ друга. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, первый шагъ, и очень важный, по направленію къ тому великому дѣлу, которое такъ дорого всѣмъ намъ» (стр. 30).

Въ 1896 г. Биркбекъ выступилъ съ новымъ докладомъ, на этотъ разъ на церковномъ конгрессѣ въ Шрюсбери. Темой для себя онъ взялъ «The idea of a National Church (London 1896), гдѣ старался выяснить предъ англиканской публикой вопросъ о томъ, какъ идея церкви національной и въ то же время католической находить себѣ воплощеніе въ жизни и исторіи церкви русской. Но помимо этого Биркбекъ постоянно принималъ участіе въ періодической церковной прессѣ. Его замѣтки и статьи, всегда прекрасно освѣдомленныя и часто касавшіяся Восточной церкви, то и дѣло появлялись на страницахъ двухъ самыхъ главныхъ еженедѣльныхъ церковныхъ журналовъ «The Guardian» и «The Church Times». Послѣ Биркбека несомнѣнно, осталось почтенное литературное наследство, и нужно надѣяться, что Madam Birckbeck приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы издать все, и особенно переписку покойнаго, которая, безспорно, содержитъ массу важнаго матеріала.

Но служба дѣлу единенія церквей перомъ, Биркбекъ служилъ ему и словомъ. Онъ часто выступалъ на лекціяхъ посвященныхъ Востоку, его ученію и особенно богослуженію и пѣнію. Намъ особенно памятны три его лекціи, посвященныя богослуженію нашей церкви. Изъ этихъ лекцій одна была дана въ Норичѣ и двѣ въ Лондонѣ. Къ участію на нихъ Биркбекъ пригласилъ квартетъ нашей посольской

церкви въ Лондонѣ. Въ то время этотъ квартетъ состоялъ цѣликомъ изъ кандидатовъ Петроградской Академіи ¹⁾, и отличался прекраснымъ исполненіемъ церковнаго пѣнія. Нужно было видѣть ту заботливость, съ которою Биркбекъ выбиралъ музыку для иллюстраціи своей лекціи. Были выбраны лучшія пѣснопѣнія изъ доступныхъ для нашего квартета, и пѣніе имѣло полный успѣхъ. Это былъ первый случай, когда русское церковное пѣніе раздалось въ старинномъ Норичѣ. Вся поѣздка была прекрасно обставлена и въ воспитательномъ для насъ отношеніи. М. Биркбекъ помѣстилъ насъ въ самомъ старинномъ отелѣ города Maidenshead Hotel, почти подъ свѣтлою стариннаго собора г. Норича, заботливо показавъ намъ всѣ прелести этого зданія. Долго тянулась наша милая бесѣда послѣ лекціи подъ меланхолической и музыкальный звонъ соборныхъ часовъ.

Эта же лекція повторена была дважды и въ Лондонѣ. Успѣхъ настолько былъ замѣтенъ, что самъ католическій архіепископъ Вестминстера—кардиналъ Dr. Bourne счелъ полезнымъ пригласить нашъ квартетъ на лекцію одного архитектора-шотландца, прочитавшаго въ Church House при католическомъ соборѣ лекцію о русской церковной архитектурѣ и богослуженіи.

Послѣднимъ литературнымъ трудомъ Биркбека, какъ бы своего рода завѣщаніемъ, является его лекція, содержащая изложеніе ученія русской церкви. Эта лекція одна изъ серіи четырехъ лекцій, посвященныхъ изученію русской церкви, изданныхъ, съ предисловіемъ Лондонскаго епископа Ингрэма подъ общимъ заглавіемъ: *The Russian Church. Lectures on its History Constitution, Doctrine und Ceremonial.* London 1915. V—VII.—1—83). Въ своей лекціи Биркбекъ касается доктринальнаго положенія Восточной церкви, но выясняетъ этотъ вопросъ при свѣтѣ богословскихъ воззрѣній славянофильской школы, вѣрнѣе—ея корифея въ богословіи—А. С. Хомякова. Прекрасно зная положеніе вещей у себя дома, Биркбекъ счелъ нужнымъ дать англиканамъ небольшой очеркъ богословской мысли въ Россіи. Указавъ на то, какъ понимаетъ славянофильская школа положеніе Восточной церкви вообще,

¹⁾ Пѣли К. П. Фаминскій, видѣвъ помощ. бібліотекаря Петроградской Дух. Акад., Ф. Э. Волковскій (чиновникъ Министерства Торговли и Пром. въ Лондонѣ), В. И. Ярцевъ (исаломщикъ русск. церкви во Флоренціи) и В. Т. Тимошеевъ (исаломщикъ посольской церкви въ Лондонѣ).

онъ переходитъ затѣмъ къ изложенію, своего рода философіи исторіи раздѣленія Востока и Запада, выясняя, какъ начало рационализма вошло въ Западную церковь, оторвало ее отъ Восточной и послужило въ ней сѣменемъ дальнѣйшаго разложенія и выявленія ея изначальной немощи въ видѣ разбитаго на безконечные толки протестантизма. При свѣтѣ этихъ воззрѣній Биркбекъ раскрываетъ, далѣе, и положеніе Восточной церкви въ вопросѣ о Filioque и ея ученіе о призваніи святыхъ и о молитвѣ за усопшихъ. М. Биркбекъ думаетъ, что онъ даетъ здѣсь изложеніе воззрѣній не просто какой нибудь школы богословской мысли въ Россіи, а именно ученіе Восточной церкви, и подтвержденіе этому видитъ въ слѣдующемъ. «Какъ мы видѣли», пишетъ онъ, «краеугольный камень ихъ (т. е. славянофиловъ) положенія, именно ихъ ученіе относительно сущности церкви, получило поразительное подтвержденіе въ отвѣтѣ греческихъ патріарховъ на энциклику Пія IX въ 1848 г... Мнѣ никогда еще не приходилось встрѣчаться съ русскимъ богословомъ, который рѣшился бы оспаривать правильность ихъ точки зрѣнія вообще» (стр. 62—63). Эта лекція Биркбека невольно обращаетъ на себя вниманіе какъ основательнымъ знакомствомъ его съ русской богословской литературой, такъ и безпристрастнымъ и умѣлымъ изложеніемъ сути дѣла.

Повторяемъ, покойный Биркбекъ усердно и настойчиво работалъ надъ идеей сближенія англиканской церкви съ Восточной и шелъ въ этомъ дѣлѣ самымъ вѣрнымъ путемъ—путемъ личнаго изученія одной изъ самыхъ большихъ вѣтвей Восточной церкви—церкви русской. И вотъ когда тѣсный союзъ Англіи съ Россіей на полѣ непримѣрной въ исторіи народовъ брани долженъ былъ бы потомъ дать свой пышный плодъ и въ области между церковныхъ отношеній, Биркбекъ который больше всего потрудился надъ сближеніемъ Англіи съ Россіей, похищенъ отъ насъ неумолимою смертію! Есть что-то трагическое въ томъ фактѣ, что Моисей рѣдко входятъ въ обѣтованную землю, и чаще умираютъ на порогѣ (если такъ можно выразиться) наступающаго дня, который могъ обѣщать жатву отъ понесенныхъ трудовъ. Но пути Провидѣнія неизслѣдимы, и мы смиренно должны преклониться предъ властною Его рукою. Не будемъ

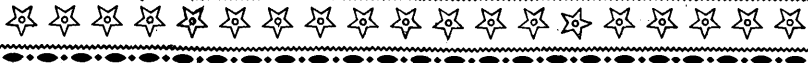
.....lacrimis urgere sepulchrum:

Panditur ad nullas Ianua nigra preces...

Постараемся лучше воздвинуть въ своихъ сердцахъ памятникъ вѣчной благодарности почившему «Ивану Васильевичу Биркбеку», моля Создателя всяческихъ подать ему вѣчный покой» за все то добро, которое онъ сдѣлалъ въ своемъ неустанномъ служеніи дѣлу сближенія церкви, и особенно русской и англиканской ¹⁾.

М. Фаминскій.

¹⁾ Считаемо полезнымъ указать здѣсь литературу на русс. и на англійскомъ языкахъ, посвященную памяти почившаго Н. В. Биркбека. На первомъ мѣстѣ нужно поставить весьма интересную и весьма обстоятельную статью Проф. Н. Н. Голубоковскаго въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», 11—12 кн. за 1916 г. Затѣмъ слѣдуютъ: статья В. А. Соколова въ «Богослов. Вѣстникѣ» за 1916, кн. 9; очеркъ С. В. Троицкаго въ «Прибавленіяхъ къ Церк. Вѣд.» № 26 за 1916 г. («25 Іюня»); и небольшая замѣтка въ «Приходскомъ Листкѣ» за 1916 г. № 135. Изъ англійскихъ статей указываемъ двѣ: *The Guardian*, June 15, 1916, p. 510 In. *Memoiriam*; «*The Church Times*» June 16, 1916, 562 In. *Memoiriam*. Эти журналы были любезно представлены въ наше распоряженіе проф. Н. П. Соколовымъ, которому мы и приносимъ здѣсь свою искреннюю благодарность.

Профессоръ Николай Васильевичъ Покровскій.

Скончался на 69-мъ году жизни профессоръ Петроградской Духовной Академіи Николай Васильевичъ Покровскій. Въ лицѣ его сошелъ въ могилу одинъ изъ главныхъ строителей церковно-археологической науки, въ свое время, можно сказать, полагавшій основаніе этой науки въ Россіи. Подробный обзоръ научныхъ трудовъ почившаго данъ будетъ въ слѣдующей книжкѣ Христіанскаго Чтенія; здѣсь же, скажемъ кратко, что его многочисленные ученые труды не только ввели въ области научнаго изученія массу новаго церковно-археологическаго матеріала, но явились образцовыми по анализу иконографическаго содержанія памятниковъ. Несомнѣнно, что его трудамъ и въ будущемъ принадлежитъ роль надежныхъ и необходимыхъ для всякаго новаго изслѣдователя въ этой области справочныхъ руководствъ. Высокое значеніе за сочиненіями Н. В. признано также Западной наукой, черпающей въ нихъ свѣдѣнія о памятникахъ византійскаго и русскаго церковнаго искусства, равно какъ общее освѣщеніе иконографическихъ композицій. Неумоимый, исключительно продуктивный ученый изслѣдователь, Н. В. много послужилъ самой популяризаціи церковно-археологическаго знанія, съ одной стороны какъ превосходный лекторъ, съ другой—какъ авторъ первыхъ у насъ и пока до настоящаго времени единственныхъ учебниковъ по церковной археологій. Въ отношеніи къ Духовной Петроградской Академіи заслуги покойнаго дополняются устройствомъ церковно-археологическаго музея, созданнаго по его иниціативѣ и

единоличными его стараніями. Въмѣстѣ съ дарованіемъ ученаго Н. В. счастливо соединялъ въ себѣ талантъ и административный. Съ 1893 по 1898 г. онъ проходилъ должность инспектора Академіи, а съ 1898 г. состоялъ директоромъ Петроградскаго Археологическаго Института. Въ теченіе своей долгой учено-педагогической службы Н. В. давалъ удивительный примѣръ бодрой и повышенной энергіи, начавшей ослабѣвать только въ послѣдніе годы жизни покойнаго. Въ началѣ прошлаго года въ виду болѣзненнаго его состоянія врачъ воспретилъ ему умственные занятія, однако этотъ принудительный отдыхъ не исцѣлилъ Н. В., наоборотъ равнялся для него лишенію родной его стихіи. Н. В. медленно съ роковой неотвратимостію угасалъ. Въ ночь на 8 марта его не стало. Вѣчная память славному питомцу духовной школы, великому труженику науки!